

Арфеев

Даниил Юлианов

18+

Даниил Юлианов Арфеев

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70430140

SelfPub; 2022

Аннотация

Похоть, страхи, гнев – вот лишь малая часть того, что колеблется в душе молодого предпринимателя Романа Арфеева. У него есть всё для счастливой жизни: деньги, процветающая компания, любимая девушка, преданные сотрудники, дорогая машина и уверенность в себе. Но там, глубоко в груди, скрытые рёбрами, обитают ужасные существа, знакомые каждому человеку. Существа отвратительные, которых следует держать взаперти, но вот они царапают стенки сердца, протискиваются сквозь кости и начинают бить по грудной клетке, пытаясь выбраться наружу. Тогда окружающие не узнают изменившегося человека, хотя сам он давным-давно знаком с тем, кто всё это время сидел внутри.

Что же произойдёт, если мы вдруг прекратим контролировать это «нечто»? И сможем ли мы одержать победу, противостоя ему? Сохранится ли в нас благородность?

История Романа Арфеева приоткроет вам завесу тайны о человеческих страхах, переплетённых в клубке пороков, желаний и инстинктов, где осталось совсем мало места добродетели.

Содержание

Предисловие	5
Часть 1	7
Часть 2	148
Часть 3	286

**Даниил Юлианов
Арфеев**

Анастасии Мегель

Предисловие

Я люблю эту историю.

Мне нравится, как невинно она начинается и покрывается мраком с каждой следующей страницей, причём подступающая темнота порой совсем незаметна – она дрейфует меж строк и невидимыми пальцами ласкает вам плечи, пока вы читаете, читаете, читаете, думая, что это очередной роман про любовь. Мне нравится представлять, как какая-нибудь женщина лет сорока, прочитав первые десять страниц этой книги в магазине, покупает её и направляется домой с желанием скрасить досуг незамысловатой историей, полной вымышленной любви и иллюзий романтических отношений между главными героями, а потом, продвинувшись дальше, с ужасом замечает, что книга-то совсем не та. Она ещё борется с собой, читает дальше, но желание бросить книгу становится сильнее, ведь почему-то здесь говорится совсем о другом. И эта женщина закрывает книгу, кладя её в самый дальний уголок своей полки, жалея о своей покупке и требуя от себя в следующий раз читать аннотации.

А о чём эта книга?

Думаю, на этот вопрос вы ответите сами, дочитав до конца. Моей целью является лишь вооружить вас фонариком, потому что впереди вас ждёт длинная дорожка, состоящая из пятен света и тьмы. Кое-где прожектора будут выхватыва-

вать большие участки, по которым вы можете смело идти и иногда даже смеяться, если некоторые строки вам покажутся забавными. Но кое-где... кое-где мрак поглощает все фотоны и не оставляет вам ничего, кроме темноты. Кому-то она покажется пугающей, кому-то – нет, но в не зависимости от того, к какой категории людей вы принадлежите, я всё равно хочу вооружить вас фонариком.

Вот он. Берите.

Взяли? Отлично! Не знаю, поможет ли он вам в путешествии, в котором вы столкнётесь с пороками человека, с его тайными желаниями и ужасными демонами, стучащими по рёбрам в такт биению сердца. Но как бы то ни было, с фонариком спокойнее. Верно?

Сейчас вы увидите историю глазами одного человека. Услышите мир его ушами, вдохнёте ароматы этого мира его носом и задышите совсем по-другому, словно вы...

...словно вы...

...совсем другой человек.

Приятного чтения.

Часть 1

Самая длинная ночь

1

Луна...

Такая далёкая и манящая этой ночью. Её сияние покрывало собой весь мир, подчёркивая лучами контуры прекрасного. И мир этот был без изъянов в глазах влюблённого. В глазах того, чей рассудок опьянел, в чьих жилах мерно протекало вино, а сердце, казалось, стучало в унисон со вселенной, все яркие краски которой уместились в груди молодого парня. Небо будто очистилось для них двоих, и яркие звёзды, что пытались сравниться с искренне чистой луной, освещали силуэт пары, идущей вдоль Невы и наслаждающейся каждым приятным мгновением. Бесчисленный поток людей окружал эту пару, и под покровом ясной ночи сами они ничем не отличались от сотен других прохожих.

Разве что их сердца вскипали горячей любовью.

Они проходили под светом фонарей, лучи которых ложились на их счастливые улыбки, и не видели окружающего мира, а лишь смеющиеся, такие любимые и радостные глаза.

Они всё шли и шли, не замечая посторонних звуков и внимая смеху друг друга – смеху того человека, что открыл для тебя своё сердце и с тёплыми объятиями впустил в нежно ласкающий свет. Их глаза горели ярким пламенем любви, и огонь этот освещал собой весь сегодняшней ночью – такой ясной и волшебной, что даже самое окаменелое, самое холодное сердце сумеет поверить в чудо под этими звёздами. Ветер ласкал волосы и лёгкой и лёгкой прохладой поглаживал пылающую кожу, пока Рома и Настя радовались тому, что вдыхают этот ночной воздух вместе.

– До сих пор волнуешься?

Она посмотрела на него, и он вновь удивился красоте её серо-голубых глаз, казавшихся всем самыми обычными, и лишь человек, в чьём сердце пылает любовь, был способен найти в них ту самую глубину, что заставляет подниматься уголки губ и расплываться в глупой мальчишеской улыбке.

Настя поправила волосы и тихо проговорила, смотря прямо в тёмные карие глаза:

– Да, немного волнуюсь. – Она крепче сжала его руку и остановилась.

Невидимые ручейки ветра пробежали по её молочно-шоколадным волосам. Свет уличных фонарей играл тенями в самых глубинах зрачков, и оттого её глаза казались ещё красивее. Радужки переливались слабыми волнами спокойного моря, небо над которым покрыли густые серые облака. Рома где-то слышал, что глаза являются зеркалом души челове-

ка, немного распахнутой дверью в его настоящую сущность или замочной скважиной в запертую комнату, сквозь которую можно увидеть то, что так тщательно скрывают язык и слова. Что ж, если это действительно правда, то тогда Рома мог поклясться, что душа у Насти сияла чистым светом и была прекрасна, ведь об этом говорили её глаза.

Такие волшебные, серо-голубые глаза.

Его рука легла на её талию, и вместе с приятным, слегка щекочущим тело возбуждением Настя почувствовала лёгкое дуновение ветерка, когда Рома, чуть наклонившись, прошептал ей на ухо:

– Всё будет хорошо, Рапунцель. Ты порвёшь их всех. Они даже пискнуть не успеют как поймут, что взяли именно тебя.

Этими словами он вызвал у неё лёгкую улыбку, но всё же не смог полностью прогнать повисшее в воздухе напряжение. Чувствуя, как начинает слабо трясись её тело, он обнял Настю и тут ощутил, как она поддалась, уткнулась головой ему в груди и сплела руки на его спине. Звёзды над их головами равнодушно глядели на них, пока здесь, внизу, в груди каждого из них разгорался настоящий пожар – пока ещё контролируемый, но уже обжигающий рёбра. Воздух проник в лёгкие приятным ароматом ночного города и заставлял сердца биться чаще, прислушиваясь к ритму друг друга. Прохожие казались Роме и Насте еле видимыми призраками, что бросали на них взгляды и иногда фыркали в сторону обнимающейся пары. Все звуки, даже самые-самые гром-

кие отошли на задний план, уступив место разгорячённому дыханию и стуку сердец, пытающихся из одной груди перепрыгнуть в другую.

Когда руки Ромы заключили Настю в объятия, та полностью утонула в них и на миг отделилась от тела, став чем-то целым с тем мужчиной, чьи ладони сейчас поглаживали её спину сквозь ткань футболки. Его движения были мягкими и нежными, но при этом не лишёнными своей твёрдости. Каждая секунда, проведённая в крепких объятиях Ромы, казалась Насте чуть ли не самой счастливой за всю жизнь. Слова, произнесённые им у самого уха, мягким покрывалом проходились по сознанию и успокаивали Настю, вселяя надежду, что всё и вправду будет хорошо.

Он чуть отпрянул от неё, и прорвавшийся меж ними ветер подхватил в воздухе нотки нежности, что окутала прочной оболочкой эту обнимающуюся на набережной пару.

– Мы уже почти на месте. Ты готовилась к этому два месяца, так что не вздумай сейчас сдрейфить, слышишь? Насть, ты меня слышишь?

Она слабо кивнула, после чего почувствовала, как сухие губы прильнули к кончику её аккуратного носика, и тут она... чёрт, тут она растаяла. Прижалась к нему всем телом и не желала отпустить, даже если весь мир будет настаивать на этом. Это был ЕЁ мужчина. Её **любимый** мужчина. Только рядом с ним она по-настоящему ощущала себя женщиной – сексуальной, привлекательной и, чёрт побери, счастливой!

Счастливой!

От его улыбки по её телу пробежала мелкая дрожь, а уверенный взгляд карих глаз притягивал к себе подобно магниту. Настя никогда не забудет, как Рома заступился за неё в кинотеатре, когда один из посетителей – этот сраный козёл с бородой – назвал её кудрявой шлюхой. Как же Рома тогда разъярился! И каким... ладно, стоит уже себе признаться... каким чертовски сексуальным он выглядел в тот момент! Несмотря на полученное оскорбление и мгновенный стыд, Настя еле смогла совладать с собой, чтобы не наброситься на своего парня прямо там, у выхода из зала.

Она помнила, как прорезались его скулы, и буквально ощутила болезненный укол, что сделали ему в спину этими словами. Как же тогда покраснело его лицо! В стрессовых ситуациях щёки Ромы всегда заливались краской, хоть сам он и был полностью уверен в себе. Насте это всегда казалось безумно милым, но тогда она была готова поклясться, что Рома ненавидел себя за такую особую черту организма.

И так мог подумать абсолютно каждый, пока не зацеплялся взглядом за карие, смотрящие прямо и неприкрыто глаза.

Тому козлу не поздоровалось, и он получил то, что по праву заслужил. После личного знакомства Рома поднялся с распростёртого на полу тела и приказал собравшейся толпе вызвать этому говнюку «скорую», потому что тот мог лишь стонать и жалобно поскуливать. Серый кафель покрыли крупные капли свежей крови, которая всё вытекала и вы-

текала из разбитого носа мужика. Она забрызгала собой воротник белой рубашки Ромы, его шею, но не посмела зайти на лицо, а только широкими ручьями обвила его правую кисть. Ею он накрыл ладонь Насти, легонько сжал её и повёл за собой.

И вот тогда она по-настоящему завелась.

Как только они вышли на улицу, Рому тут же почувствовал, как влажные губы накиннулись на него, а упругие груди прижались к телу, заставив проскочить яркую искру в паху. Страсть кипела в серо-голубых глазах, и когда совсем рядышком лёгким шёпотом пролетело слово «Остановись», она выплеснулась наружу и залила всё вокруг. Не в силах дойти до дома, Рома с Настей в первую попавшуюся на глаза кафешку, спросили: «Где здесь туалет?», и уже через пару минут в одной из запертых кабинок раздавались сдавленные стоны и судорожные, такие сладостные вздохи.

Настя до сих пор слегка стыдилась этих воспоминаний, но отрицать то, что при них на её лице начинала играть озорная улыбка, было невозможно.

Прохладный ветер ночного Петербурга напомнил о реальности, пройдясь призрачными кончиками пальцев по всему телу. Крепкие объятия слегка растаяли, а после и вовсе исчезли, оставив теплоту лишь в сердцах влюблённых. Они стояли у самого заборчика набережной, глядя друг другу в глаза и сияя искренней, чуть придурковатой улыбкой. Луна заботливо очерчивала контуры их фигур своими луча-

ми, будто пыталась выделить эту пару из общей толпы. Толпы, полной одинаковых несчастливых лиц. Каждое из них проносилось мимо с удручающей скоростью словно куда-то страшно опаздывая. Люди фантомными тенями пересекали улицы, дороги, переулки, проходя под таким красивым небом и вдыхая такой приятный воздух, но мало кто замечал это – головы многих жителей были забиты проблемами, и все они гнались поскорее и решить, забывая хоть чуточку пожить, по-настоящему насладиться тем, что живёшь здесь и сейчас. Вот так человек и подбегает к обрыву своей жизни, несясь туда сломя голову вместо того, чтобы не спеша прогуливаться по этим дивным пейзажам и брать всё, что захочется. А если не разрешают – схватить тряпку, запихать её в рот тому, кто подобное сказал, и взять то, что должно принадлежать тебе.

Так собиралась поступить Настя.

– У тебя всё тот же вкус помады?

Уголки её губ тут же приподнялись, образовав на щеках небольшие ямочки, что могли влюбить в себя любого.

– А ты проверь, – лёгкий смех ласковыми нотками влился в ночной воздух, заставив сердце отозваться теплом. Засмеялись и её серо-голубые глаза, и на миг Роме показалось, что серые облака чуть расступились, уступив место чистой синеве.

Уличный фонарь на секунду потух и сразу же вспыхнул вновь, когда у самого уха Настя услышала:

– Не тренируй меня, Рапунцель. Я срываюсь с цепи только так, ты же знаешь.

И прежде чем она успела ответить, их губы прильнули друг к другу в ненасытной страсти, перемешавшейся с ванильной, такой сладостной нежностью. Каждая клетка их тел вдыхала аромат любви – не осязаемый для прохожих, но кружащий голову тем, чьи души сплелись воедино, а внутренние голоса начали петь в один микрофон общую песню двух сумасшедших. Кончики их языков встретились, и как только это произошло искры похоти превратились в пожар, остановить который уже не представлялось возможным.

Рома с большим усилием прекратил поцелуй и, чувствуя, как тяжело поднимается грудь Насти, задал ей всего один вопрос:

– Сколько у нас ещё времени?

– Где-то около часа. – Лёгкая догадка проскочила в её голове, заставив засиять игривой улыбкой.

И сиянье это стало ещё ярче, когда голос любимого мужчины – такой приятный, бархатный – зашекотал кожу на мочке уха.

– Видишь вон ту кафешку? – Он указал на освещаемую сотнями огней улицу, что казалась ещё более волшебной под ночным питерским небом чем обычно. И этот город, влюбляющий в свои красоты туристов со всего мира, также известен тем, что где бы ты ни был, в какую бы подворотню тебя не занесло, рядом всегда окажется хоть и не большая, но ка-

фешка. И в каждой из них обязан быть туалет. Плевать на то, что персоналу не очень нравятся те, кто заглядывает к ним исключительно ради того, чтобы справить нужду.

Ну, или не только нужду.

– Вижу, – первый этаж одного из зданий покрывали разноцветные гирлянды, хоть все календари в один голос говорили, что на дворе лето и только-только начался июль. Но местные жители знали, что огоньки этих разноцветных светлячков висят здесь круглый год, создавая у прохожих новогоднее настроение даже в самые жаркие дни. Огромная гирлянда подобно мирно сидящей змее облепила собой стену жилого дома, аккуратно, чётким контуром обвив название заведения.

Облизнув и без того влажные губы, Настя произнесла его:

– «Дед Засос», – и сама засмеялась, как только услышала, что сказала. Смех вырвался из её груди мощным взрывом, и чтобы хоть как-то сдержать его, она прижалась к Роме, не в силах справиться с трясущим её весельем. – Господи, это ж надо было такое название придумать! Дед, мать его, засос! Это вам... – Она уткнулась Роме в грудь, чувствуя, как смеётся уже он сам. Что ж, её смех был чертовски заразительным. – Это вам не какой-нибудь Дед Мороз! Это... Ой, погоди, дай успокоюсь! Сейчас... – Её дыхание стало выравниваться, но чёрт бы побрал тебя, Рома! Как только их взгляды встретились, что-то толкнуло Настю и заставило засмеяться вновь – в весь голос, который так и подманивал прохожих

отвлечься и повернуть головы в сторону искреннего женского смеха.

– Хватит на меня так смотреть! Ты меня смешишь!

– Я просто смотрю на тебя как на сумасшедшую.

– Сам ты сумасш... – Её глаза резко закрылись, подбородок взмыл в небеса, голова откинулась назад, а рот и вовсе раскрылся чуть ли не на максимум. Настя сделала пару шагов назад, но упёрлась попой в заборчик и остановилась. Ладони взметнулись к лицу со скоростью света и всё же опоздали.

Рома увидел то, что не пожелаешь увидеть ни одному молодому человеку на протяжении всей жизни – лицо своей девушки во время чиха. О Боги... Лучше б на ужастик ходил. Сотни морщин прорезали лицо жёсткими линиями, а нос испуганно съёжился, притворившись пяточком милой свиношки. Глаза оставались закрытыми, позволяя Роме одному лицезреть сей приятный процесс. Самый его апогей наступил тогда, когда губы Насти плюхнулись друг на друга, а в ноздрях взорвалась мощная водяная бомба, выбросив все сопля наружу. Одна из них – безумно гигантская и летящая со скоростью пули – прилипла на рубашку Ромы, прямо под мышцами левой груди.

И как только он почувствовал что-то холодное на своей коже сквозь ткань рубашки, он посмотрел вниз, наткнувшись на огромную ухмыляющуюся соплю.

– Нифига себе! Это за что меня так? – Настя до сих пор

приходила в себя, вытирая с уголков рта вылетевшие слюни. – Тебя аж саму шандарахнуло. Охренеть ты пушка конечно!

Только сейчас она взглянула на него и еле смогла подавить в себе смех, но всё же краткая раздула её щёчки, а глаза выпучились на краснеющем от стыда лице. Они смотрели на ошалевшее лицо молодого юноши и соплюху-гиганта, которая, судя по всему, была чертовски довольна тем, где находится.

– Ой, – чувство вины и безудержное веселье перемешались в сумасшедшем миксе, так что Настя не знала что делать: смеяться или просить прощения.

Поэтому она сделала и то, и другое.

– Прости, – её грудь, обтянутая футболкой, всё время поднималась и опускалась, выпуская из лёгких тёплый воздух вперемешку со смехом. – Прости, пожалуйста. Я не хотела, честно. Просто...

– Просто кто-то решил обрызгать меня соплями, ага! – Настя засмеялась ещё сильнее и уже собралась прижаться к Роме, чтобы утопить свой смех в его аромате мужского парфюма, но тут же вспомнила про подарок, который она любезно оставила на его рубашке.

Шальная улыбка смогла вырваться на свободу и засиять на её лице. Лёгкое дуновение стыда заставило губы чуть напрычься, но уголки рта всё так же были подняты вверх, образуя на щёчках такие милые, чертовски привлекатель-

ные ямочки.

Настя вплотную приблизилась к Роме, и как только сотрясающие живот смешинки стали растворяться в воздухе, она поднесла палец к своему творению и дотронулась до него. Поджала губы и резко отдернула руку, будто только что обожглась об горячую сталь. Её улыбка продолжала сиять под смеющимися глазами, и даже в свете уличных фонарей Рома заметил, как мягенькие щёчки залились краской, а взгляд опустился вниз, уставившись на землю.

– Я не могу её убрать. Она...противная.

– Ну нифига себе! То есть ты выстрелила в меня дробью, а теперь ещё говоришь, что не можешь поднять собственный заряд? Охренеть конечно... – Он достал платок из кармана джинсов и, расправив его, упоминал с рубашки напоминание Насти о том, что она безумно любит своего мужчину, после чего выкинул платок в ближайшую урну и вновь посмотрел в залитые стыдом серо-голубые глаза.

– Теперь на свидания с тобой я буду надевать бронированный костюм, а то так ты мне и голову снесёшь! – Уголки её губ снова потянулись вверх, не в силах сопротивляться безумно заразной улыбке Ромы. – Я ей, значит, подарочки тут, цветочки ношу, а она в меня соплями кидается! Вот это женщина так женщина! Слушай, а ты раньше миномётчиком не работала? Если работала, то тогда мне жаль твоих врагов. Они ж, бедные, захлебнулись поди. Божечки! – Его глаза широко раскрылись. – У тебя ж нет лицензии на ору-

жие! Ты понимаешь, что если тебя поймают с твоим носом, то сразу же в обезьяник запрут, и будешь обрызгивать всех уже там, а не здесь.

– Прекрати! – Настя не могла заставить себя перестать смеяться, и даже поднесённые к лицу руки не сдерживали тот хохот, что сотрясал всё её тело. – Перестань, Ром!

– «Перестань, Ром!» Да фиг я теперь перестану, мне ещё в себя нужно прийти после такого! Кажись, у меня... – Он резко взялся за сердце и мгновенно застыл, тупо уставившись на смеющуюся Настю. – Кажись у меня сейчас будет инфаркт. Я перебздел от страха и не заметил этого от шока. Мне срочно нужен врач. Врач! – Рома зашагал вдоль заборчика, хромя на одну ногу и всё время держась за свою левую грудь. – Врача мне! Здесь есть врач?!

Настя рванула с места и в два счёта догнала Рому, но к тому моменту, когда её схватила воротник его рубашки, за них всё же успели зацепиться несколько тревожных, даже слегка настороженных взглядов.

– Ты что делаешь? – Маска серьёзности спрятала под собой смеющиеся в зрачках искорки, но даже так лёгкая тень улыбки проглядывала на губах.

– Умираю, как видишь. Я получил смертельное пулевое ранение прямо в сердце, но всё ещё надеюсь, что меня смогут спасти. – Они оба остановились, глядя друг на друга и на то, как красиво ложились тени на их лица. Ветер щеко-тал кожу и мягким веером проходил по шее, будто учил-

ся призрачному, почти незаметному массажу. И когда Рома, такой притягательный под сияньем этих звёзд, чуть приблизился к Насте – так близко, что она почувствовала губами его горячее дыхание, – она будто заново влюбилась в него, увидев всё прекрасное, что может быть в человеке, в одной паре глаз.

В одной паре этих чёртовых карих глаз.

– Передай моим детям, что я всегда любил их и буду любить. Если они спросят: «Где папа?», то скажи, что он лежит в больнице с пулевым ранением прямо под сердцем. Хирурги неистово пытаются вытащить из меня остатки сопли, пока сам я в ужасе вспоминаю тот момент, когда моя возлюбленная чихнула на меня.

– Господи, какой же ты ещё ребёнок. Тебе двадцать один год, Ром! Пора уже стать хоть немного серьёзнее.

Несколько секунд он молча смотрел на неё, и только когда её терпение подходило к концу, слабый ветерок подхватил голос Ромы, донесся его до самого сознания Насти.

– Обязательно. Прямо непременно. Я стану самым серьёзным человеком на планете, как только меня спасут врачи и вылечат.

– Ром, не хочу тебя огорчать, но это не леч...

Но он уже продвигался вдоль улицы, всё ещё прихрамывая на одну ногу и держась за своё бедное сердечко. Он всё также кричал, что ему срочно нужен врач, иначе он замертво упадёт прямо здесь, у самой Невы, и что его преследует

какая-то девушка, которая, судя по всему, хочет его убить.

О да, чёрт побери.

Не просто убить, а *прикончить*.

Настя догнала Рому и, не обратив внимание на крики прохожих, которых она пихнула, опять ухватилась за воротник рубашки и с силой дёрнула его на себя. Бледный призрак злости разгорался лёгким пламенем где-то глубоко внутри, и дым от этого огня превращался в яркий румянец на её щеках. Улыбка тут же спала с лица, сделав его невероятно красивым и чертовски привлекательным – особенно с этими злыми, смотрящими чуть ли не из-под лобья глазами.

– Ты когда злишься, становишься ещё красивее.

– Ты что, блин, творишь?! – Голос её был полон серьёзности, а нотки его пропитались той тональностью, что сейчас же требовала незамедлительного ответа. – Ты совсем больной?! Люди смотрят на тебя как на придурка!

– И пусть смотрят. Господи, Насть, я же шучу, а ты воспринимаешь всё всерьёз. Наверное, когда ты родилась, врачи посмотрели на тебя и такие: «Божечки! Да у неё же нет чувства юмора! Сестра, несите фотоаппарат! Мы вытащим Мисс-Серьёзность!»

– Ага, а ты когда родился, у акушера тут же кровь из ушей прыснула от твоих невероятно остроумных, а самое главное – познавательных шуток.

– Нет, похоже, ты не Мисс-Серьёзность. Теперь я буду называть тебя Мисс-Сарказм. – Улыбка вновь расплылась

на его лице, пока её глаза продолжали смотреть с плохо подделанной серьёзностью – Нет, даже не так. Мисс-Ужасный-Сарказм! Вот так лучше, да?

– Лучше будет, когда ты наконец заткнёшься и...

Настя краем глаза заметила, как к ним, сквозь идущую толпу прохожих, быстро приближается силуэт. Женский силуэт. Как абсолютно любая девушка, в чьих руках мерно стучит сердце возлюбленного, она тут же учуяла ту особу, которая собиралась подойти к её парню. Ощущала приближающуюся самку, что могла составить конкуренцию. Какие бы достижения в науке не становились покорны людям, какие бы огромные города и безумно высокие небоскрёбы они не строили, и как бы сильно они не старались отделить себя от животных, человек всегда остаётся предан природе и своим первобытным привычкам. Он может считать себя верхом эволюции и восьмым чудом света, но как бы то ни было, в первую очередь он – животное. Меняются времена, меняются ландшафты, и даже это чёртово мировоззрение тоже меняется! Но одно остаётся неизменным на протяжении многих и многих веков – инстинкты. Мужчина всегда хотел женщину, а женщина всегда хотела мужчину. Самцы борются за самку, а те, в свою очередь, уходят с победителем – более сильным защитником её потомства. Но существует и обратная сторона медали, дамы и господа. Имя ей – женщины. Безумно прекрасные, но чертовски опасные по отношению друг к другу. Хоть в современном мире людей всё так

же царствуют основные природные устои – самцы сражаются за право обладать самкой, и только самые упорные из них добиваются своего, – но всё же появилось и кое-что новенькое, чего прежде не было в мире животных. Женщины не желают отдавать своих мужчин. Господи, да они готовы перегрызть глотку любой сучке, что только попытается соблазнить будущего или уже настоящего кормильца семьи! Но делать они это будут предельно аккуратно, без лишнего шума. В каждой, в абсолютно каждой женщине сидит дьявол, и если ему только дать повод выйти наружу... ох, бедные девочки и мальчики, берегитесь. Сам сатана в ужасе от разгневанной женщины.

Так что когда Настя заметила, как к ним приближается другая девушка, она, сама того не до конца понимая, чуть напряглась и повернула голову.

– Простите, это вы кричали?

Из-за спины широкого мужчины показалась худенькая девочка лет семнадцати, озабоченность которой так и читалась на юном личике. Её тёмные волосы спадали небрежными прядями вниз, а маленькая грудь тяжело поднималась и опускалась из-за сбитого дыхания. Яркие зелёные глаза посмотрели сначала на Настю, после чего переметнулись на Рому и на нём же остановились.

– Вам плохо?

– Да, очень. Девушка, вы не поверите, но меня только что пытались застрелить и чуть не сделали это. Если бы не мой

ангел-хранитель...

Настя увидела, как широко раскрылись зелёные глаза и тут же дёрнула Рому за рукав, сердито поджав губы.

– Вы не слушайте его, он просто дурачок. Он не понимает что говорит, вот и всё. С ним всё в порядке, не волнуйтесь, никто его не пытался застрелить. Он немного выпил и поэтому несёт сейчас всякий бред.

– Ну после морса твоей мамы я вообще радуюсь, что ещё жив!

Смех мощным потоком вырвался из его груди, и выглядел Рома здоровее всех здоровых. Девушка, всё ещё пытающаяся справиться с отдышкой, растерянно стояла прямо перед ними, не зная что делать и, судя по всему, чувствуя себя очень неловко. Она переминалась с ноги на ногу, и то желание провалиться сквозь землю в её глазах заставило Настю взять инициативу на себя и выступить вперёд:

– Простите меня, пожалуйста, за его поведение. Это мой брат, и он слегка болен.

– Я болен?

– Да, ты болен!

На миг все прохожие замерли от такого крика и устались на Настю – покрасневшую донельзя и глядящую на Рому с неприкрытым упрёком. Она вновь повернулась к девушке и, чуть успокоившись, спросила:

– Вас как зовут?

До неё долетел тихий, нерешительный голосок:

– Вика. – И уже более смело: – Я учусь на медсестру и услышала, что здесь кто-то зовёт на помощь, а я как раз умею оказывать ПМП. Ну, я прибежала как могла быстро и надеялась помочь, но...

– Но помогать оказалось некому. Меня зовут Настя, и я тоже умею оказывать ПМП. – Она протянула руку и после того, как её пожали, продолжила: – Нас этому учили в школе, прямо перед самым выпуском. Послушайте, Вика, в качестве извинения я бы дала вам конфеты, но...

– Да не стоит.

–...у меня с собой ничего нет, так что я просто ещё раз попрошу у вас прощения. – Услышав, как Рома делает вдох, чтобы заговорить, Настя жестом приказала ему заткнуться, но сделала это очень и очень искусно – этот кулачок за спиной увидел только он. – Простите меня и моего брата. Я оценила ваш поступок и доброту, но нам правда не нужна ваша помощь. Знаете, вы большая умничка, что так отреагировали. Из вас, наверное, выйдет отличная медсестра.

Улыбка смущения заиграла на лице девушки, мгновенно сделав её ещё красивее.

– Спасибо большое. Это... понимаете, это моя мечта – пойти в медицину. После колледжа я планирую поступить в университет, получить там высшее образование и начать работать в...

– Так я твой брат?!

На несколько секунд повисла тишина, и лишь цоканье На-

сти смогло разбавить её. Она стыдливо закатила глаза, будто прячась от этой бедной девочки. Которая всего лишь хотела помочь, но напоролась на одного сумасшедшего и его подругу. Настя вновь почувствовала, как к щекам приливает кровь, и возненавидела Рому всей душой. Взяв себя в руки, она посмотрела будущей медсестре прямо в глаза и произнесла всего одно слово:

– Простите.

После чего развернулась и направилась к Роме.

– Слушай, так если ты моя сестра, а я твой брат, то это же вообще классно получ...

Настя кинулась на него, мгновенно прильнув к губам. Для этого ей пришлось привстать на цыпочки и обхватить лицо Ромы руками, чтобы не дать ему вырваться. Поцелуй выдался топорным, очень уж натянутым и никому удовольствия не принёс. Но зато позволил Насте утащить Рому как можно дальше от наблюдающей за ними помощницы Вики и прижать его к заборчику, так и желая вонзить ногти ему в шею.

Когда же их губы разъединились, а рты вновь обрели способность говорить (в особенности – Ромы), Настя даже не дала ему шанса сказать хоть слово.

– Ты придурок, а? Ты понимаешь, что мне становится стыдно ходить рядом с тобой? Мне, блин, хочется провалиться сквозь землю, когда ты выдаёшь очередные фокусы! Повзрослей, Ром! Повзрослей, мать твою!

Её речь прервало тяжёлое дыхание, отдававшееся жарким

пылом на лице Ромы. Обтянутые футболкой груди находились в постоянном движении, а на тоненькой напрягшейся шее выступила вена. Всё тело Насти напоминало готовую сорваться с места пружину. Но когда крепкая ладонь легла ей на бедро, она чуть успокоилась, хоть и не сбавила пламени в глазах.

– Ты меня любишь?

Вопрос был простым, поэтому ответ последовал сразу же.

– Конечно, Настя. Зачем ты это спрашиваешь?

– Затем, Ром. Давай поступим так: если ты меня любишь, то и вести себя будешь нормально. Не будешь выставлять меня душой и...

– Я не выставлял тебя душой.

– Да ладно! – С её губ сорвался фальшивый смешок. – А это сейчас что было? Я извивалась перед этой бедной девочкой как только могла, чтоб тебя окончательно не посчитали придурком! И у меня получилось бы, если б не твоё «А я твой брат?» Ты меня, конечно, прости, но если бы у меня был такой брат, я повесилась бы на первый же день.

– А вот это обидно.

– Заткнись, – Настя взяла его руки в свои и взглянула в карие, такие манящие, но полные юношеской глупости глаза. – Ром, если мы хотим здоровых отношений, то мы прислушиваться друг к другу. Ты, например, бесишь меня. Но только когда заставляешь краснеть перед людьми и чувствовать себя полной душой. Не делай так, ладно? Относись к

этому посерьёзнее.

– Хорошо.

– Нет, так не пойдёт. – Она снова привсталала на цыпочки и шепнула у самого уха: – Пообещай мне.

– Пообещать что?

– Что не будешь таким дурачком. И что будешь более серьёзно подходить к нашим отношениям. И ещё... – Слова застряли в горле мёртвым комом, так Насте пришлось прочистить его прежде чем сказать то, что нужно было сказать. – И ещё кое что. Ром, пообещай мне, что никогда не променяешь меня ни на кого другого. Ты знаешь, как для меня это важно, потому что я уже сталкивалась с этим. И не хочу столкнуться ещё раз. Очень не хочу.

Сияние голубой луны яркими бликами отражалось от её блестящих глаз, как солнечные лучи отражаются от поверхности чистого моря. Губы слегка задрожали, и именно их еле сдерживаемое подёргивание так проняло Рому. Ночной ветер прошёлся по его волосам, когда он положил руки на талию Насти и, убрав дурацкую улыбку с лица, мягко произнёс:

– Я обещаю, что буду серьёзно относиться к нашим отношениям. Обещаю, что никогда в жизни не променяю тебя ни на кого другого. А если я вдруг так и поступлю, то можешь смело отрезать мне член.

Из-под прядей тёмных волос настороженно блеснули серо-голубые глаза.

– Ладно, ладно, шучу. Я вообще так не поступлю, обещаю.

Я помню, как ты рыдала, когда Денис трахнул твою подругу.

– Не произноси его имя.

– Хорошо. Я всегда буду рядом, Насть, даже если нас...

– Он осёкся, увидев, как по щеке любимой девушки тонким ручейком скатывается слеза. Скулы, не так сильно выраженные до этого момента, теперь прорезались, и от этой боли в глубинах её зрачков сердце Ромы резко сжалось и мощным ударом накатило на рёбра, заставив их вспыхнуть огнём. – Эй, ты чего? Иди сюда. – Настя сдерживала всхлип до последнего и выпустила его Роме в грудь, ощутив, как её спину заключили в объятия крепкие руки. Сама она обняла своего мужчину в ответ, забыв про весь остальной мир. – Всё хорошо. Ты сейчас со мной, Рапунцель, а не с ним. Я тебя не ударю и не обижу, слышишь? И вообще... – Он взглянул на часы поверх макушки Насти. – Чёрт!

– Что такое?

– Так, посмотри на меня. – Рома чуть отпрянул и накрыл ладонями её плечи. – Через сорок минут у тебя прослушивание, помнишь?

– Помню, – ещё одна слезинка сорвалась с кончиков ресниц.

– Этот мудень остался в прошлом, так что не давай ему пролезть в твоё настоящее и тем более будущее. Выброси его на хрен из головы! Ты со мной, Насть. Здесь и сейчас. И совсем скоро у тебя прослушивание, к которому ты так усердно готовилась. Поэтому не позволяй какому-то огрызку

прошлого испоганить твоё светлое будущее. Вытри слёзы и соберись! Ты всё-таки Анастасия Перова, а не какая-нибудь обычная девчонка. А если кто-то скажет обратное, то мы с тобой просто...

Но он не договорил, потому что губы его попали в сладостный плен поцелуя. Ладони Насти накрыли его скулы, и сама она всем телом потянулась к нему, желая того, чтобы он взял её. Лёгкий ток возбуждения прошёлся по венам обоих, отдавшись мощными взрывами глубоко в голове. Их губы наслаждались вкусом друг друга и жадно впитывали его, будто эта минута была последней. Воздух вокруг насытился ванилью, так что казалось, что лёгкие благоговейно трепещут при каждом вдохе.

Сколько они так простояли, Рома не помнил. Но зато в его памяти чёткой картинкой запечатлелся момент, когда Настя закончила поцелуй, медленно открыла глаза, и под ними сразу же расплылась тёплая, полная усталости улыбка.

– Я люблю тебя, Ром.

Он убрал упавшие ей на лоб пряди волос и проговорил:

– Я тоже тебя люблю, Рапунцель. Только не раскисай, прошу тебя. Не сейчас. Ты же ночами репетировала всякие там роли не для того, чтобы незадолго до прослушиваний разрыдаться и испортить себе весь настрой. Вспомни, как я хлопал, когда ты показывала Мэрилин Монро! – Этим он вызвал у неё краткий смешок и заставил уголки губ подняться ещё выше, что, безусловно, порадовало его самого. – Ты была та-

кой счастливой той ночью, Насть.

– Это была вчера, дурачок.

– Да хоть позавчера. Послушай, я более чем уверен, что тебя возьмут, если ты будешь выступать перед ними так, как всегда выступала передо мной.

– Да, но перед тобой я выступала голая и сразу после секса, когда ты уже почти спал.

– Ну, голой тебе идти туда не надо, а вот насчёт второго...

– Их взгляды сплелись друг с другом. – Я могу это устроить.

– Не думаю, что сейчас это хорошая ид...

Слова застряли на перепутье меж обнимающихся губ, так и не сорвавшись с их конца. Настя хотела прервать поцелуй и продолжить разговор, но как только Рома провёл ладонью под её футболкой, пройдясь пальцами по плоскому животу, она резко передумала и будто бы вспыхнула, нет – зажглась ярким огнём.

Только сейчас она поняла, что ей действительно не помешает хороший секс.

– У тебя с собой?

– Резинка? – Рому сунул руку в карман джинсов, нащупал два волшебных пакетика и, чувствуя разрастающийся пожар в паху, ответил: – Да, с собой. Остаётся только дотерпеть до «Деда Засоса».

Но она не могла терпеть. Настя испугалась, потому что влага появилась ТАК быстро, и боялась, что не сможет сдержать себя от броска на Рому здесь и сейчас, сняв с него эту

чёртову рубашку. Она боялась, что не сможет дойти до кафе, сохранив здравый рассудок или хоть на секунду забыв о той похоти, что внезапно начала пожирать её изнутри.

Но всё же они дошли до кафе. Правда, как именно, Настя уже не помнила.

2

– Мы пришли. Наша остановка, мадемуазель.

Она взглянула на ведущую к крыльцу лестницу, и от её вида стало как-то не по себе. Железные перила злобно смотрели на Настю невидимыми, но такими ощутимыми глазами, а ночной воздух вдруг резко стал обжигающим, будто хотел прожечь собой лёгкие. Весь мир, казалось, упал ей на плечи тяжким грузом и давил на позвоночник, желая сломать его и услышать, как хрустнут хрупкие кости.

Настя сделала один вдох, другой, и только после того, как колени слегка подогнулись, она взяла Рому за руку и с силой сжала его ладонь.

– Слушай, не думаю, что это хорошая идея. Когда я впервые заговорила об этом, я была пьяна, помнишь? Плохая идея, Ром. Пойдём отсюда.

Между ними повисла тишина, оглушив обоих на пару секунд. Слова Насти эхом отозвались в голове Ромы, да так, что когда он услышал последние слова, невольно поморщил-

ся и отвернулся.

– Ты серьёзно? – Его взгляд вновь вцепился в её глаза и поймал их на том самом моменте, когда они собирались сбежать. – Ты это всё сейчас серьёзно сказала? То есть ты хочешь сейчас, перед самым прослушиванием, взять и струсить, я правильно понимаю? – Настя уставилась на носки своих кроссовок, и по всему её виду было понятно, что слёзы вот-вот потекут по щекам.

Увидев это, Рома продолжил говорить чуть мягче:

– Посмотри на меня, Рапунцель. – Это слово подействовало (оно всегда на неё так действовало) и заставило подняться серо-голубые глаза. Они слегка поблёскивали в свете уличных фонарей подобно двум кусочкам янтаря под солнечными лучами. – Что ты мне сказала тогда на крыше, когда мы провожали закат? Я запомнил эти слова навечно. Как и то, с какой решительностью ты их произнесла.

– Какие слова? – Её брови сдвинулись домиком, что всегда вызвало у Ромы улыбку, но сейчас он оставался серьёзным и не позволял себе отвлекаться.

– Ты это сказала, когда надевала бюстгальтер и смотрела на солнце. Сразу после секса. Мы ещё тогда не взяли с собой ни полотенца, ни салфеток и вернулись ко мне домой липкие, после чего сразу погнали в ванную. Ты забыла уже?

– А, точно! – Настю прорвало на смех, и он был настолько искренним и лёгким, что просто не мог не заразить. – Я тогда чуть не поскользнулась. Ты еле успел меня поймать. –

Смешинки потихоньку истощали себя и полностью исчезли, когда с лица Ромы пропала улыбка, а его прямой взгляд потребовал ответа.

– Так что ты тогда сказала?

– Я... Я помню, что мы болтали о нашем будущем, о наших мечтах, но... – На мгновение она запнулась, но уже через пару секунд вновь заговорила: – Я поняла, какие слова ты имеешь в виду. И вообще то тогда я надевала рубашку, а бюстгальтер мне надевал ты.

– Не суть.

– Да, не суть. Я тогда сказала: «Я обязательно стану актрисой, Ром. И не просто актрисой, а голливудской актрисой. Я буду сниматься в очень крупных проектах, а ты будешь заниматься своим бизнесом, и всё у нас будет хорошо».

– Ты сказала ещё кое-что.

Настя тяжело вздохнула и поправила волосы.

– Иногда я проклиная твою память. «Я никогда не сдамся и ни перед чем не остановлюсь», – вот что я сказала.

Кончик её носа нежно поцеловали сухие губы, на секунду замерев при самом соприкосновении.

– Умничка. Ты всегда была такой. Я влюбился в тебя, потому что увидел в тебе верную, сильную женщину. Когда я пошёл учиться на архитектора, одна ты меня поддержала. Когда у меня совсем не было денег, мой бизнес называли хреновым стартапом, а моя мини-компания из трёх человек медленно и уверенно становилась банкротом, ты никуда не

ушла, Насть. Ты всегда была рядом. Всегда. Ты переживала за моё будущее, наверное, больше чем я. Созванивалась с агентами, назначала встречи, пока я отсыпался, выбивала лучшую цену и никогда не опускала руки. Послушай, – он взял её ладони в свои. – Я ещё никому в жизни такого не говорил да и вряд ли скажу. Моё сокровище – это ты, Настя. И не уводи взгляд, чтобы при этих словах ты смотрела на меня.

Она так и поступила, хоть губы её дрожали, а слёзы были готовы сорваться с блестящих глаз. Но это были слёзы благодарности, и подтверждением тому служила невероятно искренняя улыбка, что тронула бы за душу любого мужчину.

– Ты делала для меня и моего будущего всё. Ты невероятно сильна для женщины, особенно такой молодой. И я не сомневаюсь, что тебя ждёт успех. Но если ты сейчас позволишь страху взять верх, – Рома выдержал небольшую паузу, – можешь забыть о себе как о личности. Ты зачастую решала мои проблемы, хоть я этого и не просил, но тем не менее ты справлялась с этим. Знаешь почему? Потому что это были мои проблемы. А вот свои решать всегда гораздо страшнее. Целеустремлённости и подготовки тебе хоть отбавляй. Тогда в чём проблема, Насть? Почему мы должны уйти?

Уличный ветер закрался ей под футболку, тут же заставив съёжиться. Он поднял её волосы цвета молочного шоколада и секунду играл с ними, пока они ему не надоели. Проник в её лёгкие и наполнил каждую альвеолу запахом ночного Петербурга, красота которого не сравнится ни с одним евро-

пейским городом. Настя смотрела в эти карие глаза, и только сейчас до неё дошло понимание того, почему она влюбилась и до сих пор любит Рому.

Рядом с ним она могла быть слабой.

Могла спрятать свою гордость и хоть какое-то время не заботиться ни о чём, а просто жить и наслаждаться моментом. Рядом с ним она чувствовала себя в безопасности и была полна уверенности, что всё будет хорошо. Какой бы сильной ни была женщина, каким бы жёстким ни был её характер, в глубине души, даже под слоем самообмана, она понимает, что нуждается в мужчине, который сильнее её. Феминистки скажут, что это бред, другие скажут, что это природа, и правы будут именно вторые. Жизнь обжигает абсолютно каждого. Некоторые сгорают, некоторые становятся жёстче подобно стали. Но всем нам порой необходимы ласка и нежность. А истинное её проявление показывается только тогда, когда мы полностью открыты друг перед другом, с выставленными напоказ слабостями.

И если какой-то человек оберегает ваши слабости, позволяет вам быть слабым или слабой рядом с ним, при этом не принижая вашу гордость, тогда он определённо заслуживает любви, ведь этот человек – тот огонь, рядышком с которым вы можете снять броню и погреться абсолютно нагим.

Рома был таким огнём для Насти, пусть иногда обжигающим. Лучше уж слишком сильное пламя, чем безразличный холод.

– Насть, ты здесь? – Она пару раз моргнула и снова встрети­лась взглядом с этими карими глазами. Мгновение её со­знание застигало сплошной туман, но как только сквозь него выглянул вопрос Ромы, он тут же рассеялся и исчез.

Облизнув губы, Настя заговорила:

– Я боюсь... боюсь, что им не понравится. Да, я знаю, мне должно быть насрать на мнение других, да я и сама об этом постоянно говорю, но... я не знаю... это тяжело объяснить, Ром. Да блин, меня всю просто так трясёт! Чувствую себя девчонкой перед первым свиданием! О Господи... – Настя закрыла лицо руками и, простояв так несколько секунд, опу­стила их. – Ты прав. Свои проблемы решать гораздо страш­нее.

– Просто напомни себе, для чего ты всё это делаешь. И сделай это! Назло родителям, которые в тебя не верят, назло всему грёбанному миру, но самое главное – для достижения своей мечты. Если ты сдашься сейчас, лучше не станет. Когда я только-только окунулся в бизнес, я понял одну вещь – удача любит лишь смелых. И в подтверждение этому сло­ва Дуэйна Джонсона: «Когда стоишь перед дверью, за кото­рой тебя ждут большие возможности, не стучи. Вышиби её на хрен, а потом улыбнись и представься». Видишь вон ту дверь? – Рома указал на возвышающееся крыльцо и вновь посмотрел на Настю. – Так давай вышибем её на хрен, улыб­нёмся и представимся. Может быть, сейчас один из ключе­вых моментов твоей жизни, Рапунцель. Ты подобралась так

близко к своей мечте, что не простишь себя до конца жизни, если сейчас струсил. – Он взял её ладони в свои и почувствовал, какие они холодные. – Настало время строить будущее. Ты мечтала стать актрисой, так действуй и станешь ею! Зайди к ним и покори своим обаянием! Я знаю, ты можешь это сделать, и знаю, что ты сделаешь это. Так что соберись и пойдём уже, а то мы опаздываем.

Но Настя осталась стоять на месте, медленно вдыхая свежий воздух ночного города. Её кожа покрылась мурашками от окружающего холода, но внутри разгорался самый настоящий огонь. Рома высек искру в её душе, и теперь она начала разрастаться в пожар, усиливаясь с каждым словом, произнесённым любимым мужчиной. Их руки до сих пор продолжали держать друг друга и не расцепились даже тогда, когда мощный порыв ветра пробежал между ними.

Чувствуя, как успокаивается сердце, Настя спросила:

– Ты будешь рядом?

Её ладони с силой сжались, но тут же расслабились, когда она услышала ответ:

– Конечно буду. Я ещё заплодирую тебе громче всех, так что не переживай. Мне же хочется посмотреть, как ты их всех порвёшь.

И она улыбнулась. Расплылась в благодарной улыбке, которую невозможно подделать. На щёчках снова образовались милые ямочки, а глаза засияли искренней теплотой. Вся она, казалось, будто светилась изнутри, и лучи этого света с

молниеносной скоростью проходили по венам и всему телу в целом. Лёгкие перестали сжиматься и начали принимать воздух с благоговейным трепетом, наслаждаясь каждым вдохом. Мир теперь не был таким острым и колючим, так что можно было не переживать о том, что осуждающий взгляд жюри поранит сердце. Она покорит их, как сказал Рома. Покорит и заставит взять её на роль.

– Я люблю тебя, милый. – Настя обняла его и тут же зажмурилась, чувствуя, как из краешка глаза вытекает слеза. – Как же мне с тобой повезло, Ром, ты даже не представляешь.

– Так, всё, всё, всё, успокойся. Не надо нюни распускать, – он освободился из-под объятий и легонько сжал её плечи. – Возьми себя в руки. Вытри слёзы и соберись. Мы пришли сюда не для того, чтобы проиграть. Мы пришли сюда за победой, и ты её вырвешь зубами. Главное веди себя уверенно. Психологически доминируй. – Рома взглянул на часы и слегка поджал губы. – Так, времени вообще нет. Вот-вот случится то, чего ты так долго ждала, и я буду рядом, так что не волнуйся. Готова?

– Готова. – Настя вытерла слёзы и убрала упавшие на лицо волосы. – Вышибем на хрен эту дверь!

Рома улыбнулся и поцеловал её в кончик носа.

– Точно, точно. Улыбнёмся и представимся. – И, повернувшись к лестнице, он крикнул: – Встречайте новую звезду Голливуда!

– А ты говорил, мы опаздываем.

Они сидели в небольшом коридоре, освещённые флуоресцентными лампами. Голубые стены равнодушно взирали на них, но тем не менее этот мягкий тон успокаивал и расслаблял. Рома отметил это и проникся уважением к тем, кто принимал здесь желающих стать артистами. Они понимали, что в этом коридоре сердца у юношей и дам бьются сильнее, поэтому и выбрали мягкую голубизну стен, что ментально говорила тебе: «Эй! Всё будет хорошо! Не переживай, дружище!» Психология цвета работала здесь как нельзя отлично, и даже самые нервные чувствовали себя здесь спокойнее, чем перед той проклятой дверью.

Перед той дверью, которую Настя вышибла ногой и стыдливо засмеялась.

– Ты будешь импровизировать, так ведь? – Все стулья были пусты, и только на двух из них сидели Рома и Настя, ждущие, когда же из кабинета выйдет та молоденькая блондинка – либо в слезах, либо с сияющей на лице улыбкой. По-другому с актёрских прослушиваний не уходят.

– Я не знаю, буду ли я импровизировать или опять сыграю Мэрилин Монро. Они же командуют парадом, не я. Что скажут, то и сделаю. – Белые зубы показались из-под широкой улыбки, расплывшейся на её лице. Но сделаю это так фе-

ерично, что у них отвиснет челюсть.

– Ты всегда была такой чертовкой. Даже в школе. Я сначала вообще тебя боялся.

– Да ладно?

– Серьёзно, честное слово. Когда мы встречались между этажами, я несколько раз перекрещивался, чтобы пройти мимо тебя. Там такие слухи о тебе ходили, ух! Можно было бы детей ночью пугать.

– Правда? И какие же это были слухи?

– Ну, что ты периодически избиваешь мальчиков и вообще психопатка, у которой не всё в порядке с головой. Ещё ты любишь разбивать парнишкам яйца, и удар у тебя не хуже, чем у Майка Тайсона. Многие думали, что ты лесбиянка. Любительница поиграться с чужими сисечками.

– Господи, ну и придурки! – Её глаза широко раскрылись, но уже через секунду удивление в них сменилось на озорное веселье. – Это из-за того, что я вдарила между ног одному негодяю? А не хрен было меня за задницу лапать! Я её не для него качала и не для его постоянно жирных скользких рук! Ну а по поводу лесбиянки... Пару раз я целовалась со своей подругой, и то в детстве. Мы были совсем девочками и только познавали...ну, знаешь, возможности своего тела.

– А ты...

– Нет, секса с девушкой у меня не было. Максимум – поцелуи в губы. Мне кажется, все девчонки в таком возрасте пробуют это со своими подругами. Из чистого любопытства

и чтобы потом не опозориться перед парнем.

– Не знаю, мы в садике только письками мерились. – Настя взорвалась смехом, резко выпустив его наружу. Он разнёсся по всему коридору и отразился от голубых стен – такой приятный, греющий душу настоящим теплом. – У меня, кстати, была самая большая.

– Да знаю я, что ты мне рассказываешь? – Её грудь всю сотрясало от смеха, а ладони прикрывали слишком широко раскрытый рот. Многие мужчины привыкли к тому, что девушки должны смеяться эстетично, чуть похихикивать и игриво улыбаться, но никак не ржать подобно самим мужчинам, когда те сидят в кругу своих. Увы, но суровые реалии другие: Если тебя разбирает настоящий смех, ты именно ржёшь, и абсолютно плевать на выражение своего лица. Потому что *так* смеяться мы можем только рядом с теми, перед кем мы не боимся быть настоящими. И красота для этих людей заключается вовсе не в аккуратной улыбке во время смеха, а в его искренности и чистоте. – Божечки, ну ты и сказал! Письками мерились! Я, похоже, сейчас помр...

Слева от них распахнулась дверь, и из-за неё вылетела та самая блондинка – вся в слезах и с гримасой истинной ненависти на лице. Она промчалась мимо, не обратив никакого внимания ни на Рому, ни на Настю. Стук шпилек удалялся по коридору и полностью исчез, как только хлопнула входная дверь.

– Ром, ты видел её глаза? – Из голоса Насти пропало всё

веселье, и теперь с лёгкостью могло показаться, что он чуть подрагивает.

– Видел, но тебе не надо об этом думать. Вставай, – он подал ей руку, и они вместе поднялись, после чего медленно пошли к распахнутой двери. – Давай, Рапунцель. Я в тебя верю.

– Ты будешь рядом?

– Буду.

– Хорошо. – Настя расправила плечи и, улыбнувшись, зашла в кабинет.

4

Он был совсем небольшим. Можно даже сказать – маленьким. Не больше обычной кладовой, только здесь из мебели стояли лишь чёрный стол и два стула, один из которых в гордом одиночестве грустил в углу. Роме не понравилось, что комната для прослушиваний была такой маленькой. Если стены нежного голубого цвета и вызвали в нём какое-то уважение, то эта клетка сразу же вернула всё на свои места. Да, именно клетка. Люди заходили в неё показать своё талант в надежде, что их возьмут на роль, и если они чертовски волновались, то тогда замечали, как вдруг начинают сдвигаться стены. Эта комната давила и, казалось, играла с нервами выступающих, заставляя их всё чаще заикаться и заливаться

краской.

Рома чуть напрягся, но на его лице продолжала играть счастливая, ни капли не фальшивая улыбка. После того, как при входе поздоровалась Настя, поздоровался и он, закрыв за собой дверь.

Она податливо щёлкнула, отгородив клетку от остального мира.

За столом сидела женщина лет пятидесяти, которой явно не помешало бы сбросить пару десятков килограммов. Слегка небрежное каре доходило лишь до того места, где должны были быть скулы. Цвет волос никак не мог определиться с собой и остановился на чём-то, отдалённо напоминающим блонд, хоть кое-где и просматривались полосы тёмного каштана. На лице застыло выражений как-же-я-хочу-домой, а в глазах читалось полное безразличие ко всему происходящему. Даже толстые линзы очков не смогли скрыть этого равнодушия. Укоризненный взгляд переметнулся на Рому с Настей, когда те вошли, пока пухлые руки гоняли туда-сюда, судя по виду, тяжёлую и дорогую ручку.

Женщина вскинула подбородок, и маленькие глазки за оправой очков стали внимательно изучать вошедших гостей.

– Кто пришёл пробоваться на роль?

– Я, – Настя подняла руку, чуть выйдя вперёд.

– Отлично. Просто прекрасно. Тогда молодой человек может подождать вас в коридоре.

– Нет, – Рома подошёл к столу, прошёл мимо и вернулся

уже со стулом, после чего поставил его у самого стола, рядом с той женщиной, в чьих руках сейчас могла быть судьба Насти. Он аккуратно присел и положил одну руку на поверхность чёрного лакированного стола. – С вашего позволения я останусь здесь. Знаете ли, я с детства очень боюсь коридоров, особенно с голубыми стенами. Одному мне там будет страшно, поэтому я посижу с вами.

Он смотрел на неё, выдерживая взгляд мутно-зелёных глаз. Спустя пару секунд молчания она протянула руку и сказала:

– Эльвира Рафаэлевна.

Рома пожал её и, удивившись столь крепкой хватке, ответил:

– Роман Андреевич, но для вас могу быть просто Ромой. А эту красавицу зов...

– Не надо. – Эльвира пресекла его речь жестом, после чего продолжила: – Пусть сама себя представит.

Настя слегка замаялась, но как только встретилась взглядом с карими глазами, обрела в себе уверенность и заговорила:

– Меня зовут Анастасия, я пришла покорять этот мир девятнадцать лет назад и собираюсь сделать это прямо сейчас. – Левый уголок губ Эльвиры еле заметно потянулся вверх. – Я увидела в интернете, что вы ищите актрису на главную роль в новом фильме. Меня это заинтересовало, но также смутило три вещи.

– И какие же, дорогая?

Настя выдержала двухсекундную паузу, продолжая смотреть в мутно-зелёные глаза, пока те, в свою очередь, вглядывались в её серо-голубые.

– Во-первых, там не было указано ни названия фильма, ни имя режиссёра, ни характеристики подходящего актёра и вообще толком ничего про сам проект. Признаться честно, я слегка насторожилась.

– Но вы всё-таки пришли, Анастасия.

– Да, но я пришла не одна, а со своим мужчиной. – Она посмотрела на Рому, и он тут же улыбнулся ей. И от этой улыбки – от этой чертовски приятной улыбки! – Насте чуть полегчало. Она вновь перевела взгляд на Эльвиру Рафаэлевну и когда заговорила, в её голосе не было и намёка на дрожь. – Перед тем как показать свои способности, я хочу знать, на что претендую. Расскажите мне о фильме.

О да... В игру вступила чертовка. Наконец-то.

Рома расслабился и начал просто наслаждаться тем, как его девушка потихоньку разгорается, чтобы вспыхнуть ярким пламенем и доказать всему миру, что пламя это должен увидеть каждый во всех кинотеатрах этой огромной планеты.

После слов Насти в кабинете (в безумно маленьком кабинете) повисла тишина, но не тягучая, а наоборот – выжидающая, будто была таким затишьем перед бурей. Прерывал её только мерный стук ногтей по металлической ручке, которая

у Эльвиры, похоже, была самой любимой. Это постукивание со временем начало успокаивать и даже слегка убаюкивать Рома, так что его веки вдруг показались тяжелее обычного, а подруга-усталость массировала плечи, предлагая немножечко поспать.

Спустя несколько секунд молчания Эльвира заговорила:

– Вы хотите знать о филь...

– Дайте мне пощёчину. – Рома чуть наклонился к ней, смотря прямо в глаза.

– Что?

– Дайте мне пощёчину. Пожалуйста. – Впервые с её лица спала маска безразличия, и теперь на нём читалось искреннее замешательство. Флуоресцентные лампы просвечивали в глазах удивление и лёгкую потерянность, которая просто не могла быть у такой серьёзной, всегда знающей, что делать, женщины.

Но она была.

– Эльвира Рафаэлевна, просто вклейте мне оплеуху, чтоб мозги ударились об череп и я перестал хотеть спать. А то вы так убаюкивающе стучали по этой ручке. – Он дотронулся до неё и ощутил тепло настоящей стали.

Маленькие глазки цвета забытого всеми болота внимательно изучали его лицо, но в них всё так же проглядывал тот самый испуг, возникающий, когда тебя поймали за чем-то постыдным, за чем-то очень и очень личным.

Рома сдерживал этот взгляд, пока его не ударили.

Голова тут же откинулась вправо, а левую щеку обдало жаром. На миг перед глазами взорвалась армия чёрных точек, рассыпавшихся по всему миру. И уже через секунду контуры реальности стали чётче, будто бы вгрызались в глаза и наполнялись более яркими цветами.

– Так сойдёт?

– Сойдёт, – Рома приложил к щеке ладонь и почувствовал, как горяча кожа. – Ещё как сойдёт. Спасибо большое, теперь я точно не засну дня два.

Эльвира перевела своё внимание на всё ещё стоящую Настю, скулы которой слегка тронула кровь. Она вновь начала постукивать ногтями по ручке, но почти сразу же перестала и отложила её, сцепив ладони в замок. Подбородок вновь вскинулся, а в глаза вернулась уверенность, что всё идёт под полнейшим контролем.

– Я хочу знать про два других аспекта, которые смутили вас, Анастасия.

– Но вы не рассказали мне о филь...

– Милочка, – Эльвира подалась вперёд, не переставая сверлить взглядом юную красавицу, внезапно решившую, что она может быть актрисой, – вы сейчас не в том положении, чтобы ставить мне условия. Вопросы здесь задаю только я, так что не думайте...

– У вас вкусные духи, – Рома придвинулся к Эльвире чуть ближе и с шумом втянул воздух над её плечом. – Охренеть какие вкусные духи! Это что? Лаванда? Или аромат индий-

ского мёда? Я слышал, он очень вкусный. Вы когда-нибудь пробовали индийский мёд?

– Нет, ни разу. – Пальцы в замке слегка напряглись, казалось, сам замок стал прочнее.

Рома взял недавно отложенную ручку и зажал её меж указательным и средним пальцами.

– Знаете, в школе я увлекался тем, что писал рассказы. Зачастую неплохие. Многие девочки плакали, когда читали их, и как же мне при этом было приятно! Но, – конец ручки стукнулся о стол, – жизнь сложилась так, что я не стал тем, кем хотел стать – писателем. Грёбанным писателем, представляете? – Рома засмеялся, украдкой бросив взгляд на Настю. Та стояла на месте – ничего не понимающая и краснеющая всё больше и больше.

Проигнорировав это, он продолжил:

– В итоге я стал бизнесменом. У меня есть своя небольшая компания, даже конторка, но тем не менее она приносит мне приличную прибыль. Также у меня есть куча связей, особенно в компаниях-застройщиках, так что живу я неплохо. Можно даже сказать – шикарно! Но временами – обычно это происходит глубокой ночью – мне хочется писать. Плевать что, главное – писать. Я наслаждаюсь самим процессом, понимаете? Вам знакомо это чувство?

Мутно-зелёные глаза непонимающе смотрели на него, и яркий свет ламп только подчёркивал то замешательство, что сквозило в этих зрачках.

– Я не зна...

– Конечно не знакомо. Все эти надувающиеся как индюки критики разносят всё в пух и прах: картины, книги, фильмы, игры, хотя сами ни черта не могут создать! И порой некоторым из них тяжело понять, каково это – сидеть, сгрызая ногти, в коридоре и ждать своей очереди на прослушивание, пусть вокруг и голубые стены. Но да ладно, я отвлёкся. – Рома положил руку обратно на стол и откинулся на спинку стула, продолжая говорить: – Я пишу иногда и сейчас. Когда я делаю это, ко мне приходит моя муза, которая постоянно посещала меня в подростковые годы. Её имя – Мэрилин Монро. Знакомо? Уверен, что да, вы обязаны знать про таких личностей. Будучи четырнадцатилетним парнишкой, я влюбился в неё, точнее – в её образ, хоть на тот момент она уже как более сорока лет была мертва. В интернете я прочитал все её высказывания, которые только смог найти. Даже сейчас я помню многие из них.

Рома поближе наклонился к Эльвире и сделал свой голос мягким и бархатным, который так заводил Настю при массаже.

– Хотите, я расскажу вам одну? Звучит она так: «Нет женщин, не любящих духи, есть женщины, не нашедшие свой запах». Я соврал вам, когда сказал, что ваши духи вкусно пахнут. Мужчинам такие не нравятся, они их отталкивают. Эльвира Рафаэлевна, посмотрите на мои часы. – Он вытянул левую руку и слегка приподнял рукав рубашки. – Что вы

видите?

– Что сейчас почти час ночи.

– Почти час ночи... – Рома медленно повторил эти слова. – Почти час ночи, а вы сидите здесь. Женщина, у которой есть мужчина, была бы уже давно дома. Не всем из нас везёт по любви да и вообще по жизни, но это вовсе не повод не давать шанса хорошо сложиться жизни другого человека, даже незнакомого вам.

– Вы что, собираетесь обсуждать мою личную жизнь?

Рома долго смотрел на неё, наслаждаясь окутавшей их тишиной. Он слышал, как дышит Настя, но не позволял себе сводить взгляда с этих маленьких глаз, спрятанных за линзами очков. Он видел, как под этими самыми глазами сузились губы, побледнев и превратившись в тонкую, почти незаметную линию. И только когда Эльвира, отвернувшись, схватила ручку, Рома заговорил:

– У Мэрилин Монро есть ещё одно высказывание. Я его процитирую: «Каждый является звездой и заслуживает право на сияние». И я считаю, что это чертовски верно. Так что давайте мы вместе с вами не будем задавать Насте лишних вопросов, тем самым ещё больше нервируя её. Мы просто дадим ей сиять. От вас, Эльвира, требуется только сказать, что сделать, и всё.

Она глубоко вдохнула, после чего поправила очки. Отложила ручку. Ещё раз поправила очки. Рома наблюдал за ней, расплывшись в лёгкой улыбке, что не могла не притягивать к

себе. Он закинул ногу на ногу, а руку положил на стул Эльвиры, всё так же не сводя глаз. Наконец она посмотрела на Настю и, прочистив горло, произнесла:

– Хорошо. – И уже чуть громче: – Вы спрашивали про фильм, Анастасия. Вдаваться в подробности не буду, скажу лишь, что нам нужна молодая девушка на роль юной красавицы – застенчивой в обществе, но открытой с друзьями. На протяжении фильма она будет идти к своей цели – петь на сцене Большого театра. Соответственно, режиссёр хочет показать её рост в психологическом плане. Это называется развитием персонажа.

– Я знаю, как это называется. – Голос Насти был полон уверенности, и от этого по телу Ромы прокатилось тепло.

– Прекрасно, я рада за вас. – Ручка отлетела в сторону и со стуком ударилась об органайзер, где и остановилась. Руки Эльвиры вновь сплелись в замок и с грохотом опустились на стол. – Что ж, приступим к самому главному. Вы сказали, что пришли сюда покорять мир. Прощу, он весь ваш.

Брови Насти выстроились небольшим домиком, и когда в глубинах её зрачков промелькнуло замешательство, Рома заметил, как резко дёрнулся краешек губ, будто пытался спародировать какую-то улыбку. Пальцы на руках сжались в фалангах, а к лицу обильным потоком начала приливать кровь, чертовски сильно выделяя потерянные, ищущие поддержки глаза.

Они вцепились в Рому как за спасательный круг, и он бук-

важно почувствовал, как её взгляд закричал у него в голове.

– Давай, Рапунцель. – Последнее слово подобно лёгкому перу, подхваченному ветром, долетело до неё и прошлось по всему телу, заставив чуток расслабиться. – Не волнуйся, я рядом. Ты же хочешь быть любимой мной?

Невидимая искра пробежала между ними, наэлектризовав вокруг воздух. Казалось, его становилось всё меньше и меньше, так что лёгкие еле-еле насыщались. Только сейчас Рома заметил, что в кабинете нет окна и даже хоть какой-нибудь вентиляции. Чёрт! Это была не просто клетка! Это была самая настоящая камера пыток, и всё, что здесь происходило, становилось ещё ужаснее в жаждущем кислорода сознании. Тело уже начало нагреваться, поэтому пришлось растянуть две верхние пуговицы рубашки, чтобы дать ему возможность хотя бы как-нибудь остыть. Горло успело пересохнуть в диалоге (скорее, монологе) с Эльвирой, и теперь к нынешним потребностям организма добавилась ещё и жажда. Если продолжим в таком же духе, совсем скоро со всех сторон задвигаются стены в надежде раздавить всех, кто поимел смелость заглянуть в это Адово место.

Рома растянул ещё одну пуговицу и встал со стула. Прогнозировал взгляд Эльвиры и направился к двери, уже не в силах выносить такую духоту. По пути он слегка замедлился и, наклонившись над плечом Насти, прошептал:

– Пойдём со мной, – после чего двинулся дальше.

Перед тем как коснуться ручки, он повернулся и посмот-

рел на Эльвиру. В её мутно-зелёные глаза, которые то ли проклинали его, то ли боготворили.

– Мы выйдем на минуту, просто здесь очень душно. Вам следовало бы купить и установить здесь вентилятор, если не хотите, чтоб парни и девушки играли на этом полу трупов. Ещё парочка минут, и я превратился бы в одного из них.

Затем он вышел, не обратив внимания на те слова, что доносились до его спины из-за чёрного лакированного стола. Дверь закрыла уже Настя, и теперь их обоих встретили не только голубые стены (эти проклятые голубые стены), но и молодой мужчина, в одиночестве стоящий по центру коридора. Щетина, судя по всему, не покидала его несколько дней, а уставшие глаза молили о сне, дефицит которого заставила их покраснеть.

Рома взял Настю за руку и, оглядевшись по сторонам, поймал взглядом табличку с надписью *ТУАЛЕТ* и белой стрелочкой, указывающей налево. Они быстрым шагом преодолели большую часть коридора, свернули, нашли дверь с иконкой *WC* и зашли внутрь, даже не посмотрев, женский это туалет или мужской.

По отсутствию писсуаров Рома догадался, какой именно.

– Что ты д...

– Послушай, – его руки легли на её хрупкие плечи и легонько сжали, но всё же достаточно крепко, чтобы удержать на месте, – ты видела, как она себя ведёт. Это одинокая, разменивающая уже шестой десяток женщина, а ты знаешь, что

нет на свете ничего хуже, чем одинокая старая баба.

Свет в туалете был не намного бледнее, чем в коридоре, но даже так сияющие лампы играли бликами на блестящих глазах Насти. Краска ещё не успела сойти с её лица, а наоборот – ещё больше разукрасила нежно-красным, где-то даже розовым цветами проступившие скулы. Рома чувствовал исходящий от неё жар, видел тёмные, пока не очень большие пятна под мышками и ощущал всем своим телом, как бешено бьётся сердце его девушки.

Он опустил голову, закрыл глаза. В сознании возникло два мутных огонька, отдававшихся слабой-слабой зеленью. За ними – толстые линзы, за ними – горячий воздух. Секунды одна за другой пробежали мимо, утопая в напряжённой тишине, компанию которой составляло лишь жужжание ламп. Это проклятое жужжание ламп... С закрытыми глазами оно казалось армией летающих насекомых, что вдруг решили...

– Ром! – Он открыл глаза и встретился с другими – серо-голубыми. – Время идёт, а дела и так пошли хреново. Что ты хотел мне сказать?

Он молча смотрел на неё, думая, что делать. Проклятие мужчин (настоящих мужчин) заключается в том, что принятие важных решений ложится именно на их плечи, и ответственность за последствия, соответственно, тоже несут они. Порой жизнь ставит человека перед выбором, кажущимся незначительным, но имеющим колоссальное воздействие на светлое, а может и не совсем светлое будущее. И сильный,

грамотный человек (а именно таким должен быть мужчина в семье) обязан распознавать подобные выборы. Иногда решения даются с трудом. Иногда – с невероятно большим трудом. Но одно остаётся неизменным: если уж взял ответственность на себя, не разыгрывай драму и по возможности не заставляй своих близких волноваться, ведь ситуацию под контроль берёшь именно ты, поэтому и оставайся внешне спокойным.

Зачастую людей больше всего выбешивает именно спокойствие. Умело орудуя им, сохраняя холодный рассудок в самых горячих ситуациях, можно выйти победителем из любой схватки.

Рома ощутил, как одна крупная капля пота на загривке медленно скатилась по шее и врезалась в воротник рубашки. Почувствовал, что воздух вокруг вновь становится горячим, проникает в лёгкие и обжигает их, пока жужжание сотни насекомых пыталось свести его с ума. Но нет, он должен оставаться спокойным, если и вправду хочет, чтобы мечта Насти исполнилась. Сейчас им обоим удалось схватить её за хвост, но если рука кого-то хоть чуточку дрогнет, то сразу окажется пуста.

Поэтому хватка обязана быть крепкой, сильной и пропитанной спокойствием.

Спокойствием...

– Ром? – Её голос слегка подрагивал, и даже глухой мог уловить в нём намёк на скорые слёзы. – С тобой всё хорошо?

Ты выглядишь больным, мне это не нравится. Мы можем уйти отсюда – так будет лучше...

– Сними футболку. – Она замолчала, непонимающе уставившись на него. В ответ на это он убрал руки с её плеч и повторил. – Сними свою футболку. Сейчас же.

– Зач...

– Ладно, я сделаю это сам. – Он ухватился пальцами за самый низ футболки и мягко, чуть ли не трепетно попросил: – Подними руки вверх.

Настя молча сделала то, что он ей сказал, не проронив слова. Когда по её упругим грудям проходила ткань, сама она ощутила себя маленьким ребёночком, которого раздевают родители после детского сада. И в какой-то степени она хотела, хотя бы на одно мгновение, стать легкомысленным, беззаботным детёнышем, не волнующимся о вопросах взрослого мира. И это чувство – желание стать меньше пылинки на этом полу – не прошло и тогда, когда на неё посмотрел Рома, уже со снятой футболкой в правой руке.

Он бросил её в корзину для мусора, краем глаза заметив, как при этом дёрнулись руки Насти. По шее пробежала ещё одна капля пота, оставив после себя прохладный ручеёк.

– Зачем ты её выкинул?

– Я куплю тебе новую, не волнуйся. – Его глаза излучали умиротворённость, а взгляд сквозил уверенностью, так что когда Рома подошёл ближе, эта уверенность частично передалась Насте. – Послушай меня сейчас очень внимательно,

Рапунцель. Этот крейсер под названием я-ненавижу-весь-мир будет бомбить тебя по всем фронтам и не успокоится, пока не увидит, что ты тонешь. Твоя задача – покорить её и не показать слабинку. Будь упёртой и настойчивой, слышишь? Я запудриваю ей мозги, но всё равно, ты же понимаешь, что многое зависит не от меня, а именно от тебя. От тебя, Насть. Ты волнуешься, я вижу, но...

– Ты тоже, – она дотронулась до его лба и чуть не обожглась. На кончиках её пальцев заблестел пот, отражаясь бликами от нависших над головой ламп. – Господи, Ром, у тебя жар!

– Я знаю, но это не от волнения. Это другое, скоро пройдёт. Сейчас тебе важно думать о самой себе, а не обо мне.

– Что ты несёшь?! Как я могу...

– Вот так! – Она замерла, когда его крик разнёсся по всему туалету. Впервые за всё время Рома повысил на неё голос. И как только он увидел настоящий, неподдельный испуг в её глазах, как резко она дёрнулась и сделала шаг назад, тогда до него дошло, что сорвалось с его губ.

Отвернувшись от Насти, Рома спрятал лицо в ладонях, вытер ими пот и, расстегнув ещё одну пуговицу рубашки, вновь повернулся.

– Прости, я... Я не знаю, у меня, похоже, приступ клаустрофобии. – Увидев, как широко раскрылись её глаза, он тут же поспешил её успокоить. – Всё нормально, это у меня с детства, я тебе просто не рассказывал. Не хотел, прости.

Рома взглянул на Настю – такую прекрасную и молодую. Волосы свободно падали на плечи и ластились дальше, к грудям. На их поверхности игриво переливались мелкие капли пота, поднимаясь и опускаясь вместе с самой грудью. Она была обтянута простым чёрным бюстгалтером, замочки которого Рома выучил назубок. Прямо под ним дышал плоский живот, несомненно, такой же горячий, как и щёки Насти. Вся она, казалось, пылала и готова была сгореть прямо здесь, в этом проклятом туалете. В этом безумно маленьком туалете!

Рома видел серьёзную озабоченность в серо-голубых глазах и возненавидел себя за то, что вызвал её. Где-то глубоко внутри разрастался сумасшедшей силы огонь, а окружавшие их стены (слишком огромные стены) только усиливали набирающие обороты панику. Но он должен быть спокойным, должен. Он не позволит своему пожару устроить такой же в душе Насти. Не допустит того, чтобы его детские бзики решали судьбу той девушки, что сейчас, вся покрасневшая, в джинсах и бюстгалтере, стояла напротив него самого. Нет, он не допустит этого. Он смог открыть свой бизнес, пусть и не многомиллиардный, смог пробиться в жизни и доказать миру, что многого стоит, поэтому сможет заставить эти грёбанные стены перестать двигаться и остановиться!

Он сможет.

Сможет.

– Насть, – горло ужасно пересохло, и теперь стенки его

казались ребристой поверхностью, которую царапала слюна при каждом глотке. – Со мной всё хорошо, это скоро пройдёт. Мне просто нужно умыться холодной водой. Мне будет намного хуже, если сейчас мой внешний вид покоробит тебя и испортит всё прослушивание.

– Ты весь красный, Ром! Тебе нужно...

– Футболку я снял с тебя не просто так. – Он посмотрел на дальнюю стену и убедился, что та стоит на месте. Земля под ногами всё ещё была твёрдой, но затуманенный рассудок нашёптывал, что скоро она уйдёт из-под ног. – Твоё тело прибавит тебе очков, я в этом уверен. Самое главное – следи за тем, чтобы движения твои были смелыми, раскрепощёнными и незамкнутыми.

– Ром, у тебя глаза красн...

– Отыграй перед ней Монро. Можешь представить, что за тем столом сидит мистер президент, и поздравь его с днём рождения. Будь смелой, Насть. Покажи той суке, на что ты способна. А я знаю, на что ты способна. И я буду рядом.

– Тебе на улицу надо, дурак. – Она накрыла его щёки ладонями, чувствуя ими пылающий под кожей жар. – Я волнуюсь за тебя. Если это и вправду клаустрофобия и всё так серьёзно...

– Знаешь, что серьёзно, Рапунцель? То, что ты сейчас получишь то, о чём так долго мечтала – вот что серьёзно, а не мои красные глаза! Так что не вздумай сейчас оплошать, слышишь? Мне станет лучше, но роль потом ты уже не по-

лучишь, понимаешь прикол судьбы? – Несколько капель пота разом прокатились по шее, после чего впитались в белую ткань рубашки. – Пойди и возьми своё, а я продержусь. Не помру, это уж точно.

– Ты сумасшедший. Так и знала, что это была плохая ид. . .

Дверь в туалет распахнулась, из-за неё вышла Эльвира Рафаэлевна, аккуратно поправляющая очки. Как только её глазки зацепились за Рому с Настей, она замерла, остановившись в дверном проёме. Казалось, только чудо помогло пролезть сквозь него её широким бёдрам. Сама Эльвира – не сидящая за столом, а вытянувшаяся во весь рост – оказалась совсем маленькой и больше походила на злобного гномика, чем на серьёзную, безумно серьёзную женщину. Её рука так и замерла возле очков, не в силах двинуться куда-либо дальше. Казалось, всё вокруг перестало двигаться, и даже проклятые стены послушно стояли на месте, не смея приближаться.

Первой тишину нарушила Эльвира. Слабая хрипота слышалась в её голосе, когда она начала говорить:

– Вы что себе позволяете? Вы. . . – слова застряли где-то в горле, так что ей пришлось откашляться, чтобы продолжить. – Вы вышли в туалет за этим?!

Искреннее изумление кричало в её глазах, которым непонятно как удавалось не выпадать из орбит. Рот широко раскрылся, а челюсть напрочь отвисла, и картина эта могла показаться комичной, если бы её не омрачил сотрясающий тело

жар. Рома почувствовал, как начали неметь пальцы, но тут же приказал себе не обращать на это внимания и сохранять спокойствие. Сейчас судьба играла с будущим Насти в опасные игры, и если Рома сумеет сохранить невозмутимость, то вытащит тот козырь, что принесёт им победу.

Победу, после которой можно отдохнуть.

Хоть его щёки и залил яркий багрянец, а кожа на лице блестела от пота, всё же взгляд карих глаз оставался уверенным, с убивающим спокойствием оценивающим ситуацию. И когда он сцепился с мутно-зелёными, Рома улыбнулся:

– Эльвира Рафаэлевна! Неужто вы успели соскучиться по нам? Мы просто решили взять небольшую паузу и перевести дух, пока...

– Не держите меня за дуру, Роман. Терпеть этого не могу. – Злость ясно слышалась в её голосе, и на мгновение – на одно короткое мгновение – верхняя губа поднялась в чёрто, отдалённо напоминающем оскал. – Думаете, по вам не видно, чем вы тут занимались?

Рома взглянул на зеркало, стоящее прямо перед ними и занимавшее площадь чуть ли не всей стены над раковинами. В отражении он увидел обнажённую спину Насти, лишь слегка прикрываемую чёрными лямками бюстгалтера. Увидел свои ключицы и почти полностью расстёгнутую рубашку, открывающую вид на рельефные, блестящие от пота мышцы. Зеркало показало ему собственное раскрасневшееся лицо и тяжело дышащую грудь, что медленно поднималась вверх

и опускалась вниз. Вдобавок ко всему присоединилась растёгнутая ширинка, застегнуть которую Рома забыл ещё после посещения «Деда Засоса».

Он закрыл глаза, выдохнул нагретый в лёгких воздух и вернулся в реальность. Стены молча стояли и взирали на него, тихо перешёптываясь меж собой и неслышно хихикая. Весь мир, вся вселенная сузилась до этого туалета, уместившись в чистых белых плитах.

– Да, мы перепихнулись. – Его голос казался незнакомым ему, но всё же это был голос уверенного в себе человека, знающего, что делает. И именно то, с какой неспешностью слова выстраивались в предложения и срывались с губ, успокаивало и заставляло продолжать. – У всех актёров да и вообще творческих натур есть свои прибабахи в голосе, сами же знаете.

– Да, – Эльвира взидала на Рому снизу вверх, внимательно изучая каждую его морщинку. – Да, я знаю. У вас аж целых несколько прибабахов, я погляжу.

Смех вырвался из-под мигом появившейся улыбки, и хоть он был довольно натянутым, Роме удалось им слегка разбавить обстановку. Он продолжал смотреть Эльвире – этой женщине-ужас, сидящей за чёрным лакированным столом как за тронem – в глаза и с удовольствием отметил, что в ответ на его улыбку (на его коронную улыбку) уголки её губ слегка дрогнули и волей-неволей, да потянулись вверх.

Что бы ни происходило с организмом, энергетика уверен-

ности вокруг него скрывала внешние признаки и обезоруживала тех, кто всматривался в две бездонные ямы в обрамлении тёмно-карих радужек.

– Это наша антистрессовая терапия, ничего более. – Он начала застёгивать пуговицы на рубашке. По одной, двигаясь от нижних к верхним. – Знаете, при оргазме в мозг поступает бешенное количество эндорфинов, то есть гормонов счастья. А мы хотим, чтобы вы видели сейчас только счастливых людей, так что можете не благодарить нас, Эльвира. Мы заряжены позитивом и готовы поделиться им с вами. – Не застёгнутой осталась лишь самая первая пуговица, где слегка выглядывала часть выпирающих ключиц. Сама рубашка плотно прилегла к телу и облепила собой грудные мышцы Ромы, заставив их выглядеть более объёмными и рельефными. Торс его приковывал к себе взгляд подобно магниту – крепкому и не отпускающему. Рома еле видно усмехнулся, когда увидел, как маленькие глазки за оправой очков скользят по его телу, пока их владелица не отдаёт себе отчёт в том, что делает.

Когда их взгляды снова встретились, лёгкий намёк на краску проступил на щеках Эльвиры.

– Простите, если поставили вас в неудобное положение. Сами понимаете – юность, гормоны, любовь. Но я надеюсь, данный инцидент никак не повлияет на наше прослушивание? То есть, мы продолжим в том же духе?

– В каком это духе? – Маленький подбородок грозно воз-

высился вверх. – В каком это духе? Вы о чём говорите? Пришли, значит, посреди ночи на пробы и решили заодно перепихнуться, да? Вы за кого меня принимаете?! – Её голос набирал силу, а окружавшие их стены лишь помогали ей в этом, усиливая крик отражением от плит. – Сначала вы, молодой человек, нахамили мне, но я стерпела. Я стерпела и то, что вы всё время отвлекали меня, хотя вас вообще не должно было быть в кабинете! Но вот это... – Она указала пальцем на Настю, стоящую в двух шагах от неё – в джинсах, кроссовках и чёрном бюстгальтере, сдерживающем тяжело поднимающуюся грудь. – Вот это я уже терпеть не буду. Вы слишком обнаглели, голубки. Это вам не стрип-клуб, а серьёзное мероприятие, на которое вы, девушка, даже не удосужились надеть платье! – Мутная зелень вцепилась в серую голубизну и не желала отпустить. – Конечно, вам ещё, небось, вся жизнь кажется сказкой. Кажется, что вы бессмертны и вам можно всё, ведь весь мир у ваших ног! – Странная улыбка расплылась на её лице. Рома заметил в ней нотки печали, но так же и слабого удовлетворения, граничащего с меланхолией.

Эльвира сняла очки и опустила взгляд вниз, начав вертеть их в руках.

– Я была такой же. Когда-то давно, я уже и не помню когда. И тоже считала, что мне всё можно и дозволено. Но послушайте меня сейчас оба. Вы пришли не на детский утренник, а на актёрские пробы, которые принимаю я. Вам ясно, Роман? Я, – и никто другой. – Она надела очки и взгляну-

ла на него, сцепив ладони перед собой в замок. – И если вы так хотели бы лучшего для своей дамы, вы вели бы себя более благоразумно, а не так, как это было. И я, может быть, простила бы вам этот проступок, который вы называете «антистрессовой терапией», но я этого делать не буду. – Эльвира подошла ближе, и теперь они с Ромой стояли чуть ли не вплотную друг к другу. – Не следовало заводить разговор о моей личной жизни. Вас не касается, где я должна быть в это время и с кем.

Последнее слово породило тишину, что еле смогла втиснуться меж ними. Рубашка обволакивала тело Ромы, а воротник встречал всё новые капли пота. Воздух начал тяжелесть и проваливаться в лёгкие подобно грузу, разжигая при этом каждое ребро. Но то, что происходило снаружи, никак не затрагивало того, кто сидел внутри. Он знал, что кончики пальцев немеют, а глаза видят, как стены становятся больше, но не замечал этого. Знал, что что-то с бешеной силой колотится в груди и стук этого механизма отдаётся даже в горле, но всё равно предпочитал не замечать этого. Единственным, что пробивалось в сознании, было беспокойное дыхание Насти, и именно её вздохи заставляли стены стоять на месте, а комнату – не уменьшаться. Именно её вздохи помогали ему держать спину прямо и оставаться при силах. Тело желало подвести его? Что ж, пусть пытается. Его разум и душа дадут отпор.

Рома отвернулся от Эльвиры и подошёл к одному из умы-

вальников. В полной тишине он повернул кранчики, и поток воды стал омыwać его руки.

– Вас задело то, что я заговорил о вашей личной жизни, да?

– А вы догадливый.

Он лишь усмехнулся и, добавив на ладони жидкого мыла, продолжил:

– Эльвира, можете мне ответить на один вопрос?

– Сначала задайте его, уже потом я подумаю.

– А вы осторожная, – вновь наступила тишина. Она была настолько молчаливой, что сквозь неё можно было услышать, как потолок перешёптывается с полом. Рома направился к раздатчику бумажных полотенец и, взяв одно, начали вытирать им руки. – Скажите, вы считаете себя профессионалом?

– К чему вопрос?

– Вижу, что считаете. Это у вас на лице написано. А теперь давайте подумаем, чего никогда не смеют делать профессионалы. – Увидев, как открылся её рот, он резко поднял палец вверх и даже не оставил её шанса сказать хоть слово. – Можете не отвечать, я сделаю это за вас. Профессионалы никогда не позволяют себе смешивать личную жизнь и работу. Никогда, понимаете? То, что у них происходит на любовном фронте, никак не должно влиять на рабочий процесс. – Бумажное полотенце отправилось в мусорку. – Так что я предлагаю...

– Пошёл вон. – Эльвир указала пальцем на дверь, и в голо-
се её слышалась твёрдость, когда эти слова пробились сквозь
стиснутые зубы. – Оба. Пошли вон отсюда.

Она взирала на них с нескрываемой ненавистью и в осо-
бенности – на него. Краешки глаз заполнило множество ма-
леньких сосудов, напоминающих крохотные красные мол-
нии. Губы Эльвиры прижались друг к другу с такой силой,
что аж побледнели и чуть не пропали с лица. Её дыхание ста-
ралось быть спокойным, не показывать намёк на волнение,
но всё портили непослушные ноздри – всё время расширяю-
щие и сужающиеся. И прилившая к щекам кровь предатель-
ски заиграла на её лице.

Рома подошёл ближе, ступая по плиткам аккуратно, чув-
ствуя напряжённость всей ситуации. Сейчас он разгуливал
по лезвию ножа, и что было самым страшным – он тянул
за собой Настю. От каждого его следующего шага зависела
судьба той девушки, что сейчас молча стояла у него за спи-
ной, без своей футболки. Его женщины, что доверилась ему,
а теперь краснела и со стыда была готова провалиться сквозь
землю.

Посмотрев Эльвире в глаза, Рома заговорил:

– Мы не можем выйти отсюда, даже не попытавшись...

– Тогда я вызову охрану. – Говорила она серьёзно и угро-
жающе, так что в её слова пришлось поверить. Шёпот по-
толка и пола становился громче, и только сейчас Рома заме-
тил, как начинает болеть голова. – Если вы не выйдете отсю-

да через минуту и не окажетесь на улице, я вызову охрану, обещаю. Думаю, Роман, вам будет неприятно смотреть на то, как чужие мужские руки будут проходиться по телу вашей возлюбленной. Я права?

Она выжидающе смотрела на него, но через некоторое время отвела взгляд, а карие глаза продолжали рассматривать её лицо. И хоть больше всего на свете Роме хотелось прямо сейчас выбежать из этого проклятого места, он остался здесь, не смея поддаться желаниям.

Минуту все трое пробыли в тишине, затем другую. За это время Эльвира успела два раза снять очки и протереть их, делая это крайне медленно и с таким видом, будто обезвреживала бомбу. Рома не сводил с неё взгляда лишь по одной простой причине – он боялся увидеть, как на него движутся стены и опускается потолок. Когда наконец наступил тот момент, где Эльвира не выдержала тишину и открыла рот, чтобы заговорить, за неё это сделал Рома:

– Я вас услышал, Эльвира Рафаэлевна. Мы уйдём, раз вы того хотите. Прямо сейчас – он повернулся, подошёл к Насте, взял её за руку и направился к выходу. У самой двери остановился и произнёс последние слова, которые Эльвира услышит от него. – Если я как-то обидел вас, прошу прощения. Я говорил лишь правду и ничего более.

После чего опустил ручку и вышел из туалета.

Он не помнил, как прошёл по коридору.

Помнил лишь то, что ужасно испугался, когда голубые стены начали сужаться и тянулись друг к другу, становясь невероятно огромными. Помнил, как сильно сжимал ладонь Насти и тащил её за собой, пока сам с каждой секундой ускорял шаг, а в конце и вовсе бежал к той проклятой двери.

Он вышиб её плечом и ворвался в тихую ночь, воздух которой был невероятно свеж. Никогда прежде Роме не казалось, что воздух может быть НАСТОЛЬКО вкусным. Лёгкие трепетали от каждого вдоха, а прохладный ночной ветер заботливо охлаждал кожу и заставлял на теле появляться мурашки. Рубашка ещё сильнее облепила торс, подчёркивая рельеф мышц. И только когда слабые иглы холода кольнули Рому в грудь, он вспомнил, что Настя стоит в одном бюстгальтере, под тем же самым ветром.

Он взглянул на неё – съёжившуюся, втянувшую голову в плечи и постоянно стучащую зубами. Свет уличных фонарей играл бликами на её лице и мягко переливался на каплях пота. Ещё один порыв ветра заставил Рому начать снимать свою рубашку, но как только Настя увидела это, тот тут же пресекла:

– Не надо, оставь себе. – Она разжала пальцы и высвободилась из-под его хватки. Тёмные волосы ластились по клю-

чицам и спине, стараясь скрыть от ветра обнажённую кожу. Но даже несмотря на царствующий вокруг холод, Настя непоколебимо стояла на улице, плюя на жадные взгляды проходящих мужчин. Её глаза вцепились в Рому, и взгляд, сквозивший в них, был взглядом разъярённой женщины, что сейчас же требовала ответа. – Я задам тебе только один вопрос, Ром. Один грёбанный вопрос. – Он услышал, как что-то щёлкнуло в её горле. – Что это было?

Вдали раздался автомобильный гудок и какой-то мужчина признался всему миру, как хорошо проводил время с мамой недоноска-мотоциклиста. Потом шум города вновь поглотил все посторонние звуки, оставив только гудение машин и бесконечный гомон идущих мимо людей. Но даже они поблекли на фоне заданного Настей вопроса, который эхом отозвался в сознании Ромы.

– Слушай, я не знаю, что это было. – После этих слов она пропустила краткий смешок и молча кивнула, как бы соглашаясь со сказанным. Её губы напряглись в фальшивой улыбке, будто бы говорящей: «Ну давай, продолжай, вешай мне лапшу на уши». Глаза внимательно следили за каждым его движением, пока их поверхность поблёскивала в лучах фонарей. – Сначала всё вроде шло нормально, а потом эти стены...и в общем...мне стало жарко...

– У тебя клаустрофобия, так ведь?

– Похоже, что да.

– И ты знал об этом?

– Я знал, но не думал, что приступ будет сейчас. Это не проявлялось уже несколько лет и...

– Если ты знал, какого чёрта ты полез вместе со мной? Кто просил тебя развязывать свой язык и заставлять меня краснеть перед той женщиной? Это... – Она запнулась, пытаясь подобрать нужные слова, но каждое из них выскальзывало под гнётом гнева. – Это не твои сраные переговоры, Ром. Не надо здесь изображать из себя крутого, понимаешь? Не надо! Просто дал бы мне выступить! Но нет же, нам надо повыпендриваться и показать всем своё красноречие! Да, Ром? Ты же привык делать именно так? Ты е бизнесмен! Постоянно идёшь по чужим головам! Но вот только по моей идти не надо. Если ты, конечно, хочешь семью. А если не хочешь, то пожалуйста...

Настя замолчала, тупо уставившись в глаза Ромы. Какое-то время она так и простояла, пока не тряхнула головой и не закрыла лицо ладонями.

– Чёрт, нет, нет, нет, нет... Мне следует думать, что говорить. – Руки опустились вниз и свободно повисли по бокам. – Я пойду домой, мне нужно всё обдумать.

– Давай поедем ко мн...

– Нет, – её голос был резким и не требующим возражений. – Никуда я с тобой не поеду. Видеть тебя не могу.

А вот это было обидно.

Рома аккуратно положил руки ей на плечи и заговорил максимально спокойным голосом:

– Давай зайдём в какую-нибудь кафешку, я куплю тебе мороженку...

– Руки от меня убери! – Настя мигом отшатнулась, и из-за упавших на лицо волос грозно блеснули два серо-голубых огонька. – Не смей трогать меня, иначе я за себя не отвечаю!

Мимо них прошло три смеющихся девушки, и все они смотрели на Настю, стоящую к ним спиной. Её чуть ли не обнажённый торс приковывал к себе взгляды прохожих, которые не были с головой утянуты в телефоны. Десятки пар глаз пробежали по её телу, и это взбесило Рому даже больше, чем резкое толчок Насти от его рук.

Сделав шаг вперёд, Рома мягко произнёс:

– прости, Рапунцель, если я что-то сделал не так.

– Что-то сделал не так? – Она залилась громким смехом, обратив на себя внимание абсолютно каждого – Да ты всё сделал не так! Всё! Я не твоя долбанная секретарша, с которой ты можешь вести себя как хочешь! Я твоя девушка! Девушка, мать твою! – С краешка правого глаза сорвалась одна слезинка и покатилась по пылающей щеке. – И я тоже могу сказать пару слов, а не просто молча стоять и чувствовать себя полной дурой! Хватит уже всё решать за меня! Ты не в бизнесе, а в отношениях!

Настя тяжело дышала, прорезая взглядом тёмно-карие, покрасневшие глаза её мужчины. Грудь судорожно поднималась и опускалась, обдуваемая ночным ветром. Воздух вокруг наэлектризовался и был полон напряжения, максимум

которого мог взорвать всё окружение. Рома перестал замечать любопытные взгляды в их сторону и полностью отделился от мира, игнорируя его. Он смотрел только на Настю и с каждой секундой всё больше осознавал одну простую вещь: это не ЕГО человек. Это лишь женщина, что была рядом с ним самой собой и доверяла ему, изливала душу и любила, но никто не был вправе насильно сдерживать её. В любой момент она могла свободно уйти, потому что никому не принадлежала, а лишь дарила любовь и была любимой. И уход её зависел только от отношения к ней того мужчины, которому она позволяла наслаждаться своим телом.

И когда Рома понял это, он по-настоящему испугался, что может потерять Настю.

– Тебе вызвать такси?

– Не надо, я на автобусе доберусь.

– В таком виде?

– Да, в таком виде! – Недалеко от них собралась небольшая толпа людей, головы которых были повёрнуты в их сторону. Оттуда доносилось слабое перешёптывание, разбавляемое редким смехом. Пара окон открылась, и из них выглянули сонные лица, желавшие узнать, что это за крики разносятся по улице. Казалось, вся она стала одной большой декорацией, а прохожие – дешёвой массовкой, на фоне которой Рома чувствовал себя каким-то чужим.

И что самое ужасное, смотря на Настю, он также чувствовал себя чужим.

А она продолжала смотреть на него, уже не сдерживая дрожь в губах.

– Не хочешь, чтобы на меня пялились? Но это же прибавит мне очков, правда ведь, Ром? – Из её груди вновь вырвался смешок, и на этот раз лицо осветила ещё более фальшивая улыбка. – Ты же всегда всё решаешь за меня! «Я знаю лучше, мне виднее...»

– Настя, успокойся! – Он сжал её кисть и приблизился так близко, что ощутил на лице разгорячённое дыхание. – На нас смотрят.

Она оглянулась по сторонам и наткнулась на взгляды наблюдающих за ними людей. Один парень лет четырнадцати, стоявший всего в нескольких шагах от неё, достал телефон и начал снимать всё на камеру, конечно же, ехидно улыбаясь. Заметив это, Настя тут же сказал ему:

– Если ты сейчас же, говнюк, не уберёшь камеру, я подойду и сама засуну её тебе в задницу, понял?

Паренёк закивал и спрятал телефон в кармане, после чего вовсе скрылся за толпой. Серо-голубые глаза снова вцепились в Рому, и теперь слёзы текли по щекам ручьями.

– Я не хочу устраивать при всех цирк. Хотя ты это сделал. Но я не буду, я просто пойду домой. И... и хватит уже сжимать моё запястье!

Она дёрнула руку и отстранилась от него, сделав пару шагов назад. Вдалеке послышалось протяжное «Оу-у-у-у», но как только Настя посмотрела в ту сторону, все разом заткну-

лись и перестали издавать какие-либо звуки. Её взгляд снова сместился на Рому, и вместе с этим она произнесла:

– Иди ты к чёрту! – И уже тише: – Бизнесмен хренов. Отношения – это не бизнес. Здесь важна не прибыль или выгода, а отдача. Отдача, Ром. Научись отдавать, а не только брать и пользоваться.

С этими словами она ушла от него, всё с таким же обнажённым (не считая бюстгальтера) торсом, джинсах и кроссовках. Собравшиеся мужчины провожали её взглядом, а один даже громко присвистнул. Именно ему Настя показала средний палец и, подойдя ближе, что-то сказала, после чего все вокруг рассмеялись, а этот самый мужчина в мгновение ока залился краской. Сама Настя через пару секунд скрылась за углом дома, оставив Рому стоять в одиночестве. Незванные зрители взирали теперь на него и только на него. Среди них он увидел тех трёх смеющихся девушек, что прошли мимо, а потом наблюдали за происходящим.

– Интересно? – Все трое отрицательно покачали головой. – Ну тогда проваливайте отсюда! – И обращаясь уже ко всем: – Представление закончено, расходитесь по домам! Спектакль отыгран.

6

Он дышал под водой.

Втягивал её в свои лёгкие и наслаждался каждым вдохом, пока всё глубже опускался на дно. Солнечные лучи начинали утонать во мгле и полностью теряться – уже в самом низу, оставаясь где-то позади. Давление вокруг всё увеличивалось, но это было вовсе незаметно, так что погружение казалось приятным и расслабляющим. Мимо проплыла небольшая рыба с фонариком на голове, за ней – дельфин, а за ним – огромная стая жёлтых бабочек, крылья которых каждую секунду бились друг об друга.

Одна из них села на нос и, взглянув в карие глаза, по-дружески помахала лапкой, после чего улетела к стае.

Рома почувствовал накатывающие на тело вибрации и обернулся, задрав голову вверх. Прямо над ним, закрывая собой последние солнечные лучи, проплывал огромный кит, почти невидимый в темноте.

Но Рома его *видел*.

Он видел всё. Видел продолговатые шрамы на гигантском белом брюхе, непроглядную мглу в открытой пасти и свободно дрейфующий по воде хвост. Тень кита покрыла собой весь мир и нависла над ним, окунув всё вокруг в густеющий мрак. Каждую секунду по телу Ромы проходились небольшие волны, вызванные любым движением кита. Он не спеша продвигался сквозь воду, и в какой-то момент, когда солнечные лучи показались из-за краешка хвоста, сумасшедших размеров пасть открылась ещё больше, и из глубин её раздался низкий, невероятно громкий крик.

От этого крика хотелось тут же закрыть уши и спрятаться где-нибудь в другом месте, в котором бы царствовала тишина. Рома начал судорожно плыть прочь от кита, ещё глубже на дно. Его тело встретила мгла и приняла в свои объятия, но безумный крик отчаяния всё ещё трезвонил в ушах. Рома поплыл быстрее и уже ничего не видел – просто чувствовал, что идёт ко дну. И сердце его забилося спокойнее только тогда, когда вопль наверху стал утихать.

Он почувствовал, как по коже прошлись мурашки от близкого тепла, и обернулся.

Недалеко от него, сияя, плавала медуза.

Она была прекрасна. Вода вокруг неё отливала мягким голубым цветом, так сильно выделяющимся на фоне глубокого мрака. Её строение напоминало широко раскрытый зонтик, понадобившийся какой-то мадам, чтобы укрыться от дождя. И чем ближе Рома подплывал к медузе, тем яснее он видел, как что-то пульсирует внутри неё. Что-то там билось в определённом ритме, затухало и зажигалось вновь, обдавая всё своим сиянием. Неугомонный огонёк трепетал в медузе, подзывая к себе нежными лучами. И он в самом деле *манил*. Притягивал Рому подобно жалкой скрепке под действием магнита, но тот даже не сопротивлялся, просто плыла навстречу. Тоненькие щупальца медузы тоже пришли в движение и одним слабым рывком направились к протянутым рукам.

И только когда Рома вплотную приблизился к медузе, он

увидел, что сияние её не просто голубое. Он светилось серо-голубым.

Ловкие щупальца мгновенно обвили её вокруг шеи и с силой сжали её, натянув себя подобно жёстким струнам. Внезапно вода стала водой и тут же залилась в нос и в открытый рот, но дальше не пробралась. Рома попытался ухватить медузу за что-нибудь, но руки его онемели и перестали слушаться, решив висеть бесполезными кусками мяса. Ноги вдруг потяжелели и прибавили в весе пару тонн, так что теперь они с огромной скоростью тянули тело вниз. А проворливые щупальца продолжали пережимать шею, заставляя кожу рваться и пуская в воду льющуюся кровь. Рома закричал, но не смог произнести ни звука, потому что рот его был забит сотнями червей, что копошились внутри и начинали грызть ещё свежую плоть. И после того, как он ещё раз в ужасе взглянул на медузу, она вогнула в его глаза острия щупалец и услышала, как те лопнули и брызнули на неё, стекая теперь склизкой жижей.

Но Рома всё ещё чувствовал мёртвую хватку на своей шее и проклинал этот мир за то, что он не дал ему умереть.

Медуза в мгновение ока прижалась к лицу и запустила...

– Мужчина! Молодой человек! – Кто-то тряс его за плечо. – Просыпайтесь, конечная!

Веки кое-как поднялись вверх и тут же прогнали мерзкую медузу, кинув Рому в реальный мир. Перед ним стояла пожилая женщина, на лице которой беглой строкой читалась

озабоченность. Прямо над головой, подобно нимбу, сияли лампы, и из-за этого чересчур яркого света Рома зажмурил глаза, тихо простонав.

– Мужчина, выходим! Иначе вы уедете в депо. Всё, давайте, выходим, выходим!

Он машинально встал и поплёлся к выходу из вагона, всё ещё потирая глаза. Мир иногда покрывался чёрными точками и начинал уплывать, но после пары пощёчин вновь обрёл свои контуры. Голова была совершенно пуста, и это не могло не радовать. Никаких мыслей, никаких проблем и никаких забот. Только идущие к эскалатору люди и плиты под ногами – больше ничего. Сознание ушло на покой, решившись отдохнуть после небольшого, но крепкого сна.

Сна...

Рома коснулся ленты поручня и ощутил, как маленький червяк укусил его с внутренней стороны щеки. Он невольно сморщился и высунул язык наружу, заставляя исчезнуть фантомные ощущения. Перед глазами мелькало серо-голубое пятно, но и оно уже растворялось в свете настоящих, вполне реальных ламп метрополитена. Мимо по лестнице промчалась куда-то спешащая девушка. Рома инстинктивно засмотрелся на её виляющие, обтянутые лосинами бёдра...

...и вспомнил Настю.

Воспоминания нахлынули на него подобно мощному потоку воды. В память врезался фрагмент, на котором оба они смеются, сидя в небольшом коридоре и отшучиваясь перед

прослушиванием. Он помнил, какой красивой была Настя, когда злилась на него из-за выходки с соплём. Подумав об этом, Рома расплылся в горькой, но тем не менее тёплой улыбке.

Внезапно лента поручня эскалатора превратилась в перекладину невысокого заборчика у самой Невы, а сам он придерживал за талию ту, что смогла покорить его сердце. Она смеялась. Смеялась искренне и непринуждённо, и смех её временами пропадал в сладостных поцелуях. Она улыбалась. Улыбкой своей она грела душу и будто бы обещала, что всё будет хорошо. Ямочки на её щёчках хотелось целовать вечно, а чувствовать тепло дыхания на своём лице – и того дольше.

Рома вспомнил их первый секс, случившийся на даче её мамы. Вспомнил, как долго мучился с застёжками бюстгалтера, уже еле сдерживая бушующую внутри страсть. Вспомнил, каким счастливым себя чувствовал, засыпая рядом с ней и прижимая к себе. Той ночью он поклялся, что никогда не отпустит Настю. Неважно куда и с кем – просто не отпустит.

А что сегодня? Он позволил ей уйти одной. Одной в чёртовом городе, когда половина её груди была выставлена всем на обзор! Да это находка для маньяков! Подойди и возьми, бесплатная акция! Товар сам идёт к тебе без сопровождения мужчины! Всё в исправном состоянии, ещё не поступало ни одной жалобы.

– Твою мать, – Рома сошёл с эскалатора и уже через несколько секунд оказался на улице, задержавшись лишь для того, чтобы подержать дверь еле идущей старушке.

Вдохнув ночной воздух и полностью отойдя от сна, он достал телефон, сразу же нашёл номер Насти в недавно набранных и позвонил.

Поднёс телефон к уху и стал ждать.

Мир вокруг заполнили гудки, будто бы назло так долго тянущиеся. Прошла почти минута, и когда Рома решил сбросить звонок, на другом конце трубки ответили.

– Чего хотел? – Голос был резким и даже слегка пренебрежительным.

– С тобой всё в порядке? Ты дома вообще?

– Я почти у дома. Уже вижу свою парадную. А что?

– Я волнуюсь. Ты всё так же без футболки?

– Ну а как ты хотел? Не надо было её выкидывать. Не понимаю, как ты вообще до этого додумался?

Рома подошёл к пешеходному переходу и, отойдя в сторону, совсем тихо спросил:

– Ты не обижаешься?

Ответом ему послужила тишина – настолько долгая, что создалось впечатление, будто звонок сбросили, но нет, абонент был на связи. Светофор успел поменять мигающий красный на жёлтый, а затем – на зелёный. И только на другой стороне дороги в динамиках телефона раздался ответ.

– Иди в жопу, – после чего связь оборвалась.

Рома приложил все усилия, чтобы сдержаться и не разбить телефон об асфальт. Он сжимал его в руке с такой силой, что мог бы кому-нибудь сломать кисть подобной хваткой. Но прохладный ночной ветер остудил его пыл и прояснил разум, заставив успокоиться.

– Я тоже тебя люблю, зай. – Телефон скрылся в кармане джинсов, и вместе с тем потух внезапно возникший в груди пожар.

Рома зашагал дальше по улице, опустив взгляд вниз и полностью окунувшись в собственные мысли. Пару раз он плечом пихнул нескольких мужчин и молча продолжал идти, когда позади раздавались крики недовольства и фальшивые угрозы. Машины проносились мимо одна за другой. Одна за другой над головой пролетали птицы, обсуждая свои птичьи дела. Хоть в Петербурге и была ночь, а часовая стрелка на циферблате подкрадывалась к двум, всё же город не спал и шумел, но делал это эстетично, даже слегка гармонично.

Бывает, с каждым из нас случается невероятное открытие в сознании во время обычной прогулки, пока мы предоставлены только сами себе. Такие вещи шокируют и запоминаются больше всего именно тем, что к их понятию мы приходим сами, без навязывания кем-либо. И когда это происходит, в наших головах яркой вспышкой что-то взрывается, проливая свет на непонятные до этого вопросы. Конечно же, свет этот просачивается и вперёд – освещает нам полную препятствий дорогу жизни.

Рома остановился у входа в одну из кафешек и осмотрел улицу, по которой шёл. Под звёздным небом, отливающим тёмно-синим в самом верху и голубоватым на горизонте, куда-то вдаль выстроились чудеса Петербургской архитектуры, именуемые жилыми домами. Меж них простиралась широкая автомобильная дорога, освящаемая сиянием уличных фонарей. Воздух сотрясали бесконечные разговоры прохожих, сливаясь в один нескончаемый поток речи. Жизнь здесь была ключом и всюду бурлила. Каждый был чем-то занят, чем-то обеспокоен, куда-то спешил. Никто не обращал внимания на одиноко стоящего Рому, наблюдающего за всем этим. В его глазах появилось понимание одной простой вещи, додуматься до которой было невероятно сложно. И заключалась одна в одной непоколебимой истине: если он сейчас умрёт, мир продолжит жить своей жизнью. Его гибель повлияет лишь на судьбы нескольких людей, но уличный фонари всё так же будут сиять как и сияли, официанты будут разносить заказы ждущим клиентам как и разносили, а планета не прекратит вращаться по орбите и даже не замедлится. Пейзаж ночного города, на который сейчас взирал Рома, ничем не будет отличаться после его смерти. Проще говоря, миру плевать на смерть какого-то Романа Арфеева. Поэтому и стоило жить своей жизнью, наслаждаясь ею и не заботясь ни о чём другом.

Сказал бы он так, не будь собой.

С детства Рома был мечтателем и мечтателем рьяным.

Всю жизнь он верил и верит до сих пор, что предназначен для нечто большего, что ему отведена отдельная роль в истории мира. В школе над ним смеялись, мать элегантно улыбалась, когда слушала его полные амбиций речи, но тем не менее Рома продолжал верить. Верить в то, что мир узнает, кто такой Роман Арфеев, и запомнит его имя надолго. Он много говорил о бизнесе и о своих грандиозных планах, только потом поняв, что о них стоит молчать. Но он всегда старался подтверждать слова действиями, чем занимается уже последние три года. Первые четыре стартапа, которые и стартапами назвать сложно, с треском провалились, и произошло это за один год. За один, мать его, год. Все деньги Ромы уместались в одном кармане джинсов, и свободного места там оставалось ещё очень много. Друзья продолжали насмехаться, но Рома не прекращал работать, сидя бессонными ночами за ноутбуком, копя на бизнес-курсы и проходя их в интернете, записывая всё самое важное огрызком карандаша на страницы блокнота.

Единственной, кто поддерживал его, была Настя. Она успокаивала его в минуты гнева, проводя по плечам своими ладонями. Она заставляла его подниматься, когда очередная идея проваливалась, а все внесённые деньги исчезали со счетов. Только она не позволяла ему расслабляться, хоть руки так и опускались после стольких неудач. Настя была чудесной девушкой. Золотой. Сначала Рома влюбился в её тело, но потом полюбил душу, зная, что подобной не сыщешь и

на всей Земле. Настя была не только шикарной любовницей, но и отличным другом, на которого можно смело положиться. Она являлась самым дорогим Роме человеком наравне с матерью. Но то, что в отличие от матери она верила в него, в его идеи и в его бизнес с самого начала, значительно прибавляло очков в её пользу.

Рома хотел изменить мир и оставить свой след в истории. Но он прекрасно понимал, что за каждым великим мужчиной стоит не менее великая женщина, руки которой постоянно поднимают любимого воина. И он не хотел, чтобы Настя ушла. Не мог позволить ей это сделать, потому что боялся потерять такое сокровище и больше не найти. Он искренне верил, что сможет обеспечить семье хорошее будущее, но только если рядом будет ОНА. И хоть Рома отказывался себе в этом признаваться, но где-то очень глубоко он осознавал, что, будучи совсем один, не сможет подняться после сокрушительного удара жизни. Но расклад игры сразу же поменяется, когда его горячие плечи накроют руки Насти – солнца всей его грёбанной жизни.

Совсем рядом открылась дверь кафешки, откуда вышла молодая пара, смеясь и улыбаясь друг другу в лицо. Парень мельком взглянул на Рому и вернулся к любимой, продолжая рассказывать, судя по всему, очень смешную историю. Они спустились по лестнице и слились с сотнями подобных им прохожих, которым почему-то не спалось этой ночью. Из-за открытой двери доносилось постоянное постукивание ло-

жек и вилок о посуду, но тут же смолкло, как только дверь закрылась.

Рома достал телефон и, введя пароль с третьего раза, открыл контакты. Нашёл того, кто ему нужен, облокотился на перила милого заборчика на крыльце кафешки и набрал этот номер.

Ждать пришлось недолго. Два длинных гудка, и в динамиках послышался голос юноши:

– Здравствуйте, босс.

– Привет, Жень.

– А... – на конце города на несколько секунд повисла тишина. – Зачем вы так поздно звоните?

– Я обещал тебе перезвонить, помнишь? Был слегка занят, но вот сейчас освободился.

– И выбрали для этого лучшее время. Босс, сейчас... сейчас половина третьего! Вам совсем не спится?

Рома искренне рассмеялся, по-настоящему радуясь тому, что Женя ответил. Это был один из его немногочисленных сотрудников, друг, которому он мог хоть чуть-чуть довериться. И конечно, вечный оптимизм и упорство Жени напоминали Роме его самого в самом начале пути, хоть между ними и была разница в жалких три года.

– Да, Жень, я умею выбирать время. Слушай, у тебя ноутбук под рукой?

– Конечно! Я чуть ли не сплю с ним в обнимку, вы бы видели! Думаю, если бы Аня узнала про это, то жутко прирев-

новала бы меня к ноутбуку, честное слово!

– Глянь, что там по собеседованиям, пожалуйста.

– Как скажете, босс.

Рома продолжал наблюдать за такими забавными прохожими, каждый из которых куда-то спешил. Но, например, та девушка – наверное, ещё даже не поступившая в университет – не спеша прогуливалась по улице, слушая музыку в белых проводных наушниках. Был бы Рома её возраста, то, скорее всего, не упустил бы возможности пофлиртовать, ведь девушка казалась довольно симпатичной. Но в нынешних суровых реалиях его сердце уже занято одной особой, имя которой – Анастасия.

Рома горько усмехнулся, после чего глубоко вдохнул ночной воздух. После продолжительной тишины телефон заговорил:

– У вас как дела-то? Нормально?

– Нормально, Жень, не переживай. У меня всегда дела идут хорошо.

– Это неправда, босс. – Обычное обращение «босс» льстило Роме, но сейчас оно начала его раздражать. – Вы же тоже человек, а у всех людей есть проблемы.

– Да, но вот только кто-то их решает, а кто-то вечно ноет. Я отношусь к категории первых.

– Я в курсе. Большинство проблем же у нас общее! Вот, стойте! Ноутбук загрузился! Вы спрашивали о встречах, да?

– Именно о них.

Следующие пятнадцать минут они говорили только о бизнесе, о завтрашнем (то есть, сегодняшнем) дне и перенесении некоторых встреч. Пару раз оба они смеялись над Жениными шутками, и Рома смеялся бы громче, если б не знал, какой на самом деле Женя несчастный человек и какая у него семья. Но силе воли и оптимизму парня можно было только позавидовать, что, несомненно, вызывало огромное уважение. Хоть порою Женя и подбешивал своим искромётным юмором, Рома знал, что в случае чего на него можно будет положиться, поэтому и держал под своим крылом. Он желал стать неким учителем для этого вечно улыбающегося юноши со светлыми волосами, потому что видел в его глазах то, что нередко замечал в своих: донимающее чувство одиночества, грызущие душу сомнения и вопрос, ответ на который так сложно было найти: «А правильно ли ля всё делаю?»

У Ромы в своё время не было наставника. Он прокладывал себе дорогу сам, в усталости падая в объятия Насти. С каждым падением он становился сильнее, мудрее, и недавно жизнь предоставила ему возможность поставить на ноги молодого бойца, в зрачках которого пылало неистовое желание действовать. Конечно, эту возможность нельзя было упускать, ведь обучая чему-то, ты сам приобретаешь новые навыки и оттачиваешь уже имеющиеся. А Рома прекрасно понимал, что ему и его мини-компании есть куда расти.

Звёзды были ещё совсем далеко.

– Он немного повыкабенивался, но я всё уладил, босс.

Нужно было лишь слегка надавить, и он размяк, как целочка на первом свидании.

– В компании женщин так не шути, Жень. Они такой юмор не поймут.

– Да знаю я, знаю. Кстати, насчёт женщин... Могу я задать вам личный вопрос? То есть, не совсем вопрос, я просто... ну... раз уж вы позвонили, то можно я обращусь к вам за советом?

Подобное предложение польстило Роме, и под его карирами глазами растянулась улыбка. Прямо перед крыльцом кафешки споткнулась молоденькая девушка, но ей тут же помог встать, судя по всему, незнакомый парень. Они улыбнулись друг другу, и Рома увидел, как женские щёчки мигом покрылись краской. Мысленно он пожелал этим двоим всего хорошего и проводил их взглядом – уже вместе идущих и о чём-то болтающих.

– Босс, вы здесь?

– Да, прости, задумался. – Из открывшейся двери вышел седовласый старик, чуть прихрамывающий на ступеньках лестницы. Спустившись, он достал из пакетика сосиску в тесте и зашагал по улице, жадно поедая свою добычу. – Что за совет ты хочешь услышать?

– Ну смотрите. Помните Аню? Приходила к нам в офис и приносила мне обед.

– Да, помню. Такая стройненькая, высокая и с кудряшками на голове. Я с ней пару раз общался и должен признать,

что у тебя неплохой вкус. Насчёт неё у меня сложилось впечатление хорошей, воспитанной девушки. Да и фигура у неё – класс.

– Спасибо, босс. Она и вправду хорошая, но... В общем, мы поссорились. Я уже даже не помню из-за чего, представляете? Помню только, что мы наговорили друг другу гадостей, причём при людях! Мы поссорились прямо на улице, на нас смотрела просто куча зевак! Как я хотел им всем врезать и...

– Тише, тише. – Рома понизил голос и сделал его более бархатным, более успокаивающим – как всегда поступал на деловых встречах, когда наживка пыталась соскочить с крючка. – Ближе к сути вопроса. Ты чего от меня хочешь?

– Совета, я же сказал. Я просто не знаю, как поступить! Чёрт, я не хочу её терять, понимаете? Она для меня как смысл жизни. Всегда поддерживала, заботилась...

– Да, да, да, знаю эту песню. У самого такое сокровище. Её зовут Настя, но я предпочитаю называть её врединой.

– Я помню её. Вам с ней повезло, босс. Она прекрасна. – Отчего-то грудная клетка Ромы сжалась и показалась слишком тесной, будто сердце пыталось высвободиться из-под заточения рёбер. Он сглотнул слюну, и только после того, как она процарапала стенки пересушенного горла, до него дошло, что организм требует воды. Всё ещё держа телефон у уха, он развернулся, направился к двери и зашёл внутрь. Сразу нашёл стоящих за стойкой официанток и, улыбнув-

шись одной из них, зашагал прямо к ним. – Я помню, как уважительно она со мной разговаривала, хоть мы только-только познакомились. Честно признаться, не было бы у меня Ани, я, наверное, влюбился бы в вашу Настю.

– И что тогда у нас было бы? Весёлый треугольник?

На конце города раздался смех, донёсшийся до Ромы. Через пару секунд он быстро проговорил:

– Жень, подожди немного, я заказ сделаю.

Рука с телефоном опустилась вниз, но другая легла на стойку, сразу украв всё внимание официанток. Ко всем, одетым в белые блузы и чёрные юбки строго по дресскоду, Рома и обратился.

– Добрый вечер, красавицы. То есть, уже ночь... неважно. – Его губы расплылись в ослепительной улыбке, как бы говорящей: «Да, я дурачок, что с меня взять?» Реакция не заставила себя долго ждать, и все официантки до одной, хоть и чуть-чуть, но улыбнулись в ответ. – Можете осчастливить меня стаканчиком лимонада?

Одна из девушек подпихнула другую локтём, и вскоре к нему подошла та, что самая первая посмотрела на него при входе своими ярко-зелёными глазами. Когда перед Ромой появилось милое личико в обрамлении русых волос, он услышал непривычно мелодичный для официантки голос.

– Какой именно вы хотите?

Она положила меню на стол, но тут же почувствовала, как её ладонь накрыла чужая. Мягко и нежно, будто это было

прикосновение отца.

– Не надо, выберите на свой вкус. Я вам доверюсь.

– Хорошо, как скажете.

Официантка, явно слегка смущённая, развернулась и затрусилась на кухню. Её бёдра при этом заманчиво покачивались, и где-то рядышком хихикнула какая-то женщина, увидев, как Рома провожает взглядом обслуживающую его девочку.

Он поднёс телефон к уху и облокотился об стойку.

– Жень, ты ещё не помер?

– Нет, босс, вас дожидаюсь, хотя, если честно, я бы лучше сейчас поспал. – Послышался долгий зевок, и, услышав его, Рома сам поневоле зевнул.

– Ну так что там дальше-то? Вы поссорились, а чего ты от меня хочешь? Чтобы я посоветовал, как лучше помириться?

– Что-то наподобие этого. Мы просто так хорошо общались, а тут бац! Так ещё и при людях! Хоть я на неё до сих пор злюсь, потому что в той ситуации она ни в каком месте не была права, но, блин... Сами понимаете, не хочется её терять. Тем более из-за какой-то глупой ссоры! Вы с Настей встречаетесь уже давно, вот я и подумал обратиться за помощью к вам, босс, потому что у вас явно опыта в этом деле побольше.

– Да, мы с Настюшей иногда вгрызаемся друг другу в глотки. – К стойке подошла Зеленоглазка со стаканом лимонада в руке и, поправив волосы, поставила его перед Ромой. На

секунду отвлёкшись, он посмотрел на неё и тихо проговорил. – Спасибо, красавица. – После чего вернулся к разговору. – Жень, как давно вы не общаетесь?

– Ну уже очень много времени, сейчас скажу. – Последовала небольшая пауза, за которую Рома успел сделать два больших глотка и мысленно поблагодарить создателя лимонада за сей шедевр. – Мы не общаемся уже пять часов, босс. Я жуть как переживаю...

– Ну да, за это время она уже точно нашла себе любовника и перепихнулась с ним. Может, даже родила ему парочку наследников.

– Очень смешно, босс. Я бы посмеялся, если бы у вас было чувство юмора, но, видимо, бог решил вас им обделить. – Рому чуть не подавился лимонадом и, проглотив его, от души рассмеялся. Ему нравились подколы Жени. И нравились по двум причинам. Первая – они были смешными и действительно остроумными, вторая – это показывало то, что Женя не был льстецом и не боялся говорить правду в лицо. Особенно если эта правда была завернута в блестящую обёртку юмора. – Ну а если серьёзно? Что мне делать? Как поступить?

– Во-первых, нужно включить мозги и отключить эмоции. Без этого никак. Во-вторых, успокоиться.

– Босс, вы меня, конечно, простите, но такие советы я бы и сам смог себе дать. Я хочу знать, что конкретно нужно делать.

– Конкретно? – Он осушил стакан и, подозвав зеленоглазую официантку, попросил её налить ещё. – Хорошо. Нужно немного подождать, чтобы она остыла. Женщины бывают чересчур импульсивны, и задача мужчины в эти моменты – не поддаваться её истерикам и сохранять более холодный, расчётливый ум. Будь для неё кувшином с холодной водой, когда она так и будет пылать. Своими истериками ты сделаешь только хуже, поверь.

– Полностью с вами согласна. – Зеленоглазка поставила на стойку наполненный стакан и игриво улыбнулась. Её бедра слегка качнулись, когда она развернулась, и начали лавировать из стороны в сторону. Одна из официанток снова еле слышно хихикнула, но Рома не разозлился, а даже наоборот – расплылся в довольной улыбке.

– То есть, нужно немного подождать, да?

– Жень, я не буду давать тебе чётких инструкций насчёт того, что куда в кого и как. Единственное, что я тебе скажу, будет следующее: если вы и вправду с ней сильно поругались... – На миг перед глазами возникли голубые стены, что неминуемо приближались. В следующую секунду их сменили стелющиеся по ключицам волосы, а затем и вовсе голову пронзил такой знакомый голос: «Иди ты к чёрту!» Рома начал массировать виски, но продолжил говорить. – Если там всё серьёзно, то просто в одиночестве сядь, поговори сам с собой, проанализируй ситуацию и в будущем веди себя достойно. Знаешь, если ты ей наболтаешь про извинения и

прочую чушь, она, может быть, тебе и поверит, но потом всё равно ты покажешь себя через поступки. Именно поступки отличают настоящего мужчину от трепла. А если ты хочешь, чтобы разобрались в произошедшей ситуации с обеих сторон, то просто сядьте за стол и обсудите всё вместе. Не по телефону, не в социальных сетях или где-нибудь ещё, а только вживую. Послушай, – Рома прикончил и второй стакан. Решив, что с него достаточно, он отодвинул его в сторону. – Если ты хочешь добиться от Ани правды, тебе следует напоить её. Понимаю, так рыцари не поступают, но если желаешь, чтобы всё было максимально честно, напои её. Алкоголь развязывает женщинам не только ноги, но и языки.

Последнее его слово принесло с собой тишину, так что Рома слышал сейчас лишь хаотичное постукивание посуды друг об друга и неразборчивые разговоры клиентов, что-то забывших в этом кафе глубокой ночью. На удивление, для столь позднего часа здесь было довольно-такилюдно, и только сейчас Рома понял почему. Стрелки на часах почти приблизились к тройке, обозначая, что наступил новый день – 9 июля. А это означало, что вчера было 8 июля – день семьи, любви и верности. И хоть «завтра» неминуемо наступает, хотим мы этого или нет, пока мы не ляжем спать, в нашей голове сегодняшней день остаётся сегодняшним, пусть часы и пытаются внушить нам обратное.

– Может, сделать ей подарок?

– Тоже неплохой вариант, – глаза Ромы широко раскры-

лись, и на миг что-то в них мельком проскочило. – Короче, Жень, всё сводится к тому, что тебе просто нужно следить за языком и правильно поступать. Ваши ссоры скоро забудутся, а вот сказанное вами друг другу ещё долго может напоминать о себе в сердце. Так что вот так вот. Я тебе помог?

– Да, босс, помогли. Хотите я вам кое в чём признаюсь? – И, не дождавшись ответа, он продолжил: – Вы говорите правильные вещи, но так любите всё подолгу размусоливать! Прямо философ!

Рома рассмеялся и поневоле заметил, как на него смотрит зеленоглазая официантка. Как только их взгляды встретились, она тут же отвернулась, делая вид, что занимается чем-то другим.

– Это моя работа – говорить, договариваться, вешать людям лапшу на уши и улыбаться, когда хочется кому-нибудь врезать. Это бизнес, Жень. Умение грамотно работать языком стоит здесь на втором месте, аккурат после умения пользоваться мозгами. Запомни это, а теперь ложись спать.

– Да зачем? Мне всё равно скоро вставать.

– Ложись спать и не спорь. На завтрашний день я выделяю тебе отдых. В качестве извинения за ночной звонок. Да и просто наберёшься сил. Все твои обязанности завтра будет выполнять Мария. Возникшие вопросы решу я. И мой тебе совет, – Рома чуть понизил голос, – посвети свой выходной Ане. Семья намного важнее бизнеса, так что пока у тебя есть время, трать его на себя и своих близких.

– Вот именно после таких речей, босс, я убеждаюсь, что не зря пошёл в ваши ученики. Вы грамотный бизнесмен и хороший человек. Это довольно редкое сочетание. – Он немного помолчал, откашлялся и вновь заговорил. – Ладненько, спокойной ночи вам, если вы собираетесь спать. А я уже пойду баиньки.

– Хорошего отдыха, – Рома сбросил вызов и оторвал телефон от уха.

Какое-то время он просто смотрел на пустой стакан и барабанил пальцами по стойке. Его глаза не выражали абсолютно ничего, и осознанность в них пришла только тогда, когда он тихо проговорил:

– Семья намного важнее бизнеса...

Рядом со стаканом появились тоненькие женские ручки, и, подняв взгляд, Рома наткнулся на два ярко-зелёных огонька, один из которых пыталась скрыть прядь русых волос.

– Вы что-нибудь ещё будете заказывать?

Улыбка под этими глазами, без сомнений, могла заставить мужчин остаться здесь подольше и попросить ещё чего-нибудь налить, но Рома уже успел повидать столько фальшивых улыбок! И хоть эта была вполне искренней, всё же она не смогла на него подействовать.

– Нет, спасибо, ваш лимонад был просто бесподобным. Где я могу рассчитаться?

После краткого взгляда на чек и нетрудных махинаций с кредитной картой он осмотрел собравшихся за стойкой офи-

цианток и как только поймал взгляд зелёных глаз, тут же подзвал их рукой, приглашая к себе. Девушка несколько секунд непонимающе глядела на него, но всё равно подошла и слегка затаила дыхание, когда услышала шёпот у самого уха:

– Это за ваши зелёные глаза. – В кармашек её униформы проникла рука и оставила там шелестящую купюру. – Они у вас безумно красивы.

С этими словами он развернулся и вышел из кафе, оставив ошеломлённую официантку с подаренной тысячей в кармане.

7

Подходя к дому, Рома начал чувствовать, как тяжелеют веки. Усталость давала о себе знать. Ночной воздух опьянял, а получасовая прогулка обещала хороший, крепкий сон. И это было прекрасно. Это было прекрасно! Увидев крышу дома в паре улиц от него самого, Рома расплылся в улыбке, предвкушая скорый отдых и объятия матраса. Хоть спать с Настей было в разы приятнее, но всё же куда лучше было не прижиматься к стенке, потому что твоя мадемуазель решила раскинуть свои конечности по всей кровати, а самому развалиться на ней и не отказывать себе в пространстве. Вот это наслаждение так наслаждение! Подушка никогда не ударит тебя ночью ногой и сопеть в ухо, прижимаясь к тебе

всем телом и шепча, как сильно она тебя любит. Подушки молчали, и за это Рома их любил. За их преданную мягкость лёгкую податливость под головой. Они не выносили ночами мозг бесконечными разговорами и всегда были за то, чтобы подольше поспать. Да чёрт возьми, подушка могла бы стать идеальной женой, умей она готовить и удовлетворять сексуальные потребности! И если со вторым вопрос ещё можно было решить, то вот с первым...

Рома вновь рассмеялся, только подумав об этом. Парочка прохожих посмотрела на него, но от этого веселье только усиливалось. Светлое небо стало светлеть ещё больше, и у самого горизонта застенчиво выглядывал рассвет. Совсем скоро большинство людей встанет с постелей, проклиная этот чёртов будильник, и пойдёт на работу зарабатывать деньги, когда сам он плюхнется на кровать и будет зарабатывать эти же самые деньги, пока спит. Потому что он бизнесмен, детка! Он чёртов инвестор, в которого никто не верил! И пока другие пахали за жалкие гроши, он следил за своими акциями и руководил компанией, что до этого становилась банкротом четыре раза и у которой не было ни одного заказа. Ни одного! Но это бизнес, ребятки, при должном упорстве твой труд окупится шелестом купюр.

Рома рассмеялся ещё громче и, наполняя лёгкие свежим ночным воздухом, шагал по улице, навстречу съёмной квартире.

Только у самого подъезда, перед тем, как достать ключи,

он решил взглянуть на окно соседнего здания, что стояло напротив. Там, на третьем этаже, в самой последней квартире по коридору, жила его мать – чуть располневшая женщина, что когда-то была писаной красавицей. Хоть Рома и любил её, всё же честно признался себе, что внешний вид мамы оставляет желать лучшего, и «спасибо» за это можно было сказать только пристрастию к алкоголю. Она жила одна, потому что отец ушёл ещё пару веков назад, а другие мужчины даже не смотрели в её сторону, стараясь поскорее убрать взгляд с ужасно обвисших грудей.

Рома любил маму и всеми силами старался делать для неё только лучшее, старался делать так, чтобы она *сама* становилась лучше, но лишь недавно понял, что её от самой себя не спасёшь. И как бы цинично это не выглядело, но он не мешал ей в саморазрушении, джящемся уже не один год. Не поддерживал, но и не мешал. Он создавал свою жизнь, своё будущее и не хотел заморачиваться насчёт проблем матери-алкоголички. Рома и так корил себя за то, что оплачивает счета за коммунальные услуги вместо своей матери, которая, судя по всему, забыла, что такое работа. Он снимал небольшую квартирку напротив её дома, чтобы приглядывать за ней, хотя мог себе позволить купить жильё в самом центре города. Эта бескорыстная забота всё продолжалась и продолжалась, но когда-нибудь терпение лопнет, и бессовестник-сын оставит свою мать предоставленной самой себе, ибо уже хватит вечно ныть, пить и жаловаться на жизнь. Ро-

ма был уверен, что его мама относится к той категории людей, которые учатся чему-то только тогда, когда жизнь загоняет их в самый-самый угол.

Но сейчас он ни о чём не думал. Смотрел на окно маминной квартиры и замирало стоял, широко раскрыв рот. Ключи со звоном упали на асфальт, но и этот звук раздался где-то за гранью реальности. Взгляд карих глаз был прикован к мужскому силуэту на фоне жёлтого света. К мужскому силуэту, ровно стоящему у подоконника на самой кухне. К грёбанному мужскому силуэту в квартире его матери.

Рома простоял так несколько секунд, после чего дал себе пощёчину и приказал не впадать в ступор. Он поднял ключи и, кинув взгляд на дверь своей парадной, зашагал к дому мамочки, которая сегодня проводила ночь не одна.

8

В подъезде воняло мочой.

Мочой и чьей-то блевотиной. Когда Рома поднялся на второй этаж, он случайно наступил на использованный презерватив. На пролётах меж этажами деревянные, обшарпанные подоконники скрылись за пеленой окурков, огромные кучи которых виднелись тут и там. Даже сейчас, в половину четвёртого, эхом по подъезду разносились женские крики, которые обычно оканчивались глухим ударом и низким

басом. Кое-где бился в истерике грудной ребёнок, и от всех этих звуков Рома почувствовал, как начинает болеть голова. Подойдя к нужной ему двери, он взялся за ручку, закрыл глаза, глубоко вдохнул, медленно выдохнул и потянул её на себя.

Как о и полагал, дверь оказалась не заперта.

На удивление она открылась тихо и беззвучно, будто совсем недавно кто-то её хорошенько смазал. Так же тихо она закрылась. До крохотной прихожей доносился хриплый, но искренний женский смех и непонятное мужское бормотание. И чем ближе становились эти звуки, тем больше Рома узнавал нотки чужого голоса. Он ступал аккуратно, старясь не шуметь, чтобы никто не заподозрил раньше времени, что в квартире есть кто-то ещё. Они узнают, но только тогда, когда его глаза встретятся с глазами каждого.

Свет лампочек лился только из кухни, откуда и доносились звуки. Один шаг из-за угла, и здравствуй, мама, я дома! О, а что это за мужчина рядом с тобой? Ах да, точно! Это же наш любимый старый козёл!

Рома вышел на свет и сказал:

– Привет, мам.

Две головы (одна – светлая, друга – тёмная) повернулись, и теперь на него взирали две пары глаз.

Две пары *карих* глаз.

Кухня была небольшой. Даже маленькой. Практически всё свободное пространство занимал стол, дешёвая клеёнка

на котором была вся испачкана каплями соусов, соплями и бог знает чем ещё. И вот за этим самым столом сидела женщина, совсем недавно разменявшая четвёртый десяток, но выглядящая так, будто двадцать лет назад вышла на законную пенсию. Её поредевшие светлые волосы кто-то раскидал по голове, будто они жили своей жизнью. Покрасневшие глаза впали, кожа прорезалась сотнями морщин и обвисла, так что лицо её казалось вечно уставшим и чем-то недовольным. Груды держались чуть ли не на животе, а клетчатые шорты открывали вид на паутину из вен, что облепила собой неухоженные ноги.

Всё это Рома видел и раньше. Сейчас его взгляд был прикован к другому человеку. К человеку, что несколько лет назад вышел за сигаретами и не вернулся.

Но сигареты, похоже, он всё-таки нашёл.

– Привет, сынок. – Мужчина тепло улыбнулся, и с самых первых секунд Рома возненавидел эту улыбку.

Потому что это была *его* улыбка.

– Чего такой нерадостный? – Отец улыбнулся ещё шире, отчего кончики пальцев вспыхнули огнём. Чтобы потушить его, пришлось с силой сжать кулаки, с трудом сдерживая растущий внутри гнев.

Рядом с мамой, на той табуретке, которую Рома совсем недавно лично чинил, сидел крупный, коренастый мужчина. Его влажные чёрные волосы (только после душа, скотина) свободно свисали с головы и лишь слегка не доходили

до плеч. Широкое лицо, крепкая шея, огромные плечи и не менее огромный живот могли напугать любого прохожего в тёмном переулке, как только тот увидел бы такого монстра. Чёрная футболка приоткрывала вид на волосатое пузо, а прямо под ним красовалась расстёгнутая ширинка, сквозь которую просачивалась ткань трусов. И хоть когда-то острые скулы скрыли набежавшие за годы щёки, всё же лицо этого подонка оставалось по-своему красивым, привлекательным. Лишь алкоголь оставил на нём свой пугающий след усталости и лёгкой-лёгкой отстранённости.

Но улыбка была его чертовски хороша.

– Мы как раз с мамой о тебе говорили. – Голос, пропитанный басом и хрипом из-за многолетнего курения, врезался в голову и только усилил начинавшуюся мигрень. Она медленно, очень медленно окутывала сознание и переходила к правому глазу, желая сделать то, что делает обычно.

Выжимать его крепкими щупальцами.

Рома смотрел на отца и не мог произнести ни слова. Он просто стоял и тяжело дышал, пока кровь прилиwała к лицу. Тело обдало жаром и парализовало. Кто-то невидимый натянул на горле тонкую струну и затягивал её, перекрывая все пути в лёгкие. Мир вокруг исчез. Пропал и растворился. Теперь всё пространство заполнили усмехающиеся карие глаза, в зрачках которых сквозила такая знакомая Роме уверенность. Именно эти глаза видела перед собой та официантка, дыхание которой перехватило от прикосновения странного

клиента.

Отец встал с табуретки и вытянулся во все свои два метра. Мать на его фоне казалась маленькой мышкой, с безудержным восхищением глядящей на своего мужчину. Сам же он подошёл ближе, раскинув руки в широком размахе и как бы приглашая в тёплые отцовские объятия. Когда между ним и Ромой остался всего один шаг, в повисшей тишине раздался голос:

– Только тронь меня, и я расквашу тебе морду.

Эти слова подействовали и заставили остановиться сукиного сына, но не сняли улыбку с противного лица. Наконец потрясение удалось взять под контроль, хоть и не полностью. Всю свою жизнь Рома чувствовал себя хищником, опасным зверем. Создавая бизнес, он не боялся быть наглым и брал своё. Устанавливая полезные связи, он был в меру дерзок и притягателен, в особенности для противоположного пола. В спортзале его мышцы приковывали взгляд занимающихся рядом женщин, и каждый, кто достаточно хорошо был знаком с Ромой, знал, что лучше ему дорогу не переходить. Он был подобен льву, о котором все были наслышаны и предупреждены. Когти его большую часть времени пребывали в спокойствии, но чтобы показать силу и утвердить своё место, иногда их приходилось выпускать, обнажая ещё и клыки.

Рома был бизнесменом, а значит и хорошим психологом. На встречах с деловыми партнёрами он всегда обращал внимание на язык тела и глаза, ведь именно они могут показать

то, что пытаются скрыть язык и рот. Незаметно для самих оппонентов, они уступали Роме доминантную позицию, даже если встреча проходила на их территории. Потому что он был хищником. Спокойным, улыбающимся, но всё же хищником, и люди чувствовали это. Чувствовали его уверенность.

Но сейчас...

Сейчас хищник стоял перед ним. Более крупный, взрослый и опытный. Ах да, он ещё был его отцом.

Впервые Рома почувствовал себя жертвой, хотя отказался бы это признать даже перед самим собой. И не просто жертвой, а жалкой мышкой, забившейся в угол в надежде спрятаться от приближающегося кота. Огромного, страшного кота. Человек, стоящий перед ним, был единственным в мире, кого Рома по-настоящему испугался. И больше всего его поразило то зеркало, что встало между ними. Будто он смотрел на себя, искажённого годами, морем алкоголя и чем-нибудь ещё.

Отец смотрел на него сверху вниз, а он на него – снизу вверх, и это только подпалило очаг ненависти. И это хорошо. Ненависть – это очень хорошо. Она затуманивает мозг и уничтожает страх, который уже успел парализовать собой тело. Ненависть – отличный инструмент для того, чтобы разорвать основы сомнений и начать действовать.

Рома смотрел в карие, пропитанные уверенностью глаза и сказал лишь два слова, скрыв дрожь в своём голосе:

– Пошёл вон.

Ощущение крошечности только усиливалось, и где-то далеко, где-то очень далеко еле слышно задвигались стены.

– Ничего себе! – Отец повернулся к матери и, указав на их общего сына, усмехнулся. – Это ты его так воспитала?

– Ром, ты что такое говор...

– Заткнись. – Звучание собственного голоса прибавило уверенности, а накаляющаяся ситуация прыснула в кровь адреналин, так что мигрень разом потухла, но не исчезла. Мама коротко ахнула и вжала голову в плечи, когда её сын угрожающе посмотрел на неё, во взгляде читалось: «Не лезь не в своё дело».

Потом он вновь посмотрел на отца, и началась дуэль карих глаз.

– Пошёл вон отсюда или я тебя выпровожу сам. Лучше выбери первый вариант, иначе следующей твоей остановкой станет больница.

– Ого! – Под длинными чёрными волосами лицо исказила гримаса фальшивого удивления. – Да ты, я погляжу, не из робкого десятка! Знаешь, когда я был молод...

– Иди ты нахер со своими рассказами! – Слова пробились сквозь стиснутые зубы, удерживать кулаки под контролем становилось всё сложнее и сложнее. Рома понимал, что закипает невероятно быстро и может пропустить тот момент, когда сорвётся. Так было в том кинотеатре, где он расквасил нос бородатому козлу, не следящему за своим языком.

Так постоянно было в школе, когда он ещё не научился обуздывать гнев и сдерживать его, поэтому портфолио Роминых драк было огромным. Лишь окунувшись в мир бизнеса, серьёзных людей в серьёзных костюмах и летающих над головой денег, он понял, что следует держать себя в руках, даже если так и хочется дать подонку по зубам. И поэтому добивался сделок на своих условиях, давя на оппонентов спокойствием, хоть внутри бушевало ненасытное пламя.

В этом ему помогал один верный способ, которому она научилась, просматривая интервью со многими знаменитостями.

Перезагрузка.

Рома отошёл от кухни и повернулся к ней спиной. Любящийся позади свет растворялся в коридоре, но его оказалось достаточно, чтобы отыскать глазами что-то наподобие тумбочки. Он положил на её края руки, закрыл глаза, глубоко вдохнул и затаил дыхание. Через пару секунд поток воздуха мерно вышел из лёгких, полностью опустошив их. Ураган мыслей, эпицентром которого являлся гнев, начал утихать и растворяться вокруг при каждом следующем вдохе и выдохе. Весь мир покрыла сплошная чернота, скрывшая от Ромы абсолютно всех и оставив лишь его самого. Не было ни чёртовых карих глаз, ни испуганного лица матери, ни этой дурацкой, но так хорошо работающей улыбки. А значит, весь мир был лишь в его голове.

И вот оно. Началось.

Пальцы слегка сжали края тумбочки, а вены под рубашкой натянулись подобно канатам. Его звали Роман Арфеев, и он был хищником. Чёртовым хищником, рёва которого боялись все! Ни одному человеку не удалось обуздать его страхом, и он не позволит сделать это отцу. В этом человеке нет ничего, вообще ничего родного! И если он хочет разговаривать... что ж, добро пожаловать на бизнес-встречу! Но простите, дамы и господа, общение будет очень жёстким.

– Что это с ним, Оль?

Король, что проделал себе дорого сам. Мужчина, от общения с которым девушки таяли подобно льду на солнце. И разве мог он себе позволить стать жертвой в провонявшем мочой подъезде, стоя перед подонком, зубы которого видели зубную щётку только в эпоху динозавров? Мог он себе такое позволить? Спрятать клыки, когда ситуация требовала выпустить когти и пойти на врага? Конечно, не мог. Рома никогда не желал встречи с отцом, но раз тот сам пришёл в гости, на территорию Роминой семьи, то тогда получит по всем своим грёбанным заслугам. А их у него на целое пожизненное.

Глаза открылись с последним выдохом и тут же нашли в темноте очертания тумбочки. На неё легла большая тень, закрывающая лучи кухонного света, и тень эта шевелилась, ползла по крышке и чего-то выжидала. Перед тем, как Рома рассмеялся и повернулся к пришедшему подонку, последним, что он вспомнил, была серо-голубая медуза.

И её щупальца-струны, крепко сжимающие горло.

Как только они зашли обратно на кухню, Рома закрыл дверь, разбавив тишину резким щелчком. Нависшая над ними лампочка слегка потухла и снова засияла, будто подмигнув собравшейся здесь семье. Ночной ветер иногда заглядывал к ним через открытую форточку, но надолго не задерживался и улетал по своим ветреным делам. Стены стояли на месте, а потолок не пытался обнять пол, так что всё было хорошо.

Всё было просто замечательно.

Рома обратился к отцу и заговорил, зная, что за каждым его движением следит мама.

– Ну что, дорогой папочка? Ты хотел поговорить? Пожалуйста, – он указал на пустеющий стул рядом с чертовски бледной женщиной, – присаживайся. Ты же тут уже успел обустроиться, так ведь? Можешь не отвечать, уверен, что пока ты трахал мою маму, углядел все драгоценности в доме. – И когда отец открыл рот, чтобы возразить, Рома поднял указательный палец вверх и подошёл ближе. – Тшшш, сейчас мы обо всём поговорим. О тебе, обо мне, о нашей счастливой семье и о том, какого хрена ты делаешь в четыре часа утра у моей матери дома. Всё это обсудим. А сейчас, папочка, сядь, пока твои коленные чашечки при тебе. – Доброжелательная

улыбка играла под карими глазами, в то время как под другими губы сжались в тонкую белую линию. – Присядь, пожалуйста.

Отец так и сделал, на удивление молча. Его плечо коснулось женского, так что теперь они сидели вплотную друг к другу. Рома взял небольшой стул, передвинул его и сел спиной к двери, лицом к своим родителям, глаза которых продолжали изучать его. Он не обратил на это внимания, откинулся на спинку стула и расстегнул ещё одну пуговицу на рубашке.

– Объявляю переговоры открытыми! – Его кулак с такой силой опустился на стол, что вся посуда на нём задрезжала. – А теперь, дамы и господа, проша вас представиться!

– Ром, с тобой всё в порядке..?

– Со мной всё в порядке, мама! Я хочу, чтобы каждый из вас представился и рассказал о себе. Начнём с тебя. – Он посмотрел на сидящую рядышком женщину, которая когда-то давно могла сводить с ума всех мальчишек в школе своей красотой.

Она смущённо поправила волосы, видимо, вспомнив, что они у неё есть, и встала из-за стола, оперившись об него кончиками пальцев.

– Я твоя мама. Твоя мама... – Её язык заплетался, когда пытался что-то сказать, так что речь становилась невнятной. Но только не для Ромы. Он привык к образу жизни своей матери и научился различать слова даже сквозь акцент алкого-

ля. – Что ещё сказать? Я тебя люблю. Ну, – она пожалала плечами и села обратно за стол, – вот и всё. Ты и так всё знаешь.

– Хорошо, – теперь глаза Ромы вцепились в родного отца. – Твой черёд. Представься и расскажи о себе. Наверняка за двенадцать лет набралось много всего интересного, да? Расскажи нам.

– Не ты здесь главный, сынок. Не забывай...

– Представься! – Стол скрипнул от мощного удара кулаком, а ветер за окном жалобно застонал. Кухня ещё сильнее уменьшилась, но пусть продолжает в том же духе. Чтобы победить свои страхи, следует встретиться с ними лицом к лицу и посмотреть им в глаза.

Даже если они чертовски карие.

– Давай так, папуля, – Рома подался вперёд и сцепил ладони в замок. – Ты не будешь сейчас передо мной выпендриваться, показывая, какой ты крутой. Главный здесь я, ты ошибся. – Он наклонился ещё ближе. – Я главный везде, и тебе это известно, иначе ты бы сюда не приехал. Я чёртов Роман Арфеев! И если ты только позоришь эту фамилию, то я заставляю людей писать её дрожащими руками. Ты сейчас находишься в квартире, счета за которую оплачиваю я. Ты ели из посуды, которую купил тоже я. А значит, это моя территория и я здесь главный. Хочешь поспорить? Дверь прямо за мной. – Рома откинулся на спинку стула и тихо рассмеялся, глядя на пятна соусов на скатерти. – Но вот только ты не уйдёшь, так ведь? – Глаза отца и сына вновь встретились

друг с другом – такие разные, но безумно похожие. – Тебе это будет невыгодно. Я угадал, папочка? Конечно угадал, здесь всё и дураку понятно. Ты пришёл за чем-то, и я хочу услышать за чем именно. Вставай, представляйся и выкладывай все карты на стол. Надеюсь, разговор будет коротким.

После этих слов последовала небольшая пауза, тишину которой нарушил лишь скрипдвигающегося стула. Отец встал из-за стола и, подобно своей бывшей жене, упёрся в него кончиками пальцев.

– Меня зовут Алексей Арфеев, и я твой отец, Ром. – Его речь перебил краткий смешок, а продолжал мешать говорить воющий за окном ветер. – Я приехал сюда только по одной причине: я соскучился по своей семье!

– Охренеть! В рот меня! Он вспомнил, что у него есть семья! Аллилуйя! Мам, вот скажи честно, – Рома посмотрел на неё, и в глазах его не было ни капли злости. – Ты серьёзно поверила в эту чушь, которую он несёт?

– Он правда соскучился по нам и всё понял. Он изменился и теперь совсем другой. Он нас не обманывает.

– Ясно, мам, иди проспись. Тебе нужно отдохнуть и проветрить то, что осталось от мозгов.

– Ром, но я...

– Никаких возражений! – Ему пришлось слегка прикрикнуть на неё, но это себя окупило. Мгновенно наступило молчание, и уже через пару секунд захлопнулась дверь, оставив на кухне лишь двоих мужчин.

Отец, судя по всему, устал стоять и решил снова присесть, но теперь, когда рядом не было женщины, свет лампы отразился от чего-то нового в глубинах его зрачков – от растущей уверенности в себе.

– Теперь мы можем нормально поговорить. Это мужское дело, а ты, я погляжу, уже мужчина.

Рома смотрел на него с убивающим спокойствием. Долго смотрел. Очень долго. Где-то в воздухе жужжала невидимая муха, а подпевали ей хаотичные гудки проезжающих снаружи машин, смех пьяных подростков за окном и нескончаемый вой ветра. Где-то далеко, на грани слышимости перешёптывались друг с другом стены. Время от времени хихикали и пытались обратить на себя внимание крохотными сдвигами, но Рома продолжал выжимать взглядом своего отца и смог это сделать. Тот спрятал глаза и уставился на скатерть, с диким интересом рассматривая её поверхность. Вероятно, она была куда интереснее родного сына. Может, даже лучше, потому что не считала себя везде главной.

– Да, теперь мы можем нормально поговорить. Но это не мужское дело, а семейное. А ты, я погляжу, не из нашей семьи. Но раз уж ты, дорогой мой папуля, явился после двенадцати лет скитаний непонятно где и постоянной неуплаты алиментов, то тогда я тебя выслушаю. Конечно! Мне же делать больше нечего! Сейчас четыре часа утра, самое время слушать сказки! Ну давай, папуля, начинай! И начни, пожалуйста, с объяснения того, какого хрена ты бросил женщи-

ну одну с девятилетним ребёнком на руках, даже ничего не сказав.

– Хорошо, Ром, я объясню.

– Ну постарайся. Потому что если мне не понравится твоё объяснение – а я очень сомневаюсь, что оно мне понравится, – то твой приход сюда станет самой большой ошибкой в твоей жизни. И я не шучу. У тебя есть прекрасная возможность убедиться в этом самостоятельно. А теперь будь так добр – объясни мне причину своего ухода из семьи.

– Другая женщина.

Рома замер, не в силах выдать хоть слово. Его горло что-то мгновенно пережало и отрезало путь к воздуху. Эти два слова, произнесённые отцом, мигали ярким неонам внутри головы. *Другая женщина*. Другая, мать её, женщина. Другое тело, другая душа и другой секс. И как долго он переступал порог дома, лишь недавно трахнув свою любовницу? Как часто он перезванивал жене после того, как никому не нужный телефон звонил на тумбочке, пока совсем рядом скрипела кровать от двух пылающих тел? Сколько фальшивых слов любви он произнёс в их доме, думая про качающуюся грудь молоденькой девушки? Сколько всё это продолжалось? Сколько времени семейный очаг продолжал гореть тёплым огоньком, пока дом пропитывался враньём?

Рома сделал глубокий вдох. Выдох. Снова вдох. И очень медленный выдох. На улице какая-то девчонка крикнула: «ТРАХНИ МЕНЯ, ЛИЗА!», после чего громко засмеялась.

Этажом ниже залаяла собака, но тут же успокоилась после гулкового удара. Стены уже не стеснялись и всю делились секретами, стараясь быть друг к другу как можно ближе. Потолок хотел что-то сказать полу и вроде как потянулся к нему, но остановился, когда Рома произнёс:

– Ты трахал мою маму после измены?

И снова это дурацкое молчание. Смех пьяных подростков начал возрождать улёгшуюся бурю, имя которой – гнев. Секунда длилась за секундой, и когда за окном кто-то опять предложил кого-то поиметь, Рома повторил вопрос:

– Ты трахал мою маму после чёртовой измены? Да или нет?

– Да, – ответ громом ударил по голове, усилив спрятавшуюся в тени мигрень. Но он был честным, и хоть от этого факта на душе чуть отлегло.

– Как долго?

– Два года. А потом я собрал вещи и уехал, потому что уезжала она. Понимаешь, у неё были деньги, а нас не было, и я хотел...

– Где она? – Одни карие глаза вцепились в другие, не желая их отпускать. – Где она сейчас? Почему не с тобой? Или в подъезде нас ждёт, хочет познакомиться?

– Она... – волосатые пальцы теребили друг друга, и Рома вдруг понял, что отец его не потерял чувства к той самой женщине. Это было видно в бегающем по столу взгляде, в движениях руки и в нотках голоса, когда он вновь загово-

рил. – Её звали Алёна. У неё были такие кудряшки и...

– Мне насрать, как её звали и что у неё там было. Я хочу знать, где она. Почему не рядом с тобой, раз она лучше меня и мамы вместе взятых? Где эта красавица?

– В могиле она, доволен?! – Впервые за весь разговор отец начал кричать, но тут же успокоился, услышав собственный рёв. – Остановка дыхания из-за передозировки. Грёбаный опиум!

– Опиум?! – Рома даже не пытался скрыть удивление. Он был настолько поражён, что забыл о том факте, что перед ним сидел мужчина, двенадцать лет назад покинувший их семью. Последнее слово окунуло мир в яркие краски и сделало его чётче, как бывает, когда узнаёшь какую-нибудь шокирующую новость.

– Да, опиум. Она начала вводить его уже после того, как я попрощался с вами.

– Ты не прощался с нами.

– Ну...ты меня понял. Ещё эта долбанная анорексия! Я смотреть на неё не мог, не то что заниматься любовью! Только я прятал пакетики, как Алёна тут же превращалась в какую-то неадекватную! Она бы выдавила мне глаза, если бы я не отдал ей то, что нужно! Это ужасн...

На всю кухню разнёсся смех. Чертовски грустный, с привкусом горечи. Рома смотрел в потолок и смеялся, после чего, усмехнувшись, посмотрел в глаза человеку, яйца которому следовало оторвать ещё несколько лет назад.

– И на кого ты нас променял? Господи, ну ты и придурок!
Ушёл к наркоманке-анорексичке!

– Она стала такой потом.

– Мне насрать. Нас-рать. Ты даже алименты мне не платил, так что не нужно здесь никаких оправданий. Ты никогда не любил мою мать. Любящий не изменит, изменяющий не любит. Если бы ты по-настоящему любил её, то наслаждался только бы одним телом – моей мамы. В крайнем случае мог бы передёрнуть в туалете, но никак не изменять! – Рома со всей силы ударил по столу, заставив его застонать. Одна тарелка подскочила и сорвалась с края, со звоном упав на пол. Осколки разлетелись во все стороны, но ни один из мужчин этого не заметил – оба смотрели в глаза друг другу. – Как ты мог? И у тебя хватило наглости прийти в наш дом после этого? Мама хоть знает?

– Знает. Если мужчина уходит из семьи без объяснения причины, то это почти в ста процентах случаев из-за другой женщины. Да и тем более я ей уже всё рассказал.

– Охренеть! Вот это сюжетный поворот! То есть, ты пришёл к бывшей, брошенной тобою жене, рассказал, что пока вы жили вместе, ты время от времени потрахивал бабу на стороне, и теперь просишь вернуться? Вернуться обратно? В семью?

– Да.

Рома откинулся на спинку стула и, подняв голову, закрыл глаза. Мигрень потихоньку постукивала в правый глаз и гро-

зилась взвить адской болью, если в скором времени не принять болеутоляющее. Но в этой квартире не был подобных лекарств, потому что смешав их с алкоголем, можно было запросто отправиться на концерт Мэрилин Монро. Рома обошёл все ближайшие аптеки и договорился (почти во всех не бесплатно), чтобы этой женщине на фото не продавали лекарства исключительно по рецепту врача.

Но алкоголя дома было навалом, причём самого дешёвого и отвратного. От него головная боль, может, и потухнет, но следующий день гарантировано превратится в экскурсию по аду, где вы сможете испытать все прелести похмелья на своей раскалывающейся голове. Поэтому пришлось лишь сконцентрироваться на той пустоте, что ещё не была захвачена мигренью, и наслаждаться ею.

– Ром, ты уже взрослый парень, и я тебе расскажу то, что ты должен понять. – На слова отца никто не ответил, поэтому он продолжил: – У мужчины это заложено в природе. Его всегда будет тянуть на других женщин. С этим ничего не поделаешь, сынок. Одно тело, каким бы хорошим оно ни было, со временем приестся и надоест. Ром, пойми, у мужчины не могут одновременно работать две головы, только одн...

– Верхняя одежда есть?

– Чего?

– Верхняя одежда у тебя есть? Или ты так пойдёшь на улицу?

Отец немного помолчал, обдумывая услышанные слова.

– Да, в прихожей куртка висит, а что?

– Одевайся, мы идём на улицу.

Он хотел что-то ответить, но Рома уже встал, открыл дверь и вышел из кухни.

На его шее блестел пот.

10

Свежий воздух не смог прогнать мигрень, но хотя бы отодвинул на второй план. Стук в правый глаз усилился, и Рома буквально видел, как эта сучка бьёт своими костлявыми пальцами по внутренней стороне глаза.

С мигренью он был знаком с детства. Их танго длиною в жизнь началось ещё в детском саду, когда правая половина головы впервые начала изнывать от боли. То был приветственный звоночек пришедшей навсегда гости, заставившей воспитательниц с растерянностью смотреть на воющего мальчика, постоянно хватавшегося за покрасневший правый глаз. Мигрень сопровождала его в школе, и танцевала она в основном после стрессовых ситуаций, заканчивая представление тошнотой и рвотой.

Сначала Рома пытался бороться с ней, но понял, что от этого лишь становится хуже. В итоге он смирился со своей подругой, стараясь сократить её приходы до минимума. Она обожала алкоголь и аромат табака, и именно под них танго

становилось просто крышесносным. Похмелье было для неё настоящим поводом оторваться на всю катушку, но ближе к вечеру она успокаивалась и засыпала до нового звоночка, обозначающего, что можно снова потусить. Мигрень была той стервой, что выносила тебе мозг, хотел ты этого или нет, и лишь вовремя принятое обезболивающее могло успокоить её ненасытный пыл.

Однажды в детском саду воспитательницы дали всем задание нарисовать свой самый большой страх, уместив его в одного монстра. Этаким психологический приём, заключающийся в том, чтобы потом сжечь рисунок и тем самым избавиться от страха. Многие ребята нарисовали чудовищ, основанных на боязни темноты, высоты или образе какого-нибудь супер злодея из мультика. Некоторые нарисовали докторов в белых халатах с огромными иглами в обеих руках. Одна девочка изобразила своего отца, держащего губами свисающую сигарету и трясущего за волосы плачущую женщину. Воспитательнице было очень неловко отдавать этот рисунок тому, кто был на нём изображён, и, видимо, сделала она это зря, потому что та семья в садике больше не появлялась.

Но сильнее всего взрослых зацепил рисунок Ромы. Помимо таланта писателя, что он откроет в себе позже, в нём ещё сидел маленький художник, знающий своё дело. На белом листе бумаги был нарисован нависший над землёй силуэт, одетый в тёмно-фиолетовую мантию. Лицо скрывала

кромешная темнота капюшона, а одна из бледных рук сжимала длинную трость с косою. Её изгиб внушал ужас, потому что маленькому мальчику отлично удалось передать остроту лезвия с помощью света и тени.

Воспитательницы спросили, боится ли он смерти, но Рома отрицательно покачал головой и забрал рисунок. Он сказал, что это мигрень, и не показывает она своё лицо потому, что оно слишком уродливо.

Но оно оказалось не уродливым.

Позже, уже в средних классах школы, когда гормоны били в голову и совокупляться хотелось каждый день, Рома понял, что скрывается за тёмной мантией. Там таилась стройная девушка с идеальной, чертовски сексуальной фигурой. Лицо являлось эталоном красоты, но вся его поверхность была разукрашена «под череп» чёрной краской. Кожа на теле была пугающе бледной, но изгибы... изгибы этой дамы были потрясающими. И как бы соблазнительно она ни выглядела, как только ты подпускал её к себе, эта стерва вгрызалась в голову и не отцеплялась несколько часов, заставляя тебя танцевать вместе с ней на огне боли.

С тех пор такой её образ и укрепился в сознании Ромы, наверное, на всю жизнь. Мигрень – самая вредная сучка из всех, что есть на свете. Спросите об этом любого счастливого, кому повезло иметь с ней дело.

И сейчас она, судя по всему, хотела танцевать.

Её пыл слегка остудил прохладный ночной воздух и заста-

вил чуть потухнуть, прогоняя на второй план. Теперь вокруг не было никаких шепчущихся стен, а над головой простиралось светлеющее небо Петербурга. Они прогуливались уже более пятнадцати минут, отец что-то говорил и махал руками, но Рома его не слушал, а наслаждался порхающей вокруг свежестью. Лишь изредка им по пути попадались прохожие, что навело на мысль: четыре часа утра – самое лучшее время для маньяков-насильников в мегаполисе. Вон, например, идёт симпатичная девушка в очках. Одна. Что мешает изнасиловать её? Да ничего, кроме, разве что, возможно спрятанного в её сумочке ножичка. И зачем в такую рань она ходит одна? Ведь проще простого подойти к ней и...

– Ты меня вообще слушаешь?

– Нет. – Рома ответил честно, потому что лгать было больно. Для этого требовалось напрягать мозги, а сейчас они и так попали в тиски одной стервы, шутки с которой обычно заканчивались плачевно. – Я тебя не слушал и имею на это право. Если ты решишь спорить со мной, то я врежу тебе по зубам. Папочка – Он посмотрел на отца и улыбнулся, увидев то, что всегда замечал в глазах оппонентов на собеседованиях – мгновенную податливость. – Я хочу задать тебе лишь один вопрос. Вопрос, ответ на который мне очень интересен. Готов? Конечно, готов, зачем я спрашиваю? Так вот, – он слегка замедлил шаг, – после того, как ты впервые изменил маме, тебе было стыдно перед самим собой? Только говори честно, у меня чуйка на ложь.

– Ты даже не представляешь КАК, Ром. Я поэтому и начал пить. Не мог долго находиться в трезвом состоянии, потому что меня начинала грызть совесть. – На этом моменте Рома не сдержался и рассмеялся, на секунду сбив шаг. – Я... Я сказал что-то смешное?

– Господи, он ещё спрашивает! Ты лучше продолжай говорить, мне очень интересно слушать про угрызения твоей совести.

Какое-то время отец молчал, сверля взглядом сына, которого не видел двенадцать лет. Потом прокашлялся и всё же заговорил, но из слов его будто кто-то высосал всю энергию:

– Прости, но фигура у Алёны была в разы аппетитнее, чем у Наденьки, даже в лучшие её годы. И... понимаешь, здесь всё дело в инстинктах. Мужчину нельзя винить за измену, потому что так задумано природой. Он не моногамен, он должен оплодотворить как можно больше самок, а они, в свою очередь, родить и воспитать потомство. Это ты пока молодой и думаешь так, но потом поймёшь, что когда перед тобой женское тело, которое хочет к тебе, которое невероятно притягательно, тебя уже ничто не остановит. Тут уже ничто не поможет.

Рома перестал его слушать и снова сконцентрировался на мигрени. Уже было поздно для обезболивающего, но рановато для полного круга ада: постони, проблюйся, поспи, проблюйся, ещё раз постони, можешь отдохнуть и просыпайся с новыми силами прямо перед полуночью! Вот это да! Вот это,

мать его, веселье! А с учётом нынешних обстоятельств можно было завершить танго с мигренью только к полудню, что сбивало весь режим напрочь. Да и какой, к чёрту, режим? Тут вот какие гости, искавшие дорого в нашу студию аж целых двенадцать лет! Бог ты мой, да ещё с такими вестями! С такими чудесными, что хочется заткнуть себе уши и залить их кипятком, лишь бы не слышать тот поток дерьма, что льётся изо рта любимого папочки.

Но как бы то ни было, мигрень продолжала постукивать по правому глазу, время от времени давя на него своим потрясающим, мертвецки-бледным телом.

Рома посмотрел вперёд и увидел то, что и ожидал увидеть – поворот в узкий проём между зданиями справа от него. За то время, что он крутился в мире бизнеса, Рома уяснил очень простое правило: если можешь организовать переговоры на прогулке, делай именно так! Эта аксиома гласила, что при ходьбе человек более расслаблен, нежели в сидячем положении, когда тело скованно мыслями. Разговоры шли легче и, естественно, было намного проще манипулировать чужим мозгом. И именно умение убеждать делало простых бизнесменов великими бизнесменами. Никакой магии, мистер, лишь ловкость языка. Пара шагов по улицам, и вы уже согласились на наше предложение. Два стаканчика отменного кофе, и ваши акции уже наши акции. О, у вас отличный галстук! Как раз под цвет моего нового спорткара!

От этой мысли Рому пробрал смех и на этот раз куда силь-

нее, чем в прошлый. Отец тоже остановился и, тоже смеясь, продолжил говорить:

– Да, и я подумал, что это смешно! Так Алёна мне ещё и говорит: «Эй! Ты чего» Я не...»

– Да успокойся ты, я не над этим смеюсь. – Добив последние смешинки, Рома продолжил идти, но уже куда медленнее, чтобы оттянуть время до поворота. – Рассказывай, я слушаю.

И отец продолжил рассказывать, но он не слушал. Снова окунулся в свои мысли, ведь плавание в них ослабевало мигрень.

Прогулки сильно помогали в сделках и налаживанию контактов. А связи в нашем мире играют очень большую роль. Всем абсолютно плевать на твою задницу, но как только они узнают, что за этой задницей стоит ещё большая, серьёзная задница, тогда двери перед тобой начинают открываться сами по себе. И выжить в мире бизнеса можно было только отличной постройкой мостов между людьми. Пардон, между полезными людьми.

Но одна прогулка не являлась козырем в колоде. Ментальное доминирование – вот это настоящий зверь. Будь доброжелателен, но незаметно, совсем потихонечку устанавливай свои правила, чтобы не спугнуть жертву. Всё просто: иди чуть впереди, если нужно вправо, аккуратно дави в ту сторону и как можно больше широких касаний. Человеческая психология во всей своей красе, дамы и господа. Ниче-

ГО НОВОГО.

Поворот медленно приближался, а отец продолжал что-то там балаболить.

– У женщин всё немножечко по-другому, Ром. Ты, наверное, и сам уже знаешь. Они, как мужчины, не заводятся с пол-оборота. В этом то и прелесть, и беда нашего пола. Так что если изменил мужчина, то в этом виноваты его инстинкты, а если женщина...здесь уже виновата она, потому что в данном случае секс исходит от любви. А это уже осознанный выбор.

Вот он – поворот.

Рома резко остановился и толкнул в проём отца. Уже через секунду оба они оказались в тени узкого коридора из стен, и слава богу за то, что рядом никого не было. Отец еле-еле удержался на ногах и вытаращился на сына, не скрывая искреннее удивление в широко раскрытых глазах.

Когда он попытался что-то сказать, Рома схватил его за грудки и прижал к стене. Мышцы под рубашкой разом напряглись. Ему хотелось как можно скорее покончить со всем этим, чтобы побыстрее станцевать с мигренью и забыть о ней как о страшном сне.

– А теперь буду говорить я и только я. Надеюсь, ты уже понял, что я не прогуляться с тобой вышел.

– Ром, что ты...

В ту же секунду он ударил отца под дых, заставив того согнуться пополам. Не совсем пополам – настолько, насколько

позволяло пузо. Его слова застряли в горле, а рот беззвучно шевелился, пытаясь втянуть внутрь воздух. И когда ему это всё-таки удалось, Рома сжал плечи отца и снова прижал к стене.

– Я сказал, что говорю я. Если тебе дорого твоё тело, то не перебивай меня. Я бы, может, обошёлся с тобой полегче, если бы не тот бред, который ты сейчас нёс. Запомни раз и навсегда, – он наклонился ещё ближе, и теперь они стояли чуть не вплотную друг к другу, – если ты трахнул какую-то женщину, когда у тебя есть своя, ты виноват. И мне абсолютно насрать на твои инстинкты. На них ссылаются только те, кто не может признать того факта, что его яйца живут собственной жизнью. И о какой семье ты может идти речь, когда ты ей можешь изменять, а она тебе – нет?

Ответом на вопрос послужила тишина. Две пары карих глаз смотрели друг на друга, скрытые в тенях нависших домов. Дыхание отца более-менее восстанавливалось, помог ему в этом прохладный ветерок, насыщающий лёгкие свежим воздухом. Тишина длилась не более минуты, но за это время Рома будто бы успел заглянуть внутрь отца и отвернуться от того, что увидел.

– Я заметил, у нас у обоих карие глаза. Схожие черты лица. Но знаешь, что нас уж точно различает? Знаешь? Я никогда не изменю своей любимой. Никогда. И плевал я на твои сраные инстинкты! Всё исходит вот отсюда, – он постучал пальцем по своей голове. – И если тебе хватит смелости, то

ты признаешь, что какая из двух голов сейчас будет работать, зависит от тебя. Ну а ты сделал свой выбор. И только попробуй мне что-то рассказать про инстинкты. Я тебе разрешаю засунуть их себе в жопу.

Ладони отпустили плечи и перестали вжимать в стену. Рома развернулся и поднял голову вверх, обратившись к небу. Напасть со спины отец не мог, так как был слишком трусливым даже для этого. Где-то далеко с оглушительным рёвом пронеслась машина. Повисшая над миром луна равнодушно смотрела на Рому, но тем не менее ласкала его кожу холодными лучами. Немного постояв так, наслаждаясь последним часом перед сумасшедшим танцем, он вновь повернулся к человеку, мозги которого находились в неуправляемой мошонке.

– Я поражаюсь тебе. Честно. За всё время нашего длинного разговора ты не упомянул о том, как избивал маму. Я специально этого не говорил и думал: «Когда же он сам об этом вспомнит?» А забыть такое очень трудно, поверь. Очень. Трудно.

Теперь глаза отца были насквозь пропитаны страхом и находились в постоянном движении, будто искали какой-нибудь выход. Хорошо. Просто замечательно. Страх – лучший инструмент для манипуляции. На нём можно играть такие композиции, которые в обычном состоянии человек бы никогда не исполнил.

– Знаешь, что такое клаустрофобия? Это когда стены ка-

жутся тебе то слишком огромными, то слишком маленькими, то ты какой-то не такой, то ли это стены вокруг разговаривают. В общем, сплошное веселье.

– А причём здесь...

– Причём здесь клаустрофобия? Ооо, папочка, да ты ещё тупее, чем я думал. А может, просто не помнишь. Ты же бил маму исключительно пьяным, то есть после Великой измены. А помнишь, что ты со мной в это время делал? – Рома вжал его в стену и надавил кулаками на грудь, вцепившись в края куртки. – Ты запирал меня в грёбанном шкафу. В грёбанном, мать его, шкафу!

Он со всей силы ударил отца по лицу, откинув того на пару шагов в сторону. И когда он попытался начать бежать, Рома врезал ногой по колену и тут же услышал, как оно со стуком упало на землю. Не теряя ни секунды, он схватился за воротник куртки и резко дернул на себя. Грязное тельце мигом повалилось на землю. На толстые руки опустились колени, давя на них всей силой. Отец жалобно застонал, но после ещё одного удара в лицо заткнулся, и только хныканье доносилось сквозь текущую по лицу кровь. Рома навис над ним подобно коршуну, пока ветер играл с его волосами и сильнее прижимал к телу мокрую рубашку.

– Знаешь, каково это – сидеть в тесном шкафу и слышать, как твоя мама кричит?! Слышать, как родной отец её бьёт, бьёт и бьёт! – Спокойствие разом улетучилось. Теперь Рома не скрывал гнев, нет, он выплёскивался в ревушем голосе,

в пылающих кулаках и затмевал собой мигрень. Бизнесмен исчез с первым ударом, и сейчас его место занимал человек, полный ненависти и злобы.

Сын, отца которого можно считать Сатаной.

– Ты не только изменил маме. Ты сломал ей жизнь! И вернуться в нашу семью я тебе не позволю. Что? Увидел, как Ромочка зарабатывает, и решил, что всё прокатит? Хрена с два! – Он схватился за его горло и со всей силы сжал. Пальцы вдавились в натянутую кожу, а большие давили на твёрдый кадык. Руки под коленями дико затряслись, но не смогли высвободиться. – Почувствуй, что такое безысходность! Почувствуй это, скотина! Слышишь, как разговаривают стены? Будто вот-вот упадут на тебя. Приятно, да? В шкафу было так же! Я задыхался и думал, что умираю! Но вот только я выжил.

Он со всей силы вогнал кулак в лицо и с удовольствием услышал хруст костей. Из сломанного носа показалась кровь, но скапливалась она вся внутри, заставляя отца сквозь плач умолять Рому встать с колен.

Да, папочка, умоляй. Умоляй, пока не сдохнешь, и насладишься адом. Тебе приготовлен отдельный котёл.

– Чтоб ноги твоей больше в нашем дом не было. Если подкараулишь где-нибудь маму, если хоть один из оставшихся на её голове волос упадёт по твоей вине, я доведу дело до конца и задушю тебя. Но перед этим... – Луна подчеркнула его улыбку. – Перед этим я скормлю тебе твои же яйца, и ты

их сожрёшь, не сомневайся. Узнаешь, каково на вкус то, чем ты, сука, так умело распоряжаешься.

Под его ногами был уже не отец, а корчащееся в истерике существо, разум которого летал где-то в космосе. Рот издавал какие-то непонятные звуки, что-то выкрикивал, Рома слышал слабое бульканье в районе горла и эти ужасные всхлипы. И да... Чёрт возьми, да! Он наслаждался этим! Наслаждался тем, как не может вытечь кровь из разбитого носа отца. Наслаждался тем, как давил на его колени, ощущая ими спрятанные под жиром кости. Кайфовал от этих рыданий, от этих прищуренных глаз и свежего ночного воздуха. Да, воздух был просто отличным!

– Наш дом – это наш дом. И если хочешь остаться в живых, лучше вообще проваливай с города. Подонок! – Рома расквасил ему нижнюю губу и со следующим ударом сломал челюсть. Он уже не мог остановиться и бил по кровавой маске, пока не заболели костяшки. Тяжело дыша, он упёрся руками в края куртки. – Это было за меня. А вот это за Настю. – Его кулак врезался в левый глаз отца и тут же оставил свой след. Половина лица раздулась как мыльный пузырь.

Как чёртов мыльный пузырь.

Толстое тельце продолжало стонать, но уже намного тише, будто вместе с кровью из него вытекала жизнь. Судорожные всхлипы отдавались в голове приятной мелодией и были самым лучшим лекарством от мигрени. Лучше всех обезболивающих и болеутоляющих. Эти рыдания – волшебная музы-

ка для ушей, и Рома бы дальше продолжал слушать её и превращать чужое лицо в фарш, если бы совсем рядом не заорала сирена. В ста метрах от них проехала «скорая» и укатила дальше, водители даже не взглянули в сторону узкого переулка. На секунду синий маячок осветил тёмный коридор из стен и окрасил кровь в чёрный, так что лицо отца превратилось в жуткую маску смерти, полную боли и ужаса. Увидев это, Рома разжал кулак, после чего медленно поднялся с тела.

Когда он уходил, никто ему в след ничего не кричал и даже не попытался окликнуть. За спиной раздавались лишь жалобные стоны и частые сплёвывания, заканчивающиеся всхлипом. И тем не менее Рома вернулся. Посмотрев в единственный не заплывший глаз, он сказал:

– А это за маму. – И со всей силы наступил на пах, услышав дикий вой внизу. И когда отец попытался ухватиться за его ногу, он ударил ей по виску, прекратив все звуки.

На этом всё и закончилось. Жив ли был отец или от последнего удара отправился к Алёне, Рома не знал. Впрочем, ему было всё равно. Он закатал рукава рубашки, чтобы хоть как-то скрыть кровь на белой ткани, и отправился домой, чувствуя внутри что-то...

...что-то похожее на радость.

Он снял рубашку, вытер об неё костяшки и бросил в мусорное ведро на улице.

Домой добрался с голым торсом, чувствуя, как холодный ветер вонзает в него тысячи маленьких иголок. Но ему было плевать на это. Он начал танец с мигренью, и за это время она уже успела несколько раз больно наступить ему на ноги.

Я не доживу до дома, если не приму сейчас обезболивающее.

Рома не помнил, как зашёл в аптеку и попросил таблетку от головной боли. Не помнил, как девушка в очереди предложила дать свою. Помнил лишь её озабоченный взгляд и слова, похожие на «Вам надо выспаться». Уже через минуту его встретила улица и эти звуки. Эти безумно громкие звуки и слишком яркий свет.

Он кое-как добрался до дома, смотря лишь себе под ноги. Потому что поднять голову вверх означало ослепить себя и усилить чёртову мигрень. Она скинула капюшон, и теперь Рома видел её обманчиво-красивое лицо. Острые скулы, пухлые губы, но всё мертвецки-бледное. Кожа была холстом для готического художника, так что лицо мигрени превратилось в череп, а чистые белые глаза ярко выделялись на фоне чёрной краски вокруг них. Теперь она не стеснялась и прилегала к глазу всем телом, колотя по нему маленьки-

ми кулачками. Голову застилал густой туман, поэтому мысли путались, зацепляясь одна за другую.

Танец продолжался и переходил к самой главной части.

Как только Рома зашёл в квартиру, его встретила что-то кричащая мама, но, промчавшись мимо неё, он влетел в туалет и встал на колени. Ужин отправился в увлекательное путешествие по канализации Петербурга. Поздравив его с этим, Рома поднялся, смыл всё добро и открыл дверь.

– Где Лёша?

На него смотрели два заплаканных глаза, один из которых постоянно подёргивался. Казалось, кто-то взял изуродованное морщинами лицо его матери и досуха выжал. Опустил её груди до живота, что в своё время были, несомненно, упругими. Перед ним стояла женщина, разрушающая себя сама, и от этого становилось невероятно грустно. Рома видел фотографии молодой мамы и даже мог бы в неё влюбиться, родись он пораньше. Но то, что она с собой сделала... Дети не должны такого видеть.

И всё же он ответил:

– Я с ним поговорил и сказал, чтобы не возвращался сюда. Думаю, он меня понял, так что теперь мы его больше не увидим.

И вот здесь началась часть, которую многие мужчины называют «Стой и терпи». Как только последнее слово сорвалось с Роминых губ, мать набросилась на него и стала колотить. Что-то кричала сквозь слёзы и давала пощёчины, но он

простоя стоял, позволяя ей выпустить на себе пар. Она ведь даже не спросила, где его рубашка или почему он с голым торсом? А сразу же: «Где Лёша?» Где грёбанный Лёша? Не «как ты себя чувствуешь, сыночек? Тебе плохо?», а «Где Лёша?» Хочешь знать, мамуль? Твой бывший муженёк сейчас валяется на улице и жалобно стонет, тело его, конечно, никто не подобрал. А твой сын, который сделал для тебя больше, чем этот мандаед, получает сейчас пощёчины и терпит удары. Если бы ты ещё не кидалась слюнями, когда кричишь, мамочка, было бы вообще замечательно.

Через какое-то время она успокоилась и ушла к себе в комнату, проклиная Рому за ужасный характер. С женщинами всегда так, в любых отношениях: если будешь к ней слишком холоден, в итоге остынет она сама и оставит тебя в покое, уйдя как можно дальше. Это правило работает безотказно, но только не с мигренью.

Эта сучка обожала танцевать.

Но сейчас этот танец подходил к концу, боль ослабевала, Рома ещё раз поблагодарил ту девушку, которая дала ему таблетку. Наверное, именно на таких людях мир всё ещё держится – добрых и отзывчивых. Если тебе плохо, они помогут при первой же возможности, пусть и не в угоду себе. Их сила заключается не в мышцах или власти, а в доброте. В бескорыстной доброте, которой удивляешься в нашем мире как какой-то редкости. Но многие люди предпочитали не замечать её, а называть злом. Вышвыривание отца – мерзавца из

дома – не зло, мамуль. Это самое настоящее добро, надеюсь, ты когда-нибудь это поймёшь.

Рома зашёл в ванную, плеснул в лицо холодной воды. Пару минут постоял перед зеркалом, вглядываясь в отражение своего лица, после чего смыл с костяшек оставшуюся кровь – мама её даже не заметила – и покинул квартиру.

12

Часы показывали пять утра, Петербург встречал рассвет, а Рома ел колбасу.

Голод был привычным последствием мигрени, так что всё, находившееся в холодильнике, тут же отправилось на стол. К счастью, танец закончился, и теперь лишь слабое эхо головной боли затухало где-то внутри. Скоро многие начнут просыпаться, выключать проклятый будильник, собираться на работу и поедут зарабатывать деньги. Но сейчас они спали, а Рома ел колбасу.

Он снимал небольшую квартирку, в которой ночевал два-три раза в неделю. Его мать была той ещё занозой в заднице, но была занозой любимой, поэтому он за ней время от времени приглядывал. Ему не хватало решимости оставить все счета на её заботу, поэтому и оплачивал их сам, потому что мог себе это позволить. Чёрт, да он мог позволить себе почти всё что угодно! Любое блюдо в ресторане, любую квартиру в

городе и любую улыбку официантки! Но вот только перевоспитать маму ему никак не удавалось, сколько бы попыток не было предпринято. Если у человека нет желания меняться, он так и останется бултыхающимся куском дерьма, как бы ты его не тянул вверх.

Это закон... пусть будет природы. Да, это закон природы. Если кто-то падает и хочет удариться об дно, не мешай ему. Иначе ударишься сам.

Рома закусил колбасу хлебом и закрыл глаза.

Справа монотонно жужжал холодильник, и жужжание это на фоне тишины выворачивало наизнанку. Оно навевало чувство одиночества и пустоты. Даже стены замолчали, наконец заткнулись уступив место молчанию. Самое паршивое, самое гадкое, что можно чувствовать, сидя у себя дома, так это одиночество. Лишь собственное дыхание отзывалось в голове, весь мир продолжал молчать, будто специально отвернулся от Ромы. Да, от него отвернулись все. Начинаем загигать пальцы: Настя, любовь всей его жизни; отец, едрить его в жопу; мать, не различающая добро и зло. Один Женя всё ещё был на его стороне, но они с Ромой пока не были довольно близкими друзьями, поэтому да, дамы и господа, весь мир повернулся к нам огромной такой задницей. И что мы можем сделать в ответ? Ну?

Да ничего. Мы просто хотим любви. Вот и всё.

Рома открыл глаза и застонал. Прижался лбом к столу и позволил себе заплакать. Как же сейчас не хватало Насти!

Как он хотел вновь обнять её, прижаться к её коже и поцеловать такие знакомые губы! Как он хотел просто слушать, как она что-то ему говорит и говорит, то и дело смеясь и отвлекаясь от темы. Настя... такая Настя... Она была для него чуть ли не всем, и понял это Рома только тогда, когда остался один, с колбасой в одной руке и куском хлеба – в другой. Он не умел готовить от слова «совсем». Предел его кулинарных способностей – сварить пельмени, и то облив себя пару раз кипятком и получив в итоге какую-то кашу. Но вот Настя... Она могла бы стать шеф-поваром мирового класса, если бы захотела.

Как только Рома подумал об этом, улыбка проскочила на его лице, прямо под текущими ручейками слёз.

Настя готовила бесподобно. В её блюдах чувствовались некая теплота и что-то такое, что отличало от всех этих шедевров в ресторанах. Кухня была для неё мастерской, а различные ножи, сковородки, кастрюли и ещё бог знает что – инструментами. И с помощью этих самых инструментов создавалось то, отчего сердце сразу улетало к серо-голубым глазам. Она знала все тонкости готовки; никогда не забывала, что Рома любит, а что не любит, и никогда не разочаровывала завтраком, обедом или ужином. Конечно, они ещё не жили вместе, но дни, проведённые рядом, можно было обождать хотя бы за вкусную еду. Сколько бы не решалось споров, неизменным всегда будет одно: если женщина хорошо готовит, у неё уже есть один козырь в рукаве.

Настя казалась Роме ещё сексуальнее на кухне. Особенно с утра. Особенно в его рубашке. Её упругие ягодицы всегда выглядывали из-под белой ткани и притягивали своими формами, своими изгибами. И только один мог их коснуться, мог снять эту рубашку и насладиться тем телом, что бесконечно любил. Солнечные лучи всегда подчёркивали красоту Насти, отражались бликами в её серо-голубых глазах и освещали до боли приятную улыбку, после которой обычно следовал поцелуй.

Рома застонал громче и схватился за края стола.

Иногда она хрюкала, когда смеялась. Иногда била его ногами во сне и всё время перетягивала на себя одеяло, так что холодные ночи становились ещё холоднее. Она любила лезть целоваться по утрам, зная, что из её нечищеного рта воняет так, будто там кто-то умер. Обожала кричать «Я МОНСТР!!!» после того, как смывала с себя всю косметику. Ей были чужды притворства и вечные маски – Настя всегда поражала искренностью и честностью. Говорила то, что думала. Делала так, как считала нужным. И пусть порою это подбешивало, оно не могло не вызывать уважения. Эта девчонка способна постоять за себя, и силе воли её можно только позавидовать.

Но лишь с Ромой она могла быть слабой и полностью открытой. Лишь с Ромой она не стеснялась хрюкать и пукать, смеясь над этим вместе с ним.

Как же сейчас он хотел оказаться рядом с ней! Прижать

к себе и поцеловать макушку, глядя по спине и наслаждаясь моментом! Наплевать на все ссоры! Они окупят их страстным поцелуем и заключать друг друга в объятия, слыша биение двух сердец! Какая же это всё-таки была хрень! Долбанная хрень! Не прошли одни прослушивания, пройдем другие, но мы должны держаться вместе! Должны! Господи, Насть, надеюсь, ты сейчас спишь, потому что я заснуть не могу. Мне нужна ты. Нужна твоя улыбка и твой смех. Нужен твой шёпот у самого уха, говорящий, что всё будет хорошо, и я поверю ему. Поверю тебе. Потому что только рядом с тобой, Рапунцель, я могу быть слабым. Прости, ладно? Прости за футболку и за то, что всё испортил. Я люблю тебя, ты знаешь. Безумно люблю. И я...я...держусь только благодаря тебе. Если б не твоя поддержка, я бы давно сломался. Это правда. Самая чистая, мать её, правда. Ты моя опора. И всегда ей была. Забавно, да? Мы ведь по-настоящему начинаем ценить чувства, когда они возвращаются к нам без ответа. Я например, только сейчас понял, каким вкусным шампунем ты моешь волосы. Как сильно ты, оказывается, заморачиваешься насчёт волос на руках и ногах и как больно они колются, когда ты забываешь их уничтожить. Это всё детали, но ведь именно в них и кроется настоящая красота, правда?

«Правда», – ответила бы ты и улыбнулась мне своей тёплой улыбкой. Я больше не буду ругаться по поводу того, что из-за твоего крема пачкается постель. Больше не буду ворчать как старикашка, когда мы уже не один час таскаемся по

магазинам одежды. Я буду любить тебя ещё сильнее, Рапунцель, обещаю. Я вновь сделаю тебя счастливой, только, пожалуйста, будь со мной рядом. Просто будь рядышком, и всё у нас будет хорошо.

Правда?

Правда ведь?

Солнышко?

Где ты?

– Она здесь, – ответили стены, после чего Рома выбежал из квартиры.

13

Он хотел быть к ней как можно ближе, прижаться к её телу и провести губами по шее, но сначала просто обнять и долго-долго вот так стоять, пока мир не расколется надвое и не разъединит их. Хотя, даже в таком случае они будут держаться друг за друга.

Вариант поехать к Насте отпал сразу, потому что Рома не хотел тревожить её сон. Пусть отдохнёт и остынет. Его появление могло лишь породить новый скандал и прямо с самого утра. Да, Рома накосячил, но пусть от этого Настин день не начнётся плохо. Она заслужила спокойное утро, хотя что-то подсказывало, что её будет донимать за завтраком грусть, а вместе с кофе она выпьет странную тоску по чему-то про-

изошедшему.

Но пусть Рома и не мог к ней приехать, он знал один верный способ, как оказаться рядом, даже если твоя любовь на другом конце планеты, хоть во Владивостоке.

Выйдя из дома, он тут же отправился в канцелярский магазин, купил пару ручек и небольшой блокнот (специально взял чёрный, потому что тот голубой просто сводил с ума), прогулялся пешком до ближайшего парка и, найдя укрытую листвою деревьев скамейку, уселся на ней.

Фонари освещали всё вокруг холодным сиянием, рядом почти никого не было, лишь одна парочка влюблённых, постоянно хихикая, гуляла по парку. За спиной то и дело проезжали машины, изредка слышались выкрики жителей из домов, но на всё это было плевать. Абсолютно плевать. Рома стал равнодушен ко всем звукам, закрыл глаза, подумал о Насте. О голой спине, по которой ластились её молочно-шоколадные волосы. О пухленьких губах, которые всё время трескались на морозе, и только гигиеническая помада могла спасти их. О первом сексе – таком постыдном и ужасном, что Рома с радостью бы удалил его из своей памяти. Но тем не менее, когда он вспомнил его, на лице заиграла искренняя улыбка. Это были их совместные воспоминания, фрагменты самых счастливых минут, и каким же даром обладали люди, раз могли переживать самые лучшие моменты жизни раз за разом, прокручивая их у себя в голове!

Рома тихо засмеялся, открыл глаза, раскрыл блокнот и на-

чал писать.

14

Закончил он лишь тогда, когда солнце вовсю сияло в безоблачном небе, а по парку начали бегать утренние спортсмены, с такими бодрыми и счастливыми лицами, будто они по-настоящему радовались жизни. Рома пребывал где-то в другом месте, в пропасти между реальностью и сном. Век налились свинцом, и какой-то чёрт постоянно гудел в его голове, мешая нормально думать. Буквы на страницах напились и весело скакали по клеточкам; некоторые – держась друг за дружку, некоторые – поссорившись и разъединившись. Тело стало непослушным, будто игнорировало все импульсы мозга, но всё же Рома кое-как смог закрыть блокнот, даже не взглянув на написанное. С хрустом в коленях он встал и подумал: «О нет! Люди, спасайтесь! Сегодня утром в парке Петербурга ожила мумия! Она очень голодна и хочет спать, так что запирайте свои двери и никого к ним не подпускайте!»

Дав себе пощёчину, мумия поплелась домой.

Через пару минут в кармане задребезжал телефон, и Рома тут же достал его, чуть не выронив на асфальт. На дисплее широко улыбалась молодая темноволосая девушка в очках, одетая в шикарное красное платье с глубоким декольте. Благо, этой даме было что показать, и именно поэтому она так

успешно взбиралась по карьерной лестнице, используя два своих козыря на всех собеседованиях. И к тому же, она была чертовски умной и находчивой, что побудило Рому взять её к себе секретаршей.

На самом верху экрана красовалась надпись **МАРИЯ**.

– Да, Мария, привет.

– Доброе утро, босс. – А ещё у неё был безумно приятный голос, граничащий с непристойно сексуальным. – Мне только что звонил Женя, сказал, что вы ему дали на сегодня выходной и перевели его обязанности на меня. Это правда?

– Да, самая настоящая правда. Хочешь, я тебя обрадую, моя любимая секретарша с аппетитными бёдрами?

На другом конце связи повисло молчание, из динамиков телефона доносился лишь звук работающей кофемашины. Рома сразу же узнал его и понял, что его любимая секретарша с аппетитными бёдрами уже в офисе, готовая приступить к работе и продолжить зарабатывать деньги.

– Давайте, обрадуйте меня.

– Сегодня ты самая большая шишка из всех шишек нашей маленькой компании. Я появлюсь только завтра. Мне нужен отдых, сон, отдых и ещё раз сон. Запомни то, что я сейчас скажу. Не подписывай никакие документы, не назначай никакие встречи и никаких самостоятельных действий от лица компании. Все серьёзные вопросы – мне на почту, мемчики можешь туда же кидать. К завтрашнему утру должен быть отчёт за сегодняшний день. Всё, я на суточную пенсию, меня

не отвлекать.

– Поняла, босс. Поправляйтесь, если вы заболели.

– Я заболел четыре года назад, когда впервые поцеловал Настю. И заболел, похоже, смертельно. До самого гроба. – Блокнот с ручкой выскользнули из-под руки и упали на землю. Еле нагнувшись, Рома поднял их и продолжил идти дальше. – Ладно, Мария, сегодня миром править ты, так что давай аккуратнее. К вечеру преврати нашу компанию в мирового гиганта.

– Хорошо, босс, будет сделано. – Она улыбалась, а понять это можно было по ноткам радости в её голосе. – Отдохните и наберитесь сил.

– Спасибо. Продуктивного дня, начальник.

Звонок завершился, и вместе с тем на лице Ромы пропала улыбка. Добравшись до дома и зайдя в квартиру, он, не раздевшись, плюхнулся на кровать и мгновенно заснул.

Ему снилась серо-голубая медуза.

Часть 2

Улыбка солнца

1

Следующие три дня прошли вполне спокойно.

Первый ушёл на сон, отдых и старую подружку-прокрастинацию. Хоть Рома и был достаточно самодисциплинирован, в этот день он чувствовал себя тюленем. Тюленем, ничего не желающим и валяющимся на диване. Единственные прогулки вели до холодильника и обратно в комнату, которая превратилась в свинарник. На полу валялись обёртки от батончиков, разноцветные фантики и пустые бутылки. Полнейшее безделье – вот что заполнило первый день после Великой ночи. И от него Рома устал намного больше, чем от какой-либо работы. К вечеру он был полностью выжат, и казалось, если в него врежется муха, то просто сшибёт с ног. Сметая с постели крошки и ложась спать, он поклялся себе, что больше ни один день в его жизни не будет похож на этот. Лучше уж быть убитым от работы, чем попросту потерять день, эти важные 24 часа.

На следующее же утро свинарник улетучился магией

швабр и, конечно же, хорошей музыки на фоне. Хотя мысли Ромы и витали где-то в облаках, тело его двигалось под музыку, а невидимое жюри аплодировало ему, поражаясь таким подготовленным номером. И как только уборка закончилась, Рома вышел из квартиры и поехал к своей настоящей, но перед этим заглянул к матери. Он нашёл её спящей на спине прямо посередине двуспальной кровати и перевернул её на бок, чтобы дорогая мама, в случае чего, не подавилась собственной блевотиной.

Ближе к полудню ему уже улыбались подчинённые на работе: некоторые – искренне, некоторые – нет. Шире всех улыбка была именно у Марии, но чтобы смотреть ей в лицо, приходилось прикладывать немалые усилия. Верхние три пуговицы её рубашки расстегнулись, и Рома мог поставить хоть всё своё состояние на то, что половина (если не большая часть) мужчин в офисе мечтает расстегнуть все эти пуговицы. Мария была отличной секретаршей, но также не переставала радовать глаз.

Мысли о Насте, об отце и о матери, об этой сучке Эльвире и о дрейфующих в океане медузах пытались проникнуть в голову, но их вытесняли различные звонки, просмотры бумаг, выслушивания проблем коллег (почему-то большинство подчинённых решило, что их босс – неплохой психолог) и речи перед коллективом. В какой раз Рома убедился, что самое простое и самое эффективное лекарство для мозга – это работа.

Причём чертовски любимая.

Третий день ничем не отличался от второго, разве что бёдра Марии показались ему более привлекательными, чем обычно. Но Рома сбил эти мысли, войдя к себе в кабинет и усевшись в кресло. В крайнем случае можно дотерпеть до дома, захватить телефон, салфетки и угомонить в себе нарастающий пыл.

Именно так он и поступил, вернувшись в свою любимую квартиру, кинув отчёты на диван и опять проклиная одиночество. Оргазм не доставил ему никакого удовольствия, и после душа Рома ещё больше захотел умереть, прямо сейчас, на этом полу. Он достал хранившееся на лоджии виски. Шотландский, двенадцать лет выдержки. Ждал часа блеснуть, какого-то особенного события. Внезапное горе. Чем не особое событие? Горе по кому? По Насте. Чёрт, нет – по отношениям с Настей. Тёплым, радостным и всегда счастливым.

Рома открыл бутылку и, схватившись за горлышко, сказал пустой комнате:

– За тебя.

Всю ночь он танцевал с мигренью.

2

Прошло три дня, прошло три ночи, а ему до сих пор снилась серо-голубая медуза.

С каждой ночью она становилась сильнее и продвигалась всё дальше. Как бы Рома не пытался ухватиться за е щупальца, они продолжали сжимать его шею, выдавливать глаза и заползать в нос, рот, уши и пустые глазные яблоки. Когда Рома пытался ударить эту суку ногами, она вцеплялась в них и по одному начинала отрывать пальцы, обвивая каждый острыми струнами. С текущими по щекам глазами он всё равно мог видеть, как вода вокруг окрашивается кровью, и кричал от боли, но от этого щупальца только глубже проникали в лёгкие и резали их изнутри. Но самым болезненным было серо-голубое сияние, обжигающее кожу даже под водой. Оно заживо сжигало кожу и только когда добиралось до костей, Рома просыпался.

Так он и проснулся воскресным утром 12 июля 2020 года. В холодном поту и со слезами на глазах, чувствуя необузданный страх. Тело неохотно подчинялось, будто кто-то пристегнул его к кровати. Рука прошлась по воздуху и упала на простынь, не нащупав ни чужие волосы, ни изгибы чужой спины, и даже одеяло всё ещё было на нём.

Чёртово одиночество.

Рома кое-как встал, и как только его ступни коснулись пола, почувствовал неприятное гудение в голове. Не мигрень, нет. Слава богу, не она. Просто обычная головная боль, которой могут радоваться люди, танцующие с одной бледной сучкой в капюшоне. Но всё равно она была неприятной, а с утра и вовсе противной, убивающей всякое желание про-

жить этот день.

Ноги поплелись на кухню и остановились у стола, на котором стояла наполовину пустая бутылка из-под виски. Рома посмотрел на неё, на эту оранжевую жидкость, что могла заглушить боль в голове, взял рюмку и заполнил её. Пальцы сомкнулись на стекле, но рука не поднялась, оставшаяся прибитой к столу. Карие глаза широко раскрылись, а челюсть отвисла, прибавив в весе пару тонн.

На кухне у окна стояла Настя.

Она сидела на подоконнике, положив руки на болтающиеся ноги. На ней была надета Ромина красная клетчатая рубашка, не застёгнутая ни на одну пуговицу. Следующим элементом одежды были лишь простые розовые стринги, и то их скрывал низ рубашки, заканчивающийся у самых бёдер. Свет утренних лучей подчёркивал красоту распущенных молочно-шоколадных волос, укрывающих собой плечи. Выпирающие ключицы нагло выглядывали, а губы разъединились друг от друга, слегка приоткрывшись.

И да...эти чёртовы серо-голубые глаза. Они смотрели на него, и с каждой секундой, проходящей под этим взглядом, Роме всё больше казалось, что сейчас по его шее что-то ползёт и гибкие струны сожмут горло, как это делали всегда беспокойными ночами.

Но Настя только смотрела на него, ничего не говоря. Её плечи были поданы вперёд, так что груди ничто не скрывало. Рубашка свободно болталась на ней как на вешалке, но тем

не менее Настя выглядела прекрасно. Будем честны, она выглядела великолепно. Вся истинная женская красота появляется только утром, когда макияж ещё не успел укрыть лицо, волосы распущены веником, а голос после сна такой приятный и бархатный, так и ласкающий уши. Подобная красота – красота естественности – могла предстать только перед семьёй и теми, кому ты доверяешь. И если человек заметил в твоём опухшем ото сна лице красоту, значит, выбор сделан правильно.

И Настя была сейчас в таком виде. Единственное, что выбивалось на общем фоне – это ясные, не затуманенные глаза. Они внимательно смотрели на Рому, будто чего-то выжидая.

Тихим, ещё не проснувшимся голосом он спросил:

– А ты как сюда попала?

– И тебе доброе утро, любимый, – она спрыгнула на пол и, подойдя к Роме, накрыла его ладонь с рюмкой своей. – Это ненужно. – Их руки медленно поплыли по столу, и вскоре пальцы отпустили рюмку.

Настя прижалась к Роме и обняла его, прислонив голову к мощной груди. Слышала, какими мильными ударами сотрясается внутри грудная клетка. Почувствовала на своей спине нежные руки, обхватившие почти всё её тело. Сухие губы прильнули к макушке, а сердце забилося чуть быстрее.

Утренний свет окутывал обнимающуюся на кухне пару. Его лучи мягко ложились на прижатые друг к другу тела, каждое из которых не хотело отпускать другое. Обьятъя лю-

бимого человека иногда были лучше, желанней поцелуев и излечивали душу быстрее любых психологов. Объятыя с любимым – лучшее лекарство. Оно порождает глубоко внутри искру, и её уже подхватывают тёплые чувства, разжигая внутри огонь. И нужно ли говорить, что, обнимаясь, мы чувствуем себя самыми счастливыми людьми на свете? Чувствовать, как тебя обнимает другой человек – бесценно.

Никакой секс с этим не сравнится.

Настя чуть отпрянула и посмотрела на Рому. От её искреннего взгляда у него защемило грудь.

– Мигрень? – Она накрыла его щёки своими ладонями и прильнула к губам, растягивая момент на долгие секунды. Когда она вновь прижалась к нему, нижней частью живота смогла почувствовать внизу что-то твёрдое, пытающееся вырваться наружу. – Зачем ты пил? Ты же знаешь, какие будут последствия.

Непонятно почему глаза Ромы защищало. Мир вокруг расплылся в контурах, будто кто-то опустил его в воду подобно рисунку. И чёткими оставались лишь серо-голубые глаза, при взгляде на которые хотелось просто умереть.

Рома вновь почувствовал себя неуверенным мальчишкой, переминающимся с ноги на ногу в коридоре и набирающимся смелости познакомиться с той красивой девчонкой. Тогда, в десятом классе, она казалась ему богиней, подобную которой не сыскать на всей Земле. Эти милые кудряшки на её голове, завораживающая улыбка даже когда она просто гово-

рила «Привет» и переливчатый смех... Упругие ягодицы и стройные ноги стали достопримечательностью всей школы, и Настя сразу же дала всем понять, что можно лишь смотреть, а тем, кто осмелится потрогать, она оторвёт яйца и засунет смельчакам в задницу. И только тому пареньку, который вечно заикался в разговоре с ней, она в итоге позволила насладиться своим телом и обрела рядом с собой настоящего мужчину.

Рома вновь увидел её богиней. Увидел в ней всю ту поразительную красоту, которая покорила его с самого начала и которую после он стал считать чем-то самым собой разумеющимся. Эти морщинки у самых глаз, когда Настя улыбалась. Такие милые, согревающие душу ямочки на щёчках... Какими же притягательными выглядели её губы, когда она чуть приоткрывала рот! И ведь красота эта никуда не девалась. Просто Рома уже привык к ней и перестал замечать яркие блики прекрасного в своей любимой, как только она стала таковой. И только на время потеряв её, он вновь смог увидеть ту красавицу, которая когда-то давно свела его с ума.

Ладони Насти сошли с Роминого лица и легли на грудь, тут же ощутив биение сердца. Всё ещё смотря в карие глаза, тихим голосом она произнесла:

– Зачем ты выпил?

Одна слеза скатилась по его щеке, а вторая была уже на подходе. Головная боль полностью утихла, но застилающий сознание туман не пропал. Сквозь него двумя маячками про-

глядывали серо-голубые огоньки, и в каждом из них не было ни намёка на щупальца. Они остались во снах, а сейчас он здесь, рядом с Настей, настоящей Настей, а не самозванкой-медузой.

– Я не знаю, – голос Ромы слегка осип, что стало результатом ночных криков. Прошедший танец с мигренью был одним из самых больных за всю жизнь. На дикие вопли прибежало несколько соседей, колотивших в дверь. Некоторых Рома послал далеко и надолго, некоторым объяснил это в форме жестов, а пришедшему парню-подростку, которого отправили сюда родители, он посоветовал попробовать тройничок с двумя девушками. Вещь отменная, чувак, поверь мне. Я не пробовал, но друзья советовали.

Рома закрыл глаза и тяжело вздохнул:

– Похоже, ночью я вёл себя как полный козёл.

– Я догадалась. Около твоей двери чёрным маркером написано «ХАМ», «ПОДОНОК» и «МАЛЕНЬКИЙ ЧЛЕН – МЕНЬШЕ ПРОБЛЕМ». С первыми двумя я ещё могу согласиться, но вот с последним кто-то явно ошибся. И это хорошо, потому что я уверена, что ты точно не светил своим аппаратом перед всем подъездом. Не светил же?

– Нет, Господи, нет. Настя... – Он посмотрел на неё и внезапно осознал, что перед ним стоит самый дорогой ему человек. Как бы паршиво он себя ни вёл, как бы ни пытался своими поступками отдалить её от себя, она трепела и всё равно приходила в самые тяжёлые минуты. Она была из той поро-

ды людей, что всегда говорят всю правду в глаза и защищают твою честь даже за спиной, когда ты не слышишь грязные сплетни своих «друзей». Она была прекрасным человеком и отличной любовницей, и от осознания этого по коже Ромы прошли мурашки, ведь он чуть не потерял такое сокровище.

Самое страшное – он даже не попытался его вернуть, а начал вливать в себя виски и орать всю ночь, не давая спать соседям. И вот оно... сокровище само пришло к нему, хоть он того и не заслужил.

Рома перестал сдерживаться и заплакал, подавившись первым всхлипом. Он хотел отвернуться, но нежные руки удержали его и заключили в объятия. Настя... Господи, разве есть человек на Земле прекрасней этой девушки? Девушки, которая – что бы ты ни вытворял – оставалась рядом. Девушки, чей стержень был отлит из металла и лишь сильнее закалялся, когда кто-то пытался его сломать. Наверное, именно на таких женщинах держится мир, и влияние их при этом очень незаметно. Мужчины поубивали бы друг друга в бесчисленных войнах, если бы в минуты гнева рядом с ними не находились жёны. Сколько великих мужчин стали великими благодаря постоянной поддержке любимой женщины? Сколько раз женские руки поднимали решившего сдать мужа, когда любой другой боялся даже дотронуться до этого зверя?

Каждый великий мужчина, добившийся высот, имеет на своих плечах следы от рук его спасительницы – мамы, ба-

бушки, сестры или жены, не важно. Важно только то, что эти руки поднимали его и не давали упасть.

– Поплачь, – Рома уткнулся ей в плечо и обнял всё тело, не желая отпускать его ни на секунду. – Поплачь, милый. Тебе станет легче. Ты устал, и тебе нужен отдых. Нормальный отдых. Так что посвяти этот день полностью себе. Сходим в парк погуляем, можем по городу, а вечером в кровати фильм посмотрим. Как тебе?

Он улыбнулся в свою рубашку, которая теперь пахла Настинными духами. Слегка сладковатыми и такими приятными... Разве она всегда их использовала? Или сейчас первый раз? Рома принюхался и вновь улыбнулся, уже смотря на Настю.

– Это те духи, которыми ты облилась на первое свидание? – Она согласно кивнула и не смогла сдержать вырвавшийся наружу смешок. Попыталась прикрыть его рукой, но от этого засмеялась ещё больше. – О да! Это великое первое свидание! Ты, наверное, всю жизнь будешь помнить мою диарею в кинотеатре!

– Ну так если... – Настя не смогла продолжить и залилась смехом, как только в её голове вспыхнули фрагменты того вечера. – Если ты знал, что у тебя там что-то не в порядке, зачем на свидание пошёл? Хотел удивить меня? – Настя уже не контролировала себя и безостановочно хрюкала, пытаясь смеяться.

– Вообще-то я просто пукнуть хотел.

– Но не получилось! Я помню, был такой выжидающий момент, все разом затихли, и ты решил дать джазу! Пусть слизня, Господи! Как громко ты это сделал! И это на первом свидании! С козырей решил зайти? «Смотри, как я умею! Выйдешь замуж, каждый день так будет!»

– Так, всё, хватит, – он прильнул к её губам, чтобы хоть как-то заткнуть этот лживый источник информации. Но как только это произошло, его начали отпихивать женские руки, а губы извивались, освобождаясь из-по плена.

– Не затыкай мне рот, мистер Слизняк! Я пойду в полицию и скажу, что ты угрожал мне анальной карой!

– Господи, я же не просил чокнутую! – Но несмотря на свои слова Рома смеялся, потому что Настя тоже смеялась. Чёрт, да она впала в самую настоящую истерику! Кровь прилила к щекам, а глазки сузились в искреннем смехе.

Рома схватил её за запястья и легонько сжал. Настя попыталась отдёргнуть их, но ничего не вышло.

– Эй, мистер Слизняк! Вы что, хотите меня наказать?

– Да такую мало наказать. Тебя проучить надо.

Она пихнула его в грудь, а он завёл ей руку за спину. Целуя друг друга, они начали драться и сами не заметили, как подошли к кровати. Когда Настя упала на спину, а Рома всё ещё чувствовал губами её улыбку, она отпрянула и с серьёзным тоном произнесла:

– Только у меня есть одно условие, Ром.

– Какое?

Серо-голубые глаза ехидно засмеялись, а улыбка всё-таки пробилась на лице.

– Постарайся в этот раз без подливки.

– Ну всё, хана тебе! – И Настя пронзительно заверещала, когда Рома защекотал её.

3

– Какая красивая козявка у тебя в носу!

Рома лишь закатил глаза и сильнее обнял Настю, прильнувшую к нему. Она положила голову на его грудь и лежала так уже десять минут, ни на секунду не переставая говорить. После секса энергия из неё прямо-таки сочилась, в то время как Рома постоянно засыпал и терял всякий интерес к её заигрываниям. Наверное, бог, создавая мужчину и женщину, решил повеселиться и сделал так, чтобы мужчины после оргазма почти сразу же отрубались, а женщин так и плющило – они хотели ещё, ещё и ещё! Если бы Ромин член мог мгновенно перезаряжаться, Настя бы изнасиловала его, не оставив шансов на пощаду.

– Слушай, а давай попробуем в наполненной ванной! – Её глаза миготом полыхнули, а голова поднялась, озарённая широкой улыбкой. – Точно! Минут через пятнадцать-двадцать, когда ты уже сможешь.

– С ума сошла что ли? Господи, я помню, подростком меч-

тал о сексе каждый день, но получив тебя, мои яйца научились молиться.

– Эх, ненадолго тебя хватило, старичок. Теперь буду называть тебя «Старый Дед-Пердед». Это Дер-Пердед – скажем сексу «НЕТ»! – Она залилась смехом и, кто бы сомневался, захрюкала. Идеальный момент для шутки про свинюшку, но девушки имеют свойство обижаться, как только начинаешь подкалывать их или как-то шутить. – Ладно, пойду тебе хоть завтрак приготовлю, а то сам ты только пельмени и умеешь варить. Я не пойму: вас, мужиков, вообще готовке не учат? Там же ничего сложного! А вы делаете из этого какой-то магический процесс, в котором разбираются только женщины! И знаешь, что самое поразительное? Вы никогда не...

Рома смотрел на неё, говорящую и машущую руками, и улыбался. Утренний свет мягко ложился на её кожу. Распущенные волосы свободно падали на плечи, стелились по спине, и кончики их касались оголённых грудей. Превосходная фигура Насти сейчас выглядела невероятно эстетично в обрамлении солнечных лучей, когда сама она, выпрямив спину, сидела и что-то рассказывала Роме. Его всегда больше всего привлекал этот чертовски заводящий переход от её плоского живота, сквозь который чуть-чуть проглядывал пресс, к упругой груди, так и шепчущей: «Возьми меня». И он наслаждался этим телом. Наслаждался этой душой и что бы ни говорил, безумно был рад, что она рядом с ним.

– Ты меня вообще слушаешь?

– Да, конечно, говори. Я тебя очень внимательно слушаю.

Но его глаза медленно закрывались, что не укрылось от Насти. Ещё до того, как веки полностью опустились, она запустила руку ему между ног и легонько сжала то, что нашла. Но этого «легонько» хватило, чтобы заставить Рому вскрикнуть и посмотреть на неё как на сумасшедшую.

– Ты больная что ли?! А если б ты что-нибудь отдала?!

– Ну, как мы уже выяснили, ты не Рома, а Дед-Пердед, а они особо не волнуются о том, что у них там болтается между ног.

Она рванула с кровати, но Рома успел шлёпнуть её по ягоднице, мгновенно поднявшись. Настя коротко вскрикнула и, стоя уже на полу, посмотрела на свою попу.

– Если у меня будет синяк, я тебе реально что-нибудь оторву. Ты мне лучше скажи, красавчик, у тебя яйца есть?

– Всегда со мной.

Она старалась оставаться максимально серьёзной, но наружу резко вырвался смешок, а нижняя половина лица расплылась в улыбке.

– Дурак, я имею в виду в холодильнике. Я ж не буду жарить на сковородке твои яйца. Хотя, если тебе понравится, почему бы и нет?

Они ещё раз обменялись парой любезностей, после чего Настя ушла на кухню, а Рома, полностью избавившийся от головной боли, обратно плюхнулся на кровать и закрыл глаза.

Ему не снилась серо-голубая медуза.

4

Проснулся он оттого, что по его лицу била струйка холодной воды. Вскочив с кровати и в миг открыв глаза, Рома вытер их и увидел перед собой Настю, улыбающуюся во весь рост и с розовой кружкой в руке.

– Я звоню в полицию. Ко мне в дом забралась какая-то чокнутая и пытается меня. Где мой телефон? – Вопрос был риторическим, но как только Рома увидел, как широко раскрылись серо-голубые глаза, он тяжело вздохнул. – Ты брала мой телефон?

Настя попыталась улыбнуться, но вместо этого поджала губы, так что на её лице возникла стыдливая улыбка. И приятный бонус, который к этому всегда прилагается – сдвинутые домиком брови, что должны были вызывать жалость, но прости, детка, не в этот раз.

– Ты брала мой телефон, да?

– Ну...я только посмотрела там...ну, например, что ты кому пишешь. Да блин, пойми, это просто женское любопытство, оно у всех! И тем более у тебя там нет ничего криминального, так что можешь спокойно жить.

– Ну спасибо, моя госпожа. А теперь телефон на место. – Он протянул ей руку ладонью вверх и начал выжидающе

смотреть, что Настя просто не могла терпеть.

– Иногда ты меня просто бесишь, – с этими словами она вышла из комнаты и практически тут же вернулась, уже с чёрным прямоугольником в руке. – Ваш заказ готов, сэр. С вас примерное поведение и три подаренных мне до полуночи оргазма.

– Обойдётся, Рапунцель. Может, после завтрака я подумаю над твоим предложением.

– Тебе вообще благодарным надо быть за то, что я тебе готовлю. Не было б меня, ты бы уже помер с голоду или подавился плохо сваренными пельменями. Боже, как вспомню вкус твоих пельменей, так сразу умереть хочется.

– Ещё ни одна девушка не жаловалась на вкус моих пельменей. – Он игриво улыбнулся и подмигнул ей, услышав, как из её груди вырвался смешок.

Насте снова не удалось сдержать улыбку.

– Ха-ха-ха, как смешно! Как остроумно! И как мне жить с человеком, которому в детстве защемило чувство юмора?

– Спокойно, если не будешь копать в его телефоне. – Рома забрал его и пошёл на кухню, чувствуя, как сзади по полу ступают босые женские ноги. – А ты яичницу приготовила с беконом?

– С любовью. – Они встали в дверном проёме, смотря друг дружке в глаза.

На ней снова была надета его клетчатая рубашка, и только она. Часть груди осталась неприкрытой, и как только взгляд

соскользнул вниз, в паху вновь разжётся огонь. Никакого макияжа не было на её лице – не идеальном, но по-своему прекрасном и любимом. Именно такая естественная красота способна покорить мужчину, а искренность, что проглядывала в ямочках на щёчках при улыбке, всегда притягивала и располагала к себе. Настя не скрывала от Ромы ни одну частицу своего тела или души, как и он – от неё. Повисшее молчание нарушило чирикание птичек за окном, и никакого «Трахни меня, Лиза» здесь не было – только любимая женщина рядом и аппетитный аромат завтрака на кухне.

Что ещё нужно для счастья?

– Чего так смотришь? – Её голос был мягким и нежным, на который просто невозможно грубо ответить. Тёплая улыбка заиграла на лице, именно с такой улыбки должно начинаться утро. Утро любимых, проснувшихся в одной постели людей. – Смотришь на меня так, будто только что влюбился.

Рома хотел что-то ответить, но его рот закрыли чужие губы. Поцелуй на голодный желудок... Этот день определённо обещает быть волшебным.

– Яичница уже на столе, мой господин. И с беконом, и с любовью – всё как вы любите. Ваша прислуга очень старалась и надеется, что вы будете довольны трапезой. – Снова эти бесподобные ямочки и улыбка, ради которой хочется жить. – Но только я хочу попросить вас кое о чём.

– И о чём же прислуга может просить своего господина?

Настя мигом стала серьёзной, и сейчас в её голосе не были и намёка на шутку.

– Пообещай мне одну вещь. Нет, лучше дай слово. Как настоящий мужчина. – Она положила ладони на его оголённые плечи и тихонько начала поглаживать их. – Я много думала о произошедшем той ночью и, признаться, не могла заснуть до самого утра. Конечно, у нас ещё будут ссоры, ведь какие отношения без ссор, но... я не хочу, чтобы мы что-то скрывали друг от друга. Ну знаешь, не договаривали там, преувеличивали или преуменьшали. Только правда, какой бы горькой она ни была. Никакой лжи. Дай слово. Дай слово, что не будешь от меня что-то скрывать и обманывать тоже.

Он вникал в каждое её слово, произнесённое до боли искренне и честно. Серо-голубые глаза выжидающе смотрели на него. Рома, чувствуя поглаживание пальцев на своих плечах, мягко проговорил:

– Даю тебе слово. Никакой лжи и только правда. И самая первая – мой желудок сейчас съест сам себя. Могу я уже отведать твой шедевр?

– А попробуй не отведать. Только сначала хотя бы шорты накинь, а то твой дружок так и поглядывает на меня. Я ведь могу сорваться.

Они ещё раз поцеловались, и Рома ушёл в спальню. Заправил кровать, радуясь, что она теперь пахнет Настинными духами. Напевал себе под нос лёгкую мелодию и вилял бёдрами, когда ходил по комнате и искал шорты. Отыскав под тум-

бочкой, он кое-как достал их, с силой несколько раз встряхнул и надел на себя. И только когда он уже шёл на кухню, зазвонил телефон.

Рома взял его и посмотрел на дисплей. В самом верху экрана белело слово «МАМА», фотографии же не было. Зелёный кружок предлагал ответить на вызов, красный – отклонить.

Рома выбрал зелёный.

Он хотел поздороваться с матерью, но как только телефон оказался у уха, дикие рыдания вырвались из динамиков и ударили по голове:

– Сыночек, Господи! Приезжай! Заб... – Она похоже, подавилась собственными соплями, поэтому продолжила лишь через пару секунд. – Забери меня! Мы должны поехать в одно место! Мы...

– Что случилось? Говори спокойно.

– Отца нашли мёртвым. Какие-то гады избili его, Ром! Взяли и избili! Он захлебнулся кровью! РОМА! Забери меня, пожалуйста, я не могу! Просто приезжай и...

– Я приеду. – Он завершил звонок и медленно отложил телефон.

Минуту постоял, уставившись на царапину на стене (давно она здесь?) и ни о чём не думая. Посмотрел на погоду за окном, словно во сне подошёл к шкафу. На улице всюю припекало солнце, но он всё равно выбрал чёрную рубашку, чёрные брюки и туфли. Одевшись, Рома пришёл на кухню,

где встретил вопросительно смотрящую на него Настю.

– Ты куда это?

– Прости, дела появились. Мне нужно бежать.

– По работе?

Он секунду молчал, но потом ответил:

– Да, по работе. Надеюсь, управлюсь быстро и приеду обратно.

– Может, ты хоть позавтракаешь?

– Извини, Рапунцель, не могу. Дела и в правду важные.

Рома уже взял ключи и направился к выходу.

– Давай я тебе хоть рубашку поглажу! Она у тебя вся мятая!

Но ей ответили лишь захлопнувшаяся дверь и следующая за ней тишина. Настя повернулась к ещё горячей яичнице и посмотрела на неё, со злостью поджав губы.

– Спасибо большое, Настя, за завтрак! Я так ценю твою заботу! Так ценю твоё время! Ты же себе ещё ничего не приготовила, зато мне уже кушать подано! – Она с силой сжала лопатку и швырнула её в плиту, попав по тарелке, которая разбилась об пол.

Пара осколков вонзилась в лодыжку.

5

Рома взял «мерседес», на котором уже не ездил больше

двух месяцев.

Хоть он и мог позволить себе большинство машин в автосалонах Петербурга, почему-то ему нравилось ездить на метро. Не в автобусах или троллейбусах, а именно на метро. Казалось, там царит особая атмосфера: этот прохладный ветер внутри мчащегося вагона, уже такой знакомый и приятный шум, спуск по эскалатору и само ожидание поезда рядом с незнакомыми людьми. Быть может, в РOME ещё не умер романтик, и он до сих пор восхищается окружающим миром? Вполне возможно.

Но сегодня была нужна именно машина. Чёрный Mercedes-Benz AMG GT R 2019 года выпуска.

Рома провернул ключ в замке зажигания и вроде бы услышал, как взвыл двигатель, но мысли его были вне салона и витали где-то в облаках. Гудение из-под капота убаюкивало, и чтобы полностью не оторваться от реальности, Рома включил радио и увеличил громкость. Обещая себе следить за дорогой, он выехал со двора.

Ведущий по радио заверил, что сегодня будет потрясающий день!

6

Мать истерила.

Как только чёрный «мерседес» появился на этих захуда-

лых улицах, от вида которых хотелось выколоть себе глаза, к нему подбежала какая-то сумасшедшая и открыла переднюю дверь.

– Привет, мам.

С ним поздоровались рыдания, и с первых её неразборчивых слов Рома перестал что-либо слушать, а лишь спросил, куда ехать.

– Вот у меня адрес. – Она протянула ладонь, на которой чернилами были выведены какие-то непонятные символы. Писала она, похоже, дрожащей рукой. Рома пригляделся и узнал в этих закорючках название улицы и номер дома, о которых раньше где-то слышал. – Недалеко от этого места, ближе к лесу. Эти добрые люди похоронили его, представляешь?! Он же им совсем никто! А они так заботливо... – Мама прижала ко рту кулак и простонала в него, зажмурив покрасневшие от слёз глаза. На какой-то миг Рому проняла жалость к этой женщине, но он тут же смог подавить в себе это чувство. – Они поставили плитку...ну, просто камень, без имени и фамилии. У него не было документов с собой, но зато... – Она улыбнулась, и от улыбки этой – неожиданно тёплой – по коже пробежали мурашки. – У него с собой была моя фотография, где я молодая, и номер телефона. Говорят, его нашли ещё несколько дней назад, но номер – когда хоронили. Ты ж поставишь ему хороший памятник, Ром?

Памятник.

Грёбаный памятник.

И половину этого памятника будут занимать огромные яйца, контролировать которые не под силу никому.

– Посмотрим, – но смотреть была не на что. Рома бы с большим удовольствием поставил монумент матери, чем этом козлу-яйценосцу. – Приедем и посмотрим, мамуль. Приедем и посмотрим.

Она вновь начала что-то говорить, но он её не слушал, а включил музыку и сделал громче. Когда к регулятору громкости потянулась чужая рука, Рома твёрдо проговорил:

– Сделаешь потише или выключишь, я немедленно высажу тебя.

Она могла что-то ответить, но её обжѐг холод в глазах сына, и всю оставшуюся дорогу они ехали молча.

7

До пункта назначения, как показывал навигатор, оставалось меньше километра. Они выехали из города и теперь мчались по относительно пустой трассе, окружённые бесконечным зелёным полем. Кое-где проглядывали редкие деревья, но в основном землю покрывала только трава, уступив место лишь автомобильной дороге. Рома увидел слева озеро, играющее с бликами света в этот яркий день. Поверхность воды игриво переливалась под солнечными лучами, а на противоположном берегу купалось несколько человек – скорее

всего, семья.

Семья...

Руки сжали руль крепче, под сомкнутыми губами стиснулись зубы.

Погода была чертовски хорошей. Слишком хорошей для похорон, которые заслуживали лишь ливень и бьющую в могильную плитку грозу. В такую погоду хотелось гулять и по парку с любимой женщиной, слушать, как она смеётся, покупать ей сахарную вату и после очищать её губы от липкого слоя, а не вот это вот всё. Эти похороны отца, который спустя двенадцать лет скитаний появился на пороге их дома и решил, что его вдруг примут обратно.

Размечтался, папаша. Надеюсь, сейчас ты трахаешь Алёну и давишься опиумом.

Чья-то рука накрыло колено Ромы, и вскоре он услышал голос матери:

– Останови вот здесь, пожалуйста.

Чёрный «мерседес» аккуратно съехал на обочину, мерно гудя двигателем. Колёса сошли с асфальта на землю и проехали несколько метров, прежде чем остановились. Рычание под капотом смолкло, и теперь тёмный красавец германских кровей молча стоял в гордом одиночестве, окружённый бескрайним полем.

– Ром, – её голос слегка дрожал и сквозил неуверенностью, – я не знаю, почему ты так холоден и резок со мной, но я просто хочу... – С покрасневших глаз сорвались слёзы, и

мама тут же вытерла их, не решаясь поднять взгляд. – Я хочу, чтобы ты просто выслушал меня. Я не пью уже два дня и думаю, что заслужила разговор с сыном. Если он у меня есть.

Рома сжал обод руля, но промолчал.

– Что случилось, когда вы вдвоём вышли на улицу?

Он ждал этого вопроса и подготовился к нему, но легенда о счастливом конце напрочь вылетела из головы, когда его взгляд встретился с глазами матери. Глубоко впавшими глазами матери. И, безусловно, знакомо карими. Белки будто воспалились и ныли от покраснения, а острые паутины морщин впивались в кожу на всём её лице. Мать Ромы выглядела на все шестьдесят лет а то и больше, при том условии, что ей лишь пару месяцев назад исполнилось сорок с чем-то. Но старости было плевать на цифры; она смотрела на образ жизни, привычки, мышление и подкрадывалась тогда, когда человек сам начинал разрушать себя по частичкам.

– Только не ври мне, а говори честно. Может быть, ты видел тех ублюдков, которые потом избивали его?

– Нет, мам, я никого не видел. – Ложь давалась ему легко, и «спасибо» за это стоит сказать тем годам, что он провёл в бизнесе. Если хочешь заработать много денег, твой язык должен быть чертовски хорошо натренирован. – Мы попрощались с ним около парка. Он протянул мне руку, но я не пожал её. Предпочёл просто пожелать всего наилучшего и ушёл. С тех пор я с ним не разговаривал.

– И он со мной тоже. Я ненавижу тебя, Ром. – Теперь ма-

ма не прятала взгляд и смотрела на своего сына в упор, видя перед собой чужого человека. – Я люблю и ненавижу тебя. Здесь даже гадать не стоит, что ты сказал отцу. Чтобы он катился ко всем чертям и проваливал нахрен с нашего дома! – Она заметила, как побелели костяшки на его сжимающей руль руке. – И плевать тебе, что он пришёл за прощением! Ты думаешь только о себе! Ты всегда думал только о себе! Хренов эгоист! – Она ударила его по лицу, оставив на нём след от пощёчины. Призрак маленькой ладони опечатался на коже, когда салон автомобиля заполнил шлепок. Левую половину лица резко подожгли, и сейчас она горела, пылала, хоть карие глаза так и оставались холодными.

Мать вглядывалась в них, пытаясь найти там что-нибудь тёплое, какую-нибудь слабую искорку огня, за которую получилось бы зацепиться, но натыкалась лишь на равнодушный холод, сквозивший в зрачках.

– Когда ты успел вырасти таким жестоким?

И с этими словами она вышла из машины.

8

Могила располагалась недалеко от озера.

Их встретили три человека – двое мужчин и одна женщина. Говорил с ними только Рома (конечно, как же иначе?). Он выслушал никому ненужные соболезнования, ужа-

сающую историю о том, как они нашли этого бедного мужчину и решили позвонить по номеру, что лежал с фотографией невероятно красивой девушки.

Никому и в голову не пришло, что на ней была изображена рядом стоящая старуха.

Рома пожал руки мужчинам, обнял женщину и приятными духами и поблагодарил всех за такую заботу. Вскоре они ушли, и у могильной плиты (на самом деле, у простого куска камня) остались лишь двое: высокий стройный молодой человек и низкая сгорбленная бабка, которой так и хотелось подкинуть пару лишних монет. Приятный ветерок пробежал по телу и уносился дальше, ведь мог себе это позволить. Он мог улететь куда угодно, и никто не поймал бы его, но каждый бы прочувствовал ощутимое дуновение. Рома позавидовал ветру. Захотел стать им. Как же классно будет просто раствориться в воздухе и подняться к облакам, утонув в них. Как заманчиво выглядит возможность исчезнуть и больше не видеть все эти лица. Забыть обо всём и стать ничем – вот чего сейчас хотел Рома, стоя у могилы своего отца.

Мама плакала. Вернее, рыдала, захлёбываясь собственными слезами. Она упала на землю и прильнула к ней, начав целовать почву. Рома не разбирал её слов, а потому просто стоял в ожидании того, когда прекратится весь этот спектакль. Он мог простоять так весь день, пока мама не излила бы душу этому куску камня. Пуская горюет; пусть хоть что-то разбавить её вечный алкоголизм.

Рома сунул руки в карманы и стал оглядывать открывшийся перед ним пейзаж, игнорируя судорожные женские всхлипы рядом. Впереди простиралось зелёное поле, на котором единицами росли деревья. Ковёр яркой травы уходил далеко к горизонту, пока не наткнулся на светлое озеро. На нескольких его берегах, радуясь и смеясь, купались семьи, даже не подозревая о том, что совсем рядышком похоронили человека, которого следовало утопить на дне Марианской впадины.

Слишком хорошее место у тебя, папаша. Я бы лучше отвёз тебя на помойку.

С любовью, твой сын.

Воздух был свеж и приятен. Он проникал в лёгкие и наполнял их ароматом лета, пока откуда-то издалека доносился смех играющих детей. Облака не спеша плыли по голубому небу, держась друг с дружкой в обнимку. За спиной изредка проезжали машины, и Рома был уверен, что каждый водитель хоть чуть-чуть, но бросал взгляд на эту красоту. На этот спокойный пейзаж, так не подходящий похоронам.

Впрочем, плевать. Рома чувствовал себя превосходно – мигрень отпустила его ещё ночью. Всё, чего он сейчас желал, сводилось к пятидесяти миллилитрам виски и Насте. Насте в нижнем белье. Насте с безупречной улыбкой на лице. Насте с её упругими ягодицами и наивкуснейшей яичницей. Он хотел убраться отсюда как можно скорее и поспать с Настей, забыв об этой могиле навсегда. Разорвать её в памяти и за-

швырнуть остатки в самые тёмные уголки сознания, где никогда не включают свет.

Свет лишь показывает нам то, чего мы не хотим видеть.

– Прошу, Лёшенька, прости меня! – Мать поднималась с земли, но очень медленно, будто хотела подольше послушать шёпот бывшего мужа. – Прости меня и Рому, грешных нас тварей! Мы извиняемся перед тобой, Лёшенька, любименький мой...

Рома чувствовал, как где-то глубоко-глубоко внутри него закипает злость. Он еле сдерживал себя, чтобы не наброситься на маму и с силой тряхнуть её, чтобы она перестала просить прощения у этого подонка. Подонка, который оставил их семью ради опиумной шлюхи и вернулся через двенадцать лет, услышав о наполненных деньгами карманах сына! И теперь он слушал извинения, которые ни разу не заслужил! Единственное, что должно даваться ему по заслугам, так это десятый круг в жарком аду.

Трахай Алён и жри опиум, говнюк. Я ни черта не жалею, что убил тебя.

– Ты заслуживал любви больше, чем любой из нас. Ты ошибался, милый, да, но Бог ведь прощает тех, кто кается в своих грехах. И ты пришёл в наш дом покаяться в них. Прости Рому за невоспитанность, но он не слуга Сатаны, он просто настолько грешен, что не увидел в тебе и лучик света. Прости нас, милый, и покойся с миром.

Она окрестила могилу и, рыдая, поплелась к машине. Ро-

ма остался стоять над могилой, со сжатыми в карманах кулаками. Наконец он вновь остался с отцом наедине. Их не окружали стены, рядом не было матери, и ни одна пара глаз не наблюдала за ними. Над закопанным под слоем земли отцом стоял смотрящий на него сын. Смотрящий через почву, прямо в чёртовы карие глаза. И он был искренне рад, что они больше никогда не увидят свет.

– Ты это заслужил. – Рома харкнул на могилу и вытащил руки из карманов. – Но я бы скормил тебя птицам. Хоть так ты принёс бы кому-нибудь пользу.

Он уже развернулся, чтобы направиться к «мерседесу», но замер, уставившись в одну точку.

Он смотрел на женщину в красном.

Около озера, под одним из деревьев стояла фигура стройной женщины. Зелёные листья частично укрывали её от чужих глаз, еле касаясь кончиками оголённых плеч. На ней было надето красное, даже алое платье, так отлично подчёркивающее переход от талии к крутым бёдрам. Женщина смотрела на озеро, и Рома видел дым, идущий от её головы. Левая рука опустилась и стряхнула пепел с сигареты, после чего вновь поднялась. Такой пейзаж завораживал: девушка в, судя по всему, дорогом наряде стоит на поляне, покуривая сигарету. Ей следовало находиться на каком-нибудь балу или театре, но никак не у спуска к озеру, протаптывая каблуками грязь.

И только сейчас Рома заметил, что обнажённые плечи

тряслись.

Он быстро догнал маму у самого автомобиля и, подойдя к ней, сказал:

– Подожди меня немного. Я слегка задержусь. – Увидев, как она открывает рот, чтобы возразить, он тут же соврал: – С отцом хочу поговорить. Наедине.

Мать уставилась на него, после чего понимающе кивнула. Рома открыл машину, проследил, что пассажирское место заняли, и закрыл её. Положив ключи в карман, он направился к женщине в красном.

Он не знал, зачем идёт к ней. Не видел её лица, но почему-то всё равно знал, что глаза на этом лице ярко-зелёные. Его просто тянуло к этому силуэту. Ни одна фраза, с которой можно начать разговор, не вертелась в голове, а весь остальной мир побледнел, и только красный взывал контрастностью. Рома отчего-то чувствовал, что знает эту женщину, хоть он и видел лишь её бёдра, попу, спину и ноги. В том, как она стояла, проглядывало что-то знакомое. Подобное чувство испытывают те, кто через много лет случайно встречает своего бывшего партнёра.

Рома подошёл к женщине и положил руку ей на плечо.

Она резко развернулась, и он ту же вспомнил это лицо.

На него смотрела пара заплаканных глаз, покрасневших от напряжения. Солнечный свет выловил в радужках яркую зелень, какая бывает лишь в середине лета. Приподнятые острые скулы грозно выпирали, будто предупреждали окру-

жающих о характере владельца. Пухленькие алые губы чуть приоткрылись, а в лёгкие медленно втянулся аромат духов этой женщины – нежный привкус сладкой клубники, что ощущался на языке. На голове красовалась сплетённая коса цвета тёмного каштана, так что волосы не скрывали эстетичные ключицы и глубокое декольте, еле-еле прикрывающее половину внушительных груди. Мгновение Рома не мог оторвать от них глаз (уж слишком они были хороши), но всё-таки поднял взгляд и вновь посмотрел на женщину.

Это была голливудская актриса. Звали её Анна Белая, и фильмы с этим именем собирали сотни миллионов долларов по всему миру. Эти зелёные глаза часто захаживали на экраны кинотеатров и покоряли сердца многочисленных фанатов. В коллекцию любимых Роминых фильмов входили и те, где снимала она, поэтому он узнал её силуэт сзади, вспомнив бёдра официантки-шпиона. Страна по праву гордилась ей, ведь Анна Белая была из редкого числа отечественных актрис, кто смог пробиться в Голливуд. Большинство мальчишек передёргивали на её фотографии в школьных туалетах, а одинокие поэты восхищались непревзойдённой красотой, смотря очередной блокбастер. Имя Анны Белой, или же Анны Уайт, из года в год гремело по миру, и вот сейчас она стояла у озера недалеко от Петербурга, прямо перед Ромой, держа в руке всё ещё не докуренную сигарету.

Ей было тридцать семь лет.

– Простите, – он непонимающе смотрел в её глаза, будто

ему задали какой-то очень сложный вопрос. – Вас же Анна зовут, так?

Женщина не спеша прошла взглядом по его телу. Не спеша, от макушки до самых пяток. На секунду она задержалась на торсе, где сквозь рубашку просачивались очертания грудных мышц. Взгляд скользнул дальше, и только потом нарушилось молчание.

– Молодой человек, я сейчас не в том состоянии, чтобы фотографироваться или раздавать автографы. – Рома заметил, как с большим трудом она сдержала внутри себя всхлип, после чего вновь повернулась к озеру и затаилась. Опустив сигарету, выпустила дым через ноздри, продолжая смотреть на лёгкую рябь блестящей воды. Хоть этой женщине через пару лет и предстояло разменивать пятый десяток, на удивление она выглядела неприлично молодо и сексуально, перестав стареть после тридцати. – Идите куда шли. Дайте мне побыть одной.

– Я слышал, в прошлом году вас номинировали на премию «Оскар». – Эти слова заставили её вновь обернуться и посмотреть в карие глаза. – За лучшую женскую роль. Вы играли робкую девушку, которая стала жертвой домашнего насилия и в итоге убила своего мужа. Признаться, я плакал несколько раз. Особенно в конце, когда ваша героиня повесилась в камере.

– Ужасная работа. – Анна снова затаилась и на этот раз задержала дым в лёгких перед тем, как выпустить его. – Нет,

кино само вышло хорошим, но вот то, как мы его снимали... Все актёры ненавидели этого кретина-режиссёра. – Она хрипло засмеялась, и скоро смех её перешёл в кашель. – Почему я это вам рассказываю?

– Может потому, что я выгляжу как человек, которому можно доверять? – Повисла небольшая пауза, чьё молчание дало двум парам глаз изучить друг друга получше. – Я здесь не затем, чтобы попросить у вас попросить у вас автограф или сфотографироваться. Видите вон тот камень? – Рома указал на небольшую глыбу посреди поляны и будничным тоном произнёс: – Под ним лежит мой отец. Он умер пару дней назад, а сейчас мы его хоронили. И хоть сегодня воскресенье, я надеюсь, он никогда не воскреснет.

– Вы радуетесь тому, что ваш отец умер?

– Я радуюсь тому, что он больше не появится в нашем доме. Уверен, в вашей жизни были такие люди, от которых хотелось как можно скорее избавиться.

Анна молчала, рассматривая купающихся в воде детей. Когда из её рта вышло серое облако, Рома протянул руку.

– Меня зовут Роман Арфеев. Я глава «Арфеев Билдинг Кампани» или же «АБК», как часто любят указывать в договорах.

Она посмотрела на протянутую ладонь и, выбросив сигарету, пожала её.

– Анна Белая, актриса театра и кино. Больше ничего о себе рассказать не могу. – Покрасневшие глаза блестели в лу-

чах полуденного солнца, и казалось, будто новые слёзы вот-вот скатятся по щекам. – А теперь прошу простить меня, Роман, мне нужно идти. У меня есть дела.

Он быстро кинул взгляд на свой «мерседес» и вспомнил о матери, сидящей в нём. Увидел, как разворачиваются обнажённые плечи, и тут же схватил женскую руку – прямо как тогда, после прослушиваний, точно так же он удерживал Настю.

Но сейчас на него смотрели не родные серо-голубые глаза, а чужие светло-зелёные.

– Пойдите! – Анна остановилась и с непониманием взглянула на не отпускающего её мужчину. – Я могу вас подвезти, если вам нужно в город. Я один, и машина в полном порядке, так что проблем не будет, обещаю. – Пальцы на руке ослабились и полностью разжались. – Права у меня есть, документы на машину с собой, ни сегодня, ни вчера не пил. – Ложь капала одна за другой, но улыбка светилась искренностью, и эти ямочки на щеках ну никак не могли обманывать. – Могу я вас отвезти?

Алые губы медленно сжались, а скулы ещё больше прорезались сквозь кожу. Женщины обладали абсолютно разной красотой: она могла скрываться в широкой улыбке и переливчатом смехе, а могла таиться в полностью сосредоточенном, серьёзном лице. И каждая из этих красот была по-своему прекрасна, заставляя мужчину всё время смотреть на женщину с разных сторон. Сейчас Анна привлекала своей

серьёзностью, хоть её глаза и покраснели от постоянно льющихся слёз. Они изучали лицо Ромы и, быть может, не нашли в нём ничего опасного, потому что вскоре послышалось:

– Хорошо, я поеду с вами. – Но сразу добавила: – Только на заднем сидении. На переднее я не сяду.

Осторожничает, подумал он. Ну и правильно делает. Всё-таки её к себе в машину приглашает незнакомый мужчина.

– Какой у вас автомобиль?

Вместо тысячи слов Рома достал телефон и открыл галерею. Быстро пролистал фотографии, где они с Настей корчат друг другу рожи, целуются и смеются. Найдя мощного чёрного красавца, он развернул его на весь экран и показал Анне. Та еле заметно кивнула, скорее дав согласие себе, чем кому-либо другому.

– Ну как?

– Я не против. Но если вы будете нарушать правила, то ответите перед судом.

В ответ на её слова расплылась лёгкая улыбка, как бы говорящая: «Вы меня оскорбляете, дамочка».

– Не волнуйтесь. Мой автоинструктор бился в экстазе, когда я сдавал на права.

– Не волнуйтесь, я биться в экстазе не буду. Мне хватит и банального соблюдения правил. Где ваша машина?

– Здесь недалеко. Подождите пару минут, я её сейчас пригоню. Вы на каблуках, так что немножко жалко ваши стройные ноги. Наслаждайтесь пока видом, а я к вам подъеду.

– Такси подъедет через пять минут.

Она смотрела на него непонимающим взглядом, сидя на переднем сидении автомобиля. Её челюсть отвисла от удивления и никак не могла встать на место. Рома сказал ей выйти из машины и добраться до дома на такси, но почему? Неужели ему так противно ехать с собственной матерью?

Она почувствовала, как к уже успокоившимся глазам вновь подступают слёзы, и это не укрылось от её сына.

– Вылезай, я расскажу тебе, почему принял такое решение.

Дверца медленно открылась, и вскоре из автомобиля аккуратно вышла мама, еле сдерживая дрожащие губы. Подойдя к Роме, она тихим голосом спросила:

– Ты просто не хочешь ехать со мной?

Её голос нервно скакал, а трясущиеся руки вцепились в рубашку сына. На короткое мгновение под ней, в самой грудной клетке, при взгляде на эти впавшие глаза защемило сердце. Но лишь на одно короткое мгновение, так что когда Рома накрыл мамины плечи ладонями и заговорил, голос его звучал спокойно и убедительно.

– Я был с отцом. Мы прощались, пусть и достаточно сухо. Я будто слышал его голос из-под земли, понимаешь? И он...

я даже не знаю.

– Что он?

Неровное дыхание обжигало кожу на шее, а пальцы ещё сильнее сжали рубашку.

– Он сказал мне, чтобы, когда я возвращался домой, тебя не было в машине. Я без понятия, что это знач...

Её лицо мигом просияло, будто внутри неё кто-то резко включил свет. Покрасневшие глаза широко раскрылись, а уголки губ не потянулись – взлетели вверх. Из-под улыбки показались неровные жёлтые зубы, пока морщины на всём лице уродовали его, но тем не менее за последние несколько лет Рома не видел, чтоб его мать казалась настолько счастливой. Она разжала пальцы и прислонила ладони к щекам.

– Я поняла! Поняла, поняла, поняла! Езжай без меня! – Она развернулась и трусцой (трусцой?!) побежала вдоль дороги, постоянно клонясь вправо. И бежала бы до посинения, если бы Рома не догнал её и не удержал. Они стояли в гордом одиночестве, будучи единственными пешеходами на паре километров в округе. И только когда подъехало такси, весь мир облегчённо выдохнул и расслабился.

Рома усадил мать на заднее сиденье, рассчитался с водителем за маршрут и накинул сверху, чтобы точно доездили в полном порядке.

– Особый пассажир?

Он лишь улыбнулся и ответил:

– Особый пассажир.

Декольте было слишком привлекательным.

Когда Рома придерживал дверцу, его взгляд дважды зацепился за грудь Анны, и жжение в паху продолжалось даже тогда, когда он сел за руль. Анна выбрала сидение справа, так что всегда видела водителя. В салоне «мерседеса» тут же запахло сладкой клубникой, которая будто бы проникала в лёгкие и заполняла их чем-то опьяняющим, таким непривычным. Рома попытался вспомнить аромат Настиных духов, но не смог. В его голове представлялась лишь спелая клубника, размещённая на верхушке торта со сливками.

– Куда едем?

Она продиктовала адрес, и уже через несколько секунд навигатор выстроил маршрут.

Рома повернул ключ в замке зажигания и с удовольствием услышал, как взревел двигатель зверя. Лёгкая вибрация волной прошла по салону, пощекотав ноги сидящих. Колёса медленно начали движение, но стрелка спидометра продолжала стремительно ползти к более высокой скорости. По обещаниям спутников пробки были лишь в самом центре города, но туда соваться Рома не собирался, ведь и так мог доехать примерно за час.

– А это же, если я не ошибаюсь, какая-то кофейня? Не

ваш дом?

– Нет, я живу в кофейне! Ну что за глупый вопрос, юноша? – Он поймал в зеркале заднего вида её смеющиеся, всё ещё красные глаза. – Я еду туда навстречу с коллегами. Будем обсуждать новый фильм и определяться с типами персонажей. Но будь я проклята, если хочу этого! Лучше бы я сейчас лежала в ванне с горячей водой и пила вино.

– Вы не замужем?

С заднего сидения донёлся искренний смех.

– А тебе какое дело, красавчик? Хочешь украсть взрослую тётеньку из мира кино?

– Просто когда женщина говорит, что хочет принять ванну с бокалом вина в руках, почти в ста процентах случаев у неё никого нет, иначе бы она разделяла эту ванну с кем-то. Может, с женщиной, может, с мужчиной – в зависимости от ориентации.

– Или с котом. Знаете, мой кот любит наблюдать за мной, когда я моюсь. – Небольшая пауза. – Вы бы хотели быть моим котом?

– Быть вашим котом? – Рома не знал, что ответить, поэтому просто рассмеялся, расплывшись в слегка смущённой улыбке.

Впервые кто-то с ним это сделал.

– Да, моим котом. Я бы назвала вас Пусик и никогда не закрывала дверь в ванную.

Она играет со мной. Она же не из обычного сорта лю-

дей, поэтому и привыкла так делать. И привыкла, что все ведутся у неё на поводу. Меняет тему.

Что ж, подыграем ей.

– На месте вашего кота я бы пошёл в отдел полиции и сказал, что меня держат в сексуальном плену и не дают нормально жить своей кошачьей жизнью.

Анна вновь рассмеялась, но очень тихо, будто её голову занимали совсем другие мысли. Она сняла туфли и полностью легла на задние сиденья, протяжно вздохнув. Увидев это в отражении зеркала, Рома спросил:

– Пристегнуться не хотите?

– Господи, ну вот только вы не начинайте. Прямо все у нас соблюдают правила, ага. Вы лучше на дорогу смотрите, а не на мою грудь, – она поймала в зеркале его взгляд и одарила ехидной улыбкой. – За меня не переживайте. Со мной жизнь что только не вытворяла, но я всё время как-то выкручивалась.

– Я за вас не переживаю, Анна. Я переживаю за свою безопасность и машину, потому что мне не очень хочется вас потом соскрести с асфальта. Так что пристегнитесь, пожалуйста, пока я не разозлился.

– Ого! – В её голосе мелькала игривость, и Рома понял, что она пьяна, когда в очередной раз услышал её смех. – Да вы меня прямо пугаете! Разозлитесь, надо же! Все вы, мужчины, так говорите, угрожаете своим внутренним зверем, а на самом деле «пшик!», – и всё! Сдулся зверёк.

Она знает, что делает.

Рома включил поворотник и съехал на обочину, остановив «мерседес». Он вышел из машины и, дойдя до двери, из окна которой выглядывали два ярко-зелёных огонька, открыл её. Анна уже не лежала, а сидела, слегка оттянув вниз платье. И декольте стало ещё глубже.

– Раз вы не хотите пристёгиваться, я сделаю это сам. – Его руки схватили ремень безопасности и провели через всё женское тело, после чего раздался характерный щелчок. Взгляд то и дело пытался зацепиться за грудь (чёрт, они слишком классные), но всё же Роме удалось смотреть Анне в глаза, замечая её расплывающуюся улыбку.

– Ничего себе, какой мужчина... – Если бы голос можно было пощупать, она бы говорила бархатом. – Взяли, остановились, пристегнули меня. Скажите честно, вы привыкли командовать по жизни? – Их взгляды сцепились в повисшей тишине. – Уверена, у вас много грехов за спиной, потому что вы кажетесь успешным. Если вы глава компании, думаю, не обошлось без хождения по головам. Ведь только львы становятся королями. Так ведь, Роман?

Он молча смотрел на неё, чувствуя на своём лице чужое дыхание. На её щеках до сих пор виднелись оставшиеся от слёз ручейки, а краснота глаз даже и не думала проходить. Но хоть они и было обрамлены алыми сосудами, в них сквозила непоколебимая уверенность и вызов. Вызов этот проглядывал и в сомкнувшихся в улыбке губах – слишком при-

влекательных, чтобы не смотреть.

– Не пейте одна, Анна. Если вдруг и вздумали пропустить пару бокалов, лучше позовите подруг. Они и довезут вас куда угодно, и не позволят сесть незнакомцу в машину.

– Если бы они у меня были, – но её слова отразились от захлопнутой двери и вернулись обратно. Рома вновь обошёл машину и вскоре уселся за руль, проверив, не расстегнула ли ремень безопасности его пассажирка. – Всё хорошо, босс, я вас слушаю. Видите? Даже пальцем не прикоснулась!

– Впереди заправка, если вам плохо, можем там остановиться.

– Я чувствую себя прекрасно, спасибо. Разве можно чувствовать себя плохо в компании такого заботливого мужчины?

– Вы меня плохо знаете, Анна. – Колёса вновь выехали на трассу и покатали в общем потоке машин. – Я далеко не заботливый и не хороший человек. Может, я стараюсь им быть, но получается у меня хреново.

– Дайте угадаю. Ваша семья называет или называла вас жестоким, да?

Ответа не последовало.

– Значит, я права. У меня была такая же история, симпатичный молодой человек. Знаете, семья, безусловно – святая вещь, но когда ты начинаешь пытаться добиться успеха в том, в чём никто из семьи себя не пробовал, тебя тут же тянут обратно вниз, ведь ты же изменяешь традициям! Зна-

ете, Роман... Вас же Роман зовут?

– Да, меня зовут Роман. А вас – Анна.

– Спасибо, я помню, как меня зовут. – Они заехали в туннель, и теперь, когда взгляды обоих встречались в отражении зеркала, каждый из них был обрамлён тусклым оранжевым светом. – Так вот, Роман, знаете ли, я нажила себе много врагов, пока становилась всемирно известной актрисой. И у вас, думаю, также немало, хотя мне всё равно. Я уверена в одном, Роман. Роман... Роман... – Она повторяла его имя вслух, будто пробовала каждую букву на вкус и рассасывала её. – Господи, у вас имя такое красивое. Романтичное! – По салону автомобиля волной разнёсся смех пьяной женщины, чей язык полностью развязался. – Наверное, у такого симпатяги точно есть девушка. И у вас будут красивые детки, поверьте! Если, конечно, ваша возлюбленная не уродина. Но такое маловероятно, потому что у вас хороши вкус, раз вы решили подвезти меня. Меня, Анну Белую, королеву Голливудской эстрады!

Она откинулась на спинку сидения и закрыла глаза. Туннель остался позади, унеся с собой оранжевый свет. Погода всё так же радовала, ведь висящее в небе солнце и прохладный ветерок были большой редкостью для Петербурга, привыкшего к постоянным серым дождям. За время поездки ещё ни один скрытый гений не попытался подрезать машину. Ни один пешеход не выбежал на дорогу и не посчитал себя бессмертным. Всё было прекрасно, и пение птиц подтвер-

ждало это. Но почему тогда он так волновался? Почему тогда где-то глубоко в груди била в колокольчик тревога? Не было ни малейшего повода переживать, но кто-то смог задеть те струны в его душе, которые не удавалось задеть никому. Вот что значит успешный человек. Он выдаёт себя в разговоре и ощупывает мозг собеседника лишь одними глазами, ведь уже проделывал это сотни и сотни раз за свою карьеру.

Но я тоже не пальцем деланный, Аннушка. Может, я и не был в Голливуде, но я вырос на улицах. Считай, оба варианта – огромная клетка со зверьём, где только сильнейший выходит живым.

– Можно я покурю?

– Нет, нельзя. – Он увидел в её пальцах тоненькую сигарету – такую же эстетичную, как и сама хозяйка.

– А если я очень вежливо попрошу? – Она чуть наклонилась вперёд, явно собираясь стать поближе к водителю, но ремень аккуратно удержал её.

– Я очень вежливо откажу. Вы, мадемуазель, в моей машине, а она не любит запах табака. Так что давайте не будем её расстраивать.

– Ну как скажете, мой командир.

Анна убрала всё обратно в сумочку и с шумным выдохом выпрямила спину. За окном такой яркий мир куда-то бежал, а сами они, казалось, стояли на месте, и это только планета мчалась с бешеной скоростью. Мимо проехал мотоциклист, которого сзади обнимала молоденькая спутница. Лю-

бовь... Дурацкая, подростковая, но любовь... Как же прекрасна эта юная влюблённость, полная беззаботности! Секс по два раза в день, романтические прогулки вдоль Невы и бесконечные фотосессии на ночных улицах Петербурга! Это было прекрасно! Никакой Голливуд со своими пальмами не заменит красоту поцелуев под Исаакиевским собором.

– О чём мы говорили?

Рома включил поворотник, перестроился левее, выключил поворотник, после чего ответил:

– Что-то там о семье. Об успехе, по-моему.

– Вы потрясающий слушатель, Роман. Вкратце изложили то, о чём я тут распиналась.

– Можете пораспинаться ещё. У нас много времени.

– Вы так добры. Тогда я продолжу, раз вы не против. Надеюсь, мы больше никогда в жизни не увидимся. Понимаете... рассказывать о своих проблемах незнакомцу куда легче, чем кому-то другому. С другой стороны, вы можете опубликовать всё сказанное мной в интернете, и многие поверят, но вот только мне будет плевать. Мне теперь на всё плевать.

– Именно поэтому вы пьёте?

– Именно поэтому я пью. А что ещё мне остаётся делать? Ни семьи, ни детей, только всемирная слава. И насчёт семьи... – Она случайно икнула и тут же сделала глубокий вдох, задержав в лёгких воздух. Через несколько секунд он вышел через нос вместе с икотой. – Вы как успешный человек, должно быть, сталкивались с тем, что над вашей безум-

ной идеей смеялись родители. Конечно сталкивались, как и большинство тех, кто решает открыть свой бизнес или, например, стать актрисой, когда мама – бухгалтер, а отец работает на заводе. И когда ты вдруг начинаешь забивать на учёбу и развивать свой талант, ходить на специальные занятия, прослушивания и ещё бог знает что, эти самые люди, эти самые близкие тебе люди говорят, чтобы ты перестала заниматься ерундой и пошла уже по проверенным тропам, а не прокладывала новые. И это больно! Это очень, блин, больно! Ты стремишься к своей мечте, а твоя семья тянет тебя назад, потому что сами они к этой мечте ни разу не приходили! И вот здесь важно иметь характер. Жёсткий и непоколебимый. Потому что если ты знаешь, чего хочешь, то идёшь и берёшь это! Одна, не одна – плевать! Я хочу и я возьму! Только так, мать вашу, добиваются успеха! – Её щёки пылали, а дыхание сбилось из-за громкого крика. Только сейчас Анна поняла, что отдалась эмоциям, поэтому постаралась взять себя в руки и успокоиться. – А теперь они просят у меня денег. Забавно, правда? Люди, пытавшиеся отговорить меня от мечты, теперь просят помощи, потому что не смогли забраться так высоко, как смогла я. Я пахала над своим будущим, когда в меня никто не верил. Работала, когда подружки трахались в клубах. Я лишилась девственности лишь в двадцать три года, представляете? Вот настолько сильно желание стать всемирно известной актрисой засело в моей голове. И давно исполнилось всё то, о чём я мечтала. Просто не жизнь, а сказ-

ка! Моё лицо на постерах оскароносных фильмов, у мужчин наступает безумная эрекция, когда я прохожу рядом, а модельные агентства не перестают мне названивать, чтобы запечатлеть мою фигуру и продать фотографии какому-нибудь модному журналу. Всё это так утомляет, знаете ли. Даже под ласковым солнцем Америки. Я невероятно сексуальна, заметили? Это не заметит только слепой, и то, если он не импотент, почувствует сексуальность в воздухе. Со мной мечтает переспать каждый первый мужчина, которого я вижу на улице. Но знаете, Роман, чего мне до сих пор не хватает? О чём я так жаростно прошу бога?

Он уловил дрожь в её голосе и очень аккуратно спросил:

– Чего вам не хватает?

– Хорошего секса. Вот чего мне не хватает. Во мне не было мужчины пять лет. – Она грустно рассмеялась, как бы подчёркивая трагизм высказанного. – От моей задницы встанёт даже у мертвеца, но никто не был в дебрях уже целых пять грёбаных лет! Только пальцы. Они всегда со мной. Мои пальцы вернее многих мужчин.

– Зачем вы мне это рассказываете?

– Да потому что я пьяна, милый! Я пьяна и обкурена, так что не мешай мне исповедоваться и просто слушай. Может, соберёшь горячий материал для какой-то сплетни-статьи.

Они подъехали к зелёному «Солярису» и пристроились к нему, когда на светофоре загорелся красный свет. Рома, уже привыкший к сладковатому запаху клубники, повернулся и

посмотрел в глаза женщине, покорно пристёгнутой на заднем сидении автомобиля.

– Анна, вы можете мне не доверять, но знайте, что всё, сказанное вами в этой машине, останется в моей голове и только в ней. Я не трепло, а мужчина. Никуда сливать информацию про вашу личную жизнь я не собираюсь. Что рассказывать – ваш выбор, но это дойдёт только до меня. И опустите платье. У вас слишком оголенно бедро.

Она так и сделала, не сводя взгляда с Ромы. Когда её светлая кожа скрылась под алой тканью, он вновь стал следить за дорогой, но продолжал слушать льющийся к нему голос.

– Знаете, Роман, в последнее время я поняла одну очень забавную и вместе с тем невероятно грустную вещь. Жизнь – лучшая сценаристка. Эта сучка так выстраивает иронию на твоём пути, что просто хочется подавиться слезами и сдохнуть. И вот над сценарием к фильму *«Жизнь Анны Белой»* она поработала со всей грёбанной душой! И хотите, я вам расскажу, в чём заключается главная ирония моей жизни?

Теперь она не скрывала дрожь в своём голосе, и даже не глядя на неё, Рома мог представить, как судорожно трясётся её верхняя губа.

– Позвольте мне догадаться?

Анна несколько секунд молчала, явно обдумывая вопрос. За это время одна бессмертная мамаша с таким же бессмертным ребёнком в коляске начала переходить дорогу в неполюженном месте. Рома остановился и пропустил её, искренне

пожелав ребёночку побольше мозгов, чем было у его матери. Когда дорога вновь стала чистой, он поехал дальше.

– Ладно, попробуйте.

– Мне кажется, ирония вашей жизни заключается в том, что в беззаботной юности вы пахали и пахали над своей мечтой, в то время как ваши подруги, как вы выражаетесь, трахались в клубах. Готов поспорить, вы говорили себе: «Это всё окупится, ведь кто не захочет голливудскую актрису?» И вы даже пошли против убеждений семьи, что не очень то плохо. Вы думали, что обретёте семейное счастье позже, но вот вам уже тридцать семь, а у вас ни мужа, ни детей, никого. И вот, пожалуйста, ирон... – До него донёсся громкий всхлип, и только сейчас Рома понял, что говорил слишком грубо.

Женщина на заднем сидении закрыла лицо руками, будто хотела так спрятаться от всего мира. Её плечи находились в постоянном движении, и ещё один всхлип вырвался из-под прижатых ладоней, когда Рома решил остановить машину. Он вновь съехал на обочину, отстегнул ремень безопасности и вышел наружу. Через несколько секунд дверца со стороны пассажирского сидения открылась и на женское плечо легла мужская рука.

– Анна, простите, мне не следов...

– Нет, нет, нет, всё в порядке. Вы сказали правду. Угадали. – Она подняла голову и всмотрелась в его карие глаза. – Вы правы, да. Всё именно так. Ирония в том, что мне не хва-

тает семьи. – Губы прижались друг к другу – это было чертовски заметно. Как и её слегка дергающийся левый глаз. Всё лицо Анны, казалось, мигом состарилось, прорезавшись глубокими морщинами. Они расползлись у краешков зелёных глаз, появившись над аккуратненьким носом, и совсем чуть-чуть выглядывали из уголков рта. До этого момента Рома не замечал лиловых мешков от недосыпа, пусть те только-только появлялись. Женщина, сидевшая перед ним, выглядела явно больной, и болезнь эта не лечилась препаратами. – Мне нужно закурить. Можно я выйду, раз в машине этого делать нельзя?

– Конечно, – Рома помог ей выбраться и прошёл с ней под руку несколько шагов.

Они остановились недалеко от заправки, так что теперь могли наблюдать, как рабочий обслуживал невысокую блондинку, приехавшую на огромном чёрном внедорожнике. Их голоса растворялись в воздухе, но по активной жестикуляции девушки можно было понять, что она чем-то недовольна. Рабочий лишь молча стоял и выслушивал все жалобы в свою сторону.

Крепись, братишка.

– Будете? – Анна предложила ему уже раскуренную сигарету – такую же тонкую, как и струны её души.

– Нет, спасибо. Я не курю.

– И правильно делаете. – Новая порция дыма вырвалась из её лёгких, растворившись после в прохладном ветерке. –

Курение вредит организму и способно сделать детей уродами. Вон, в Кунсткамере полно таких. У меня деток уже не будет, – она подавила всхлип и продолжила, – а мужчину, похоже, я себе уже не найду. Поэтому живу для себя. Отыгрываю чужие роли, курю, пью и наслаждаюсь грёбанной жизнью. И хотела бы трахаться, но... Роман, как давно у вас был секс?

Этот вопрос слегка выбил его из колеи, но, промолчав пару секунд, он ответил:

– Сегодня утром.

Зелёные глаза широко раскрылись.

–И как? Вам понравилось?

В голове мелькнула обнажённая спина Насти, по которой стелились молочно-шоколадные волосы. Её упругие ягодицы и знающие своё дело бёдра. Воспоминание о том, как она сжимала их, когда была на нём, заставило появиться дрожь в нижней части живота. Еле видимый, но такой привлекательный пресс и влажные губы, причмокивающие у самого уха... Рома постарался отогнать все эти образы, но наткнулся взглядом на декольте и замер. Пару секунд он просто таранился на безупречные груди Анны и невольно сравнивал их с Настинными. И здесь, без сомнений, очко отдавалось Анне. Всем известно, что мужчины любят, в первую очередь, глазами.

С большим трудом ему удалось увести глаза от этих двух бомбовых ядер, после чего он отвернулся. Вновь уставил-

ся на заправку, взглянул на блестящую поверхность своего «мерседеса» и впервые ощутил то, что никогда не позволял себе ощущать с момента вхождения в бизнес-джунгли – кто-то копошился в его мозгу. Чьи-то пальцы смогли задеть то неприкасаемое внутри него, что Рома всегда мастерски скрывал во время переговоров, и сделал это женщина менее чем за полчаса! Охренеть! Просто охренеть!

Может, так на нём сказывается прошедшая с мигренью ночь? Может, это то проклятое виски или несчастные похороны... ладно, пусть будет отца. Скорее всего так проявляет себя весь накопившийся стресс, избавиться от которого просто невозможно.

Да что ты говоришь, подумал Рома. Какой, к чёрту, стресс? Ты снял его, проведя утро в постели с любимой девушкой. Господи, это был божественный секс! Ты чувствовал себя чуть ли не самым счастливым человеком на Земле, когда прижимал к себе голую Настю и слушал её болтовню. Так что не рассказывай тут сказки про стресс. Эта женщина смогла разглядеть тебя, признай это. Она из большого мира и провела переговоров побольше твоего, так что её не проведёшь. Но всё равно мы можем...

– Роман, – женская ладонь аккуратно дотронулась до его плеча, заставив повернуться и встретиться с двумя яркими зелёными огоньками. – Простите, если сделала что-то, что заставило вас почувствовать стыд. Для мужчин это естественно – липнуть взглядом к тому, кто так тянет. В этом

нет ничего плохого. И я хочу сказать, что ваша избранница может смело гордиться вами, потому что вы отвернулись, не позволив себе долго смотреть на мою грудь. Хотя, готова поспорить, нижняя часть вашего тела ещё не успокоилась. – Улыбка озарила её уставшее лицо, сделав его ещё красивее. – Но довольно об этом, о сексе, иначе я снова расплачусь. Признаюсь, в машине я слегка возбудилась – сама не знаю почему, – но это быстро прошло. И теперь я хочу как можно скорее прибыть домой, чтобы снять стресс.

Снять стресс...

На последнем слове её колено предательски подогнулось, а правое бедро слегка напряглось. Анна бросила сигарету на землю и вернулась к машине. Сама открыла дверцу, сама села внутрь.

Рома ещё несколько секунд постоял один, обдуваемый прохладным летним ветерком. Машины проносились мимо подобно каким-то дешёвым декорациям, и вообще весь мир вдруг показался одной сплошной декорацией. От неё пахло фальшью, чем-то ненастоящим. Настоящим был только он сам, Рома, загнанный в этот фильм и не знающий сценария. Настоящей была и Анна, но знала ли она этот сценарий? Знал ли вообще кто-нибудь сценарий жизни или это лишь череда нелепых случайностей, которые приводят к поражающим воображения последствиям? Как бы то ни было, где бы ни скрывался проворный оператор, необходимо было принимать решение. Рома занимался этим всю жизнь, но

сейчас впервые замялся, и лишь смотрящие через окно зелёные глаза подсказали ему, что делать.

Он подошёл к машине, сел за руль и повернулся к Анне. Та была пристёгнута и сидела всё на том же месте – заднее сидение справа. Её алое платье резко контрастировало с чёрной обшивкой сидений, что только подчёркивало красоту фигуры. На лице ещё блестели дорожки от сорвавшихся слёз, но новых, к счастью, не появлялось.

Рома взял ладонь Анны в свою и мягко спросил:

– С вами всё в порядке?

Она мягко ответила:

– Да, не переживайте. Просто я разнервничалась, вот и всё. Я же женщина, мне можно. – И одарила его улыбкой, пропитанной усталостью.

Следующие полчаса они ехали молча, не разговаривая друг с другом. Рома пытался продолжить разговор, но все его попытки заканчивались парой дружелюбных фраз, после чего каждый из них вновь замолкал. Поэтому ближе к концу поездки он включил радио, по которому прямо сейчас горячо обсуждалась какая-то тема.

– ...полностью справедливо! И на его месте я поступил бы точно так же! Я бы не только убил этого мерзавца, изнасиловавшего мою дочь, но и заставил почувствовать себя на десятом кругу ада!

– Михаил, – голос явно принадлежал женщине, судя по всему, успокаивающей буйного Михаила, – поймите, что по-

нения о справедливости субъективны, а закон един. И по закону мужчина совершил убийство, даже мстя за свою изнасилованную дочь.

– Переключите, пожалуйста. – Анна легонько дотронулась до плеча Ромы, как маленький котёнок дотрагивается до пальца человека. Он включил другую радиостанцию, и из динамиков тут же полилась современная песня про несчастную интернет-любовь. – Так-то лучше. Хотя, я бы лучше послушала Zivert. Мне нравятся её композиции. Они...не знаю. Будто она поёт о том, что я чувствую, но не могу сформулировать. Вы знаете эту певицу?

– Да, но я предпочитаю зарубежных исполнителей. Малоизвестных. Многие из них даже не дают концерты. Потому что когда ребята делают музыку, зарабатывая на этом совсем немного, они делают её с любовью.

– И какую музыку вы слушаете, Роман?

Они почти подъехали к той самой кофейне, в которой у Анны должна с минуты на минуту состояться встреча. Прямо перед ними светофор сменил цвет с жёлтого на красный, и когда «мерседес» остановился, Рома снял телефон с держателя. Где в этом районе располагалась кофейня он знал, поэтому свернул навигатор и открыл плейлист скачанной музыки. Пока он выбирал лучшую для прослушивания песню, светофор вновь заиграл зелёным, а поток машин продолжил движение.

– Подержите, – Рома отдал телефон Анне и взялся за

руль. – Там более двухсот песен, все они, на мой взгляд, прекрасны. Можете выбрать любую, я о своих ушах забочусь.

– *Never Let Me Down*. Так называется одна из песен. – Она помолчала несколько секунд, затем продолжила. – Поют *The Spiritual Machines*. Одухотворённые машины поют «Никогда Не Подводи Меня». Вам нравится лирика, Роман?

– В школе я писал стихи и небольшие рассказы, так что как поэт я просто обязан любить лирику.

– Женщины без ума от поэтов. Говорю вам как особа, которую крайне тяжело возбудить. Но... женщинам нравятся именно мужественные поэты, а не половые тряпки. Про таких говорят: «Воин с сердцем поэта». А любой даме в первую очередь нужен воин. Сильный... Нежный... Умеющий всегда утеш...

– Анна, включайте музыку.

Их взгляды встретились в отражении зеркала, будто знали, что поймают друг друга. На мгновение зелёные глаза вот-вот что-то сказали бы, но они опустились вниз и всмотрелись в экран сенсорного телефона. Одухотворённые машины хотели спеть, и Анна дала им такую возможность, нажав кнопку проигрывания.

Она поставила громкость на максимум и стала слушать.

Салон автомобиля тут же заполнил стук бьющегося сердца, и казалось, сердце это принадлежало именно «мерседесу», этому чёрному монстру. От каждых следующих ударов по сидениям волной пробегала вибрация, звук не просто ви-

тал в воздухе, а проникал глубоко в лёгкие и мозг. Вскоре к сердцебиению присоединился тихий мужской, чертовски сексуальный голос. И когда начался первый куплет, Анна откинулась на спинку сидения и закрыла глаза. Песня была действительно хороша.

Это была одна из тех песен, что против твоей воли вырывают в голове самые наглые, самые невозможные мечтания. Эта волшебная музыка отрывала от реальности и уносила куда-то далеко, рассказывая собственную историю. Тело осталось позади, всё вокруг превратилось в непроглядную тьму, и единственное, что было настоящим – песня. Она пробирала до мурашек, будто дотрагивалась до скрытого ото всех, до самого сокровенного.

И под эту песню хотелось любить.

Горячо и страстно. Медленно и нежно.

Когда машину вновь заполнили удары сердца, после чего песня закончилась, Анна с трудом открыла глаза. Но открыв их, еле смогла сформулировать предложения:

– Всё, что мы можем – это только дышать. Интересные слова... – Её дыхание было неровным. Чертовски неровным! Как будто она только что пробежала марафон. – Знаете, песня и вправду отличная. Я такой никогда раньше не... – Её ноги предательски захотели распрямиться, поэтому она согнула их, поджав губы. – Вы... Как назыв... – Увидев, что они уже у кофейни, Анна выскочила из машины и, не оглядываясь, начала удаляться.

Рома смотрел ей вслед, пока она не скрылась за дверью заведения. Двигатель работал на холостых оборотах, и лишь его ласковое урчание не давало тишине поглотить собой мир. Обод руля стал слегка влажным, так что Роме пришлось вытереть вспотевшие ладони об брюки.

Через какое-то время он также вышел из машины и положил руку на оставленную открытой дверцу заднего сидения. Рома не собирался догнать Анну и просить о чём-то – например, задать вопрос, почему она так внезапно исчезла, – но он наткнулся взглядом на лежащий под сидением фиолетовый прямоугольник. Поднял его и осмотрел.

Это была простая визитка, на которой обычно пишут имена нужных (или не особо нужных) людей, их услуги, контакты и тому подобное. Но эта визитка была посвящена конкретному событию – некий такой пригласительный билет. На самом верху крупным белыми буквами вывели: «**Вечер с Анной Белой**». И чуть ниже более мелким шрифтом: «*С детства вы мечтаете стать актёром, актрисой или просто посвятить себя кино? И ещё не решились сделать первый шаг? Поздравляем! Вам поможет сделать это Анна Белая – знаменитая голливудская актриса, номинированная на «Оскар»! Скорее воплотите свою мечту в жизнь и пообщайтесь с вашим кумиром живую!*» Заключительными словами были: «**Четверг, 18:00, кофейня «Флирт».**

Рома поднял взгляд и прочитал название кофейни, к которой сам же подъехал.

Флирт.

– В её платье не было карманов. – Он убрал визитку, снова сел за руль и, вдыхая запах клубники, рассмеялся. – Вот же чертовка! – После чего поехал домой.

К ждущей его Насте.

11

Но она его не встретила, потому что заснула прямо на застеленной ею же кровати. На Насте не было абсолютно никакой одежды, поэтому Рома укрыл её лежавшим на диван пледом и пошёл на кухню. Съел холодную яичницу, сделал пару бутербродов, приготовил кофе, который был совсем не кофе, а молоком с цикорием и кипятком. Позавтракав, он разделся, забрался под плед и лёг рядом с Настей, обняв её так, будто делал это впервые. От соприкосновения с её кожей по его телу пробежали мурашки. Рома нежно поцеловал Настю в плечо, после чего услышал недовольный стон.

– Дай поспать, мерзавец.

Он лишь улыбнулся и крепче обнял свою любимую.

Они провели целый день вместе. Гуляли по парку и даже сыграли в бадминтон. В бадминтон! Хотя Настя всячески поддавалась ему, всё же Роме как-то удавалось всё время проигрывать, и зачастую он делал это, падая на землю. Но сиюминутную боль притуплял смех Насти, и они снова продолжали игру, прыгая и веселясь. Солнечные лучи освещали её стройные ножки, прикрытые лишь короткими спортивными шортами, которые скорее напоминали Ромины трусы-боксеры. Раньше его выводили из себя постоянные взгляды прохожих (в основном мужчин) на манящие формы Насти, но вскоре научился игнорировать их и наслаждаться тем, что эти формы позволено трогать только ему. Белая майка обтягивала торс Насти и от возникшего пота она лишь сильнее прилипла к телу, отчего переход от плоского живота к груди стал ещё более заметным. День принадлежал им двоим, и ночь, соответственно, тоже, но оба были уставшими, так что они просто приняли душ и вместе заснули, не пропустив пару шуточек перед сном.

К полуночи каждый уже тихо сопел и набирался сил к новому, предстоящему дню.

Роме ничего не снилось.

Разве что в голове пару раз промелькнуло красное декольте.

Понедельник прошёл как понедельник.

Начался он с будильника, мелодия которого разносилась где-то далеко-далеко. Но этот понедельник был гораздо лучше субботы, потому что начался он с поцелуя любимой женщины и обалденных блинчиков.

Тоже от любимой женщины.

– Довезёшь меня до учёбы?

– Конечно, – Рома добавил к блинчикам сметаны и вновь подумал, как же хорошо на Насте сидят его рубашки. – Но только у меня одно условие.

– И какое же?

– Ты перестанешь приходить ко мне в офис только ради того, чтобы посмотреть на Марию. Она уже начинает смущаться.

– Да не смотрю я на неё! Я просто проверяю, как ты там и...

–...и постоянно поджимаешь губы, когда она откровенно наряжается. Ревнуля моя.

– Я не... – Она в шутку замахнулась и указала на блинчики. – Ешь давай и не умничай. Я буду приходить к тебе тогда, когда захочу. И передай Марии, что на рубашках существуют ещё и верхние пуговицы. Вдруг она не знает.

Рома засмеялся и легонько шлёпнул Настю по попе, после чего принялся заканчивать завтрак.

Он отвёз её до университета, всё время смеясь и улыбаясь, потому что она то и дело пританцовывала под музыку и колко шутила над всем, что происходило вокруг. В чувстве юмора Насте не было равных, и, скорее всего, именно это в ней покорило Рому. Эта редкая способность замечать забавное в обыденном и смеяться над собственными же шутками заставляла сердце таять, а улыбку – расширяться.

Разве можно не любить девушку с доброй душой и отличным юмором?

После того как они распрощались, Рома поехал на работу. Там его встретили улыбающиеся подчинённые, будто действительно многие из них радовались его приходу. Но чья улыбка была ослепительнее всех, так это улыбка Марии. Сегодня на ней была простая бледно-розовая рубашка с деловой чёрной юбкой, не скрывающей стройность ног. Верхние пуговицы как всегда были расстёгнуты, и даже самый стойкий мужчина на свете не мог бы сдержать взгляд перед е декольте. «У неё нет парня, – подумал Рома, когда поздоровался с ней. – Нет парня и живёт она одна, потому что ни один молодой человек не позволил бы себе отпустить свою избранницу на работу в таком виде». Но Рома знал, как много шаров в его коллективе подкатываются к Марии и как элегантно она парирует всякие заигрывания, давая понять, что её ноги останутся при ней. Она точно не являлась lesbi-

янской, иначе бы не подчёркивала свою внушительную грудь каждый раз, когда выходила на работу, где большую часть составляли именно мужчины. Молодые, голодные мужчины. Но ни один из них даже близко не подобрался к сердцу Марии или, хотя бы, к груди.

Но Рома был уверен, что если он захочет снять эту бледно-розовую рубашку, Мария поможет ему расстегнуть оставшиеся пуговицы.

– Доброе утро, Роман Алексеевич.

– Привет, Мария. – Взгляд скользнул в декольте, но тут же вернулся назад. – Занеси ко мне в кабинет прошлый договор о перепродаже недвижимости. Тот, что уже не действует. Мне нужно кое-что проверить. И ещё... – Он посмотрело в её карие, такого же оттенка как и его глаза. – Настя просила передать тебе, что на рубашках существуют ещё верхние пуговицы. Просто понимаешь, Мария, ты так выглядишь слишком сексуально, и при взгляде на тебя у большинства моих подчинённых отключается большая голова и включается маленькая. А мне нужно, чтобы у них работала именно большая. Так что, Мария, прошу тебя, не создавай проблему. Застегнись.

– Я бы с радостью, босс, но даже при всём желании я не смогу это сделать. Рубашка слишком мала, пуговицы просто сорвутся.

Рома поджал губы и оглянулся. На них (на неё) частенько смотрели молодые парни, которым следовало выполнять

свою работу, а не паяться на чужие сиськи. Рома был готов к любой проблеме в коллективе, но о слишком сексуальном сотруднике догадаться не мог даже он.

– Завтра придёшь в свитере. Если его на тебе не будет, я тебя уволю.

И с этими словами ушёл к себе в кабинет.

День, слава богу, прошёл без происшествий. Из необычного был только слегка злобный взгляд Марии, но он лишь веселил, потому что настоящей злобы в нём не было. Обида? Да. Желание отыграться? Может быть. В любом случае Роме было плевать, ведь работы за время его отсутствия накопилось неприлично много, и разгрести её пришлось до семи часов вечера, хотя рабочий день закончился в шесть.

Настя поехала к себе домой, к родителям. Они с Ромой поболтали перед сном, показали друг другу языки по видеосвязи и улеглись спать – каждый в свою кровать.

На следующий день, во вторник, 14 июля, Мария явилась на работу в свитере, как и было приказано. Но даже здесь она умудрилась сохранить в себе сексуальность: свитер обтягивал её торс, подчёркивая тонкую талию и выделяя объёмную грудь. Скорее всего она продаст душу дьяволу, чем согласиться выйти в том, что скрывает все её достоинства. Но даже такой вариант устроил Рому, поэтому он и похвалил Марию, когда та пришла на работу.

К полудню была назначена встреча в парке – естественно, место выбирал Рома. Погода позволяла прогуляться по зе-

лёным аллеям, обдуваемым прохладным ветерком. Переговоры по поводу отмены продления контракта по аренде помещения прошли успешно – Роме удалось уговорить клиентов не делать этого и предложил им более выгодную сделку. Конечно, пришлось им слегка запудрить мозги, чтобы сделка показалась им действительно выгодной. Они думали, что уйдут в плюс, и пусть думают дальше. Чем больше пешка считает, что управляет игрой, тем меньше она делает это на самом деле. «Ваши денюжки скоро станут нашими, – думал Рома, когда, улыбаясь, пожимал руку. – Уверены, что я новичок и нечего не смыслю в бизнесе, но сделаю вас банкротами. Вот увидите, деньги не пахнут».

Вернувшись с офис, он решил отдохнуть и на протяжении следующих двух часов читал художественную литературу, пока кто-то не постучал в дверь.

– Да, войдите.

На пороге его кабинета появилась женская фигура. Крутые бёдра, длинные ноги и ярко-красные губы на чистом лице. Это была Мария. В руках она держала кипу бумаг и, стуча каблуками (как женщины на них ходят?), дошла до стола. Поставила всё содержимое и посмотрела на Рому через оправу своих очков.

Её рот открылся в попытке что-то сказать, но тут же закрылся, будто резко передумал. При взгляде на неё снизу вверх казалось, словно свитер был намного сексуальнее рубашки, ведь рубашка так не обтягивала тело. Алые ногти

встали на поверхности стола, и Рома буквально ощущал дыхание, исходящее из полуоткрытых губ.

– Ты хочешь что-то сказать, Мария?

– Да, – она поправила тёмные волосы и прижалась бёдрами к столу, будто позади неё кто-то стоял. – Какой... какой у вас любимый цвет?

Рома отложил книгу в сторону и задумался. Не каждый день тебе задают такие вопросы, особенно – аппетитные цыпочки в обтягивающих свитерах. Сквозь тонкую ткань проглядывал полукружия грудей, так и заставляя задуматься о том, какие же они на ощупь. Карие глаза находились в постоянном движении и лишь на мгновение задерживались на месте, когда натыкались на себе подобные.

– Что ты имеешь в виду?

– Ну... просто понимаете. Я... – она нервно хихикнула, прикрыв рот рукой. Сбитое дыхание ясно слышалось в её голосе и с каждой секундой всё больше казалось, что вот-вот она задохнётся.

Рома встал и направился к Марии. Она напряглась, когда он прошёл мимо неё, взял пустовавший в углу кабинета стул и поставил его перед столом, после чего вновь сел на своё место.

– Присядь, пожалуйста. Ты выглядишь взволнованной, а секретарю главы компании вообще запрещено выглядеть взволнованной. И вот, выпей водички. Она прохладная, успокоит тебя.

Мария присела и приняла протянутую ей бутылку. Сделала пару глотков, закрыла глаза, медленно выдохнула.

– Роман Алексеевич, я хотела сделать вам сюрприз, но теперь, похоже, не выйдет. Подарок обычный. Ну и я решила спросить, какой у вас любимый цвет.

Её взгляд ничем не отличался от взгляда ученика, давшего неправильный ответ и теперь ждущего реакции строгого учителя. Рому эта мысль позабавила и заставила слегка улыбнуться, что чуточку разбавило окружающую их обстановку.

Он добавил в свой голос доброжелательности, как только заговорил:

– Мария, для меня самым лучшим подарком будут твоя эффективная работа, твой успех и твои заслуги в моём офисе. Ты умничка, я горжусь тобой. Но раз уж ты пришла, – он раскинулся в кресле, как делал всегда, когда назревал долгий разговор, – давай поболтаем откровенно. Смотри, на часах, что висят за твоей спиной, стрелки показывают восемь часов вечера. Рабочий день закончился два часа назад, и в своём офисе я не вижу абсолютно никого. Никого, кроме тебя. – Она медленно вдохнула, будто боялась, что воздух выжжет ей лёгкие. Её спина выпрямилась, а контуры груди стали ещё чётче. – Давай уже расставим все точки над «i», хорошо? Чтобы не было всяких недосказанностей и недонамёков. Я вижу, Мария, как ты на меня смотришь. Я прекрасно понимаю, для чего ты покупаешь рубашки на размер меньше и

почему так часто заходишь ко мне по всяким пустякам. Давай будем откровенны. Я тебе нравлюсь?

Она застыла. Не в силах пошевелиться. Всё её тело замерло и напряглось, глаза широко раскрылись, а губы... алые губы...отдалились друг от друга. Молчание продолжалось несколько секунд, будто ответ требовал долгих размышлений, но, судя по прорезавшимся скулам Марии, требовал он решительности, – и только её. Наконец она взяла себя в руки и сказала:

– Да. Вы мне нравитесь как мужчина.

Как мужчина...

– Ты же в курсе, что у меня есть девушка?

– Я знаю, и она очень симпатичная. Вам с ней очень... очень повезло. А я... – её голос дрогнул, так что пришлось подождать, пока он обретёт спокойствие. – Просто я восхищаюсь вами, Роман Алексеевич. Извините, это была плохая идея, я ни на что не претендую, просто хотела сделать вам подарок.

– Подарок не заглушит твоих чувств. Мария, посмотри на меня. Посмотри – Она подняла взгляд и всмотрелась в глаза босса. Рома взял её ладони в свои и почувствовал, какие они потные. – Ты отличный секретарь, знаешь об этом? Отлично справляешься со своими обязанностями, и я уверен, что впереди тебя ждут только подъёмы по карьерной лестнице. Ты чертовски сексуальна. Тебе стоит один раз выйти на улицу в майке и шортах, как ту же падёт сильная полови-

на человечества. – Она слабо рассмеялась, но этого хватило, чтобы вызвать улыбку на её лице. – Пойми, пожалуйста, что я твой начальник, и в первую очередь меня интересует то, как ты выполняешь свою работу. Романтические отношения лишь навредят ей. Да, зато я смогу хлопнуть тебя по попе, когда буду проходить мимо, и мы сможем трахаться прямо на этом столе, но такими темпами компания рухнет, а я этого не хочу. Ой как не хочу. Тем более, ты плохо знаешь меня как человека, а если узнаешь, с большой долей вероятности перестанешь со мной встречаться, работа пойдёт ещё хуже, потому что босс и секретарша – бывшие любовники. Это, по-твоему, хорошо?

– Нет, – она не сдержалась и зарыдала, освободив руки и прикрыв ими лицо. Рома успел заметить на её щеках блестящие дорожки от слёз и хотел бы сказать, что испытал жалость, но на самом деле это было удовлетворение. Необъяснимое, но удовольствие, лстящее мужскому самолюбию.

Тем не менее он поднялся и подошёл к Марии, попросив её встать. Как только она это сделала, тут же обнял её и прижал к себе, сначала ощутив, как тело под его слегка сопротивляется, но потом всё больше и больше поддаётся. Мария уткнулась лицом Роме в шею и сомкнула руки на спине. Сейчас уже она обнимала его и обнимала так, будто ждала этого всю жизнь.

Наклонившись над её ухом, он начал говорить:

– Давай так: я даю тебе отпуск и ты неделю отдыхаешь.

Приводишь мысли в порядок и разбираешься в самой себе, в своих чувствах. Я не хочу тебя увольнять. Ты хороший сотрудник, но романа на работе я не допущу. Успокаивайся и иди домой. Можешь смело отдыхать.

Она слегка отпрянула от Ромы, не отрывая взгляда от его глаз...и губ. Она всё время смотрела на его губы. Сжала свои, после чего тихо проговорила:

– Хорошо.

– Ну и хорошо, что хорошо. Ты иди домой, а я оформлю документы о твоём отпус...

Она поцеловала его, не дав договорить. Их губы сомкнулись друг на друге и не размыкались несколько секунд. Губы Марии были влажными, поэтому её движения казались такими скользкими. Что-то взорвалось в паху Ромы и ударило разрядом по всему телу. Рука схватила её колено и потянула на себя, в то время как из горячей женской груди вырвался протяжный стон. Они упали на стол, всё ещё целуясь, не в силах остановиться. Руки Ромы прошлись по бёдрам и легли на ягодицы, после чего сжали их. И только когда алые ногти дотронулись до члена сквозь ткань брюк, в голове яркой вспышкой полыхнуло серо-голубое сияние.

– Нет, нет, нет! – Он схватил её запястья и с силой сжал их, хотя всё его тело противилось этому. Ноги были натянуты как шпалы, а трусы с каждой секундой всё уменьшались, а и нависшие над головой алые губы не давали успокоиться. Как бы отлично на них смотрелась стекающая слюна и...

Рома зажмурил глаза и попытался встать, но лишь наткнулся на обтянутую свитером грудь. Его вены вновь пронзил ток, и он захотел снять этот чёртов свитер, сорвать бюстгальтер и прильнуть к грудям, жадно проведя языком по соскам. Её горячее дыхание наполнило собой весь мир, и казалось, что брюки вот-вот порвутся от громадного давления изнутри. Если Мария опустит бёдра, не останется никаких шансов. Её ягодицы соприкоснутся с его членом, и тогда всё лишнее вылетит из головы.

Но Рома с большим, с невероятно большим трудом сдержал рвущуюся наружу похоть и заставил нависшую над ним женщину встать, после чего поднялся сам. Оба дышали неравномерно, тяжело, будто только что пробежали марафон. Воздух вокруг стал горячее солнца и даже горячее того огня, что пылал между ног у обоих. Мария стиснула зубы за алыми губами, и если бы человек мог лопнуть от возбуждения, она была бы к этому очень близка.

– Это что такое? – Рома до сих пор не мог прийти в себя и с каждой секундой всё больше понимал, что нужно как можно скорее заканчивать эту встречу, иначе он и вправду совершит запретное. – Ты понимаешь, что ты сделала? Мы чуть не трахнулись! Ты... Уходи, пожалуйста.

– Я...

– Уходи сейчас же или я тебя уволю. Через десять секунд тебя не должно быть в моём кабинете.

Её глаза вновь заблестели, но на этот раз она подчини-

лась и молча ушла, хлопнув дверью так, что сотряслась вселенная. Рому упал в кресло и повернулся к окнам, уставившись на вечерние огни Петербурга. Яйца пылали. Горели, мать их! Как же, всё-таки, легко завести мужчину! Казалось, кто-то наполнил Рому энергией – безумной и колоссальной. Она стучала в висках, пульсировала в паху и искрила на кончиках пальцев. Всё его тело кипело, и остудить его мог только хороший секс. Жёсткий, без всяких нежностей, развратный секс. Дикий и первобытный трах, иначе он не успокоит своего внутреннего зверя и возьмёт Марию при следующей же встрече, потому что – надо отдать ей должное, – фигура у неё была просто сногшибательной.

Рома достал телефон и набрал номер Насти, всё ещё тяжело дыша. Пока где-то далеко-далеко разносились гудки, он нашёл в портфеле контрацептивы и с облегчением выдохнул.

– Привет, любимый.

– Привет. Ты сейчас дома?

– Да, ужинаю с семьёй. Вот вышла в туалет поговорить с тобой.

– Через полчаса я заеду за тобой, поедem ко мне.

– Э...зачем? Что-то случилось?

– Просто доверься мне, это необходимо.

Он разорвал связь и отшвырнул телефон. Прижал ладони к лицу и почувствовал, какое оно горячее. Руки вспомнили, как только что сжимали упругие ягодицы, и от этого Рома протяжно застонал. Он не хотел изменять Насте, но соврёт,

если скажет, что не желал того, как его бёдра и бёдра секретарши будут стучать друг об друга, пока их языки не станцуют в мокром танце.

Чёрт, он представил свою сперму на её губах и то, как медленно она стекает по шее! Но лишился этого, выгнав Марию из кабинета. Правильно ли он поступил? Он не знал. Он лишь стонал и хотел трахаться до потери сознания, до потери пульса.

Как всё-таки просто женщине манипулировать мужчиной.

14

Уровень тестостерона зашкаливал в его крови, когда он ехал к Насте.

Каждая клетка тела горела неистовым огнём, а пальцы так сильно сжимали руль, что аж побелели костяшки. Весь мир вокруг разом обострился. Детали агрессивно бросались в глаза, будто хотели впиться в них и жадно высосать. Рома не замечал своего тяжёлого дыхания, пока ехал по дороге. Старался не замечать налитого кровью члена, но тот даже не думал успокаиваться. Стрелка спидометра ползла по числам, а колёса всё быстрее и быстрее катили по асфальту. Если бы Рому остановили и спросили, какова причина такого превышения скорости, он бы ответил: «Извините, но я очень хочу

трахаться». Но и это было бы враньём.

Он не просто хотел этого, а жаждал.

Как только Настя вышла из дома и села в машину, Рома повёз её домой. Но не дотерпел. Чёрт, зачем она надела такую короткую юбку?! Почему она так красива именно сейчас, а не потом? Разве нельзя спрятать свою сексуальность и достать позже, на пороге квартиры?! И этот её голос... Это уже слишком.

Рома свернул в переулок, заглушил мотор, убедился, что рядом никого нет, и вышел из машины. Открыл дверцу со стороны пассажирского сидения и посмотрел на Настю, что была у другой двери.

– Ром, ты объяснишь, что происходит...

Но он захлопнул дверцу и тут же прильнул к губам. Пустил пальцы под юбку, и как только они прошлись по лобковым волосам, стало ясно, что его уже не остановить.

15

Он продержался двадцать две секунды.

Но это были самые классные секунды за весь день, и когда его бёдра сжались, сам он протяжно выдохнул горячий воздух в Настину шею. Она же просто лежала и не понимала, что происходит. Рома пыхтел над ней подобно дикому зверю и двигал тазом так, будто у него не было секса несколько

ко лет. Его тело содрогнулось при оргазме, и Настя еле сдержала смешок, потому что без возбуждения данный процесс выглядел ну уж очень смешным. Карие глаза сощурились, а верхняя губа задёргалась, словно хотела убежать от нижней. Голова чуть затряслась, точно копируя игрушки на панелях автомобилей. Да, секс – чертовски неуклюжая вещь, когда твой парень занимается им с тобой, а ты только что выпила чёрный чай. Как же мужчины забавно кончают!

Рома откинулся на спинку сидения и закрыл глаза, явно наслаждаясь окутывающим мозг туманом. Настя достала из сумки салфетки и молча сняла юбку с трусиками, начав вытирать всё насухо. Она понимала, что вопросы сейчас излишни. Может, у него сегодня был тяжёлый день, и вот он решил таким способом снять стресс. Что ж, пожалуйста, всё равно много времени это не заняло. Всему миру давно известно, что мужчины – дикие звери, и когда дело касается секса, они становятся не только дикими, но и тупыми. Наверное, бог дал женщинам грудь ещё и для того, чтобы хоть как-то управлять мужчиной. А если над этой грудью находились мозги, тогда весь мир мог кланяться перед этой дамой.

При правильном подходе женщина сведёт с ума даже импотента.

– Твою мать, – Рома приводил дыхание в порядок, но получалось это у него с переменным успехом. В воздухе витал исходящий от него жар, и только сейчас Настя заметила блестящие капельки пота над карими глазами. – Это было ши-

карно! Лучший оргазм за историю человечества!

Настя, испытавшая лишь лёгкую щекотку, спросила:

– С чего вдруг внезапный порыв любви? Причём такой быстрый? – Она язвительно улыбнулась, ожидая его реакции. Ну конечно! Настя же не могла не пошутить!

– Ха-ха-ха! Оборжаться! Я просто вспомнил, как сильно тебя люблю. Вот и всё.

– И ты решил доказать это в машине, украв меня из дома?

– Да, я решил доказать это в машине, украв тебя из дома. Подай салфетки. – Он взял парочку и, сняв презерватив, вытер всё своё «добро». Надев штаны, вышел из машины, выбросил в урну контрацептив и вернулся к любимой. – Поедем ко мне? Переночуешь у меня.

– Так, – она показала ладонь, как бы давая понять, что ситуация и под её контролем тоже, – давай ты мне сначала всё объяснишь. Я имею право знать, почему ты так внезапно приехал, забрал меня и накинулся, даже не доехав до дома. Я, конечно, слышала, что вспышка тестостерона отключает мужчинам мозги, но чтобы так... Ты входил в меня с явным желанием проткнуть насквозь. Может, всё-таки расскажешь, что случилось?

Настя смотрела на него уверенным взглядом – спокойным и рассудительным. Серо-голубые радужки светились в сиянии уличного фонаря, лучи которого проникали в тёмный салон автомобиля. Молочно-шоколадные волосы, когда-то влюбившие в себя Рому, свободно падали на плечи и ключи-

цы. Юбка и трусики остались лежать на сидении, так что сейчас на Насте были лишь обычная розовая футболка и коротенькие носочки. Стёкла «мерседеса» отливали тонировкой, поэтому никто не боялся, что случайный прохожий сможет увидеть чьи-то прелести.

– Так ты расскажешь? Я хочу знать, что произошло. Я прекрасно понимаю, что ты не просто так пожелал большой и чистой любви. Так что давай, рассказывай. Сумел вставить – сумей объяснить.

Рома сделал глубокий вдох и медленный выдох. Гордость самим собой заполнила всё его существо, потому что пришло осознание, что поступил он правильно. Пусть на пару секунд и дал слабину, но всё же остановился и не поскользнулся.

Красавчик, сказал он себе. Просто красавчик. Настя может гордиться тобой. И, раз уж мы решили поступать правильно, будем честны – расскажем ей всё от начала и до конца.

– Я возбуждился.

Она подавилась смешком.

– Я заметила. Знаешь, всегда видно, какая из голов у мужчины сейчас работает. Может, что-то возбудило тебя?

– Кто-то, – на этом слове серо-голубые глаза широко раскрылись, а брови мигом поднялись вверх. – Ладно, чёрт с ним. Слушай очень внимательно, потому что пересказывать я не буду. На работе... Нет, начнём с того, что я передал Ма-

рии твои слова – попросил её наряжаться менее откровенно и в итоге приказал прийти в свитере.

– И она не послушалась?

– Она послушалась. Но... – Уверенность, что он поступает правильно, начала медленно исчезать. – Тем не менее, Рома продолжил. – В общем, после рабочего дня, когда все уже ушли, она вошла ко мне в кабинет. Разговор начался безобидно, с вопроса, какой мой любимый цвет. Моя секретарша хотела сделать мне подарок, правда, я не припоминаю ближайших праздников. Ну и...я понял, к чему она ведёт, и спросил прямо в лоб, нравлюсь ли я ей?

– И каков был ответ?

Казалось, вся Настя превратилась в одно огромное ухо и даже не скрывала дикий интерес, просачивавшийся в голосе и сквозивший в глазах. Рома подумал, стоит ли говорить дальше. Он привык всегда завершать начатое, и этот разговор не мог быть исключением.

– Да. Она ответила «да». Я ей нравлюсь как мужчина. – Шумный выдох вырвался из женской груди, губы сжались в тонкую полоску. – Я попытался ей мягко показать на то, что романтические отношения лишь повредят работе. И добавил, что у меня есть девушка.

– Её это не остановило, – Настя не спрашивала.

– Не остановило.

– Вот сучка...

– Но дальше – больше. Видимо, из-за моих слов она рас-

плакалась, и я пошёл утешить её. Мы встали из-за стола и обнялись, продолжая разговаривать друг с другом. И в какой-то момент она... чуть не поцеловала меня. Потянулась, но я её остановил. Потом выгнал. Но всего происходящего хватило, чтобы возбудить меня.

– То есть, вы не поцеловались?

– Нет конечно! Я смог ухватить её в тот момент, когда наши губы были в паре сантиметров друг от друга. – В памяти всплыл момент, как он сжал большие ягодицы, которые непонятно как умещались в той юбке. – Думаю, ещё секунда – и мы бы точно поцеловались, но всё закончилось хорошо. Правда, она сумела меня завести.

– Я выцарапаю ей глаза, когда увижу. – Настя смотрела куда-то в пустоту, думая о том, с каким звоном разобьёт очки секретарши своего мужчины. Своего босса. – Она знает меня и позволяет себе такое! Твою мать, у тебя есть пальцы! Купи грёбаный фаллос и запрись в своей комнате! Но клеиться к... к начальнику... Она совсем сдурела.

Рома не успел что-то сказать, как Настя обняла его, прижавшись щекой к щеке. На её лицу расплылась тёплая улыбка, из-под которой раздалось игривое мурлыканье.

– Ты мой умничка. Я так горжусь тобой! Я давно присматривала за этой сукой, но теперь могу быть спокойна. Я доверяю тебе. Ты честен со мной и никогда не обманешь свою Рапунцель.

Она поцеловала его в губы и на миг задержалась там, что

провести языком по нёбу.

– Никогда не обману свою Рапунцель.

16

Он отвёз её обратно домой – слегка задумчивую, но счастливую. Рома видел в этих глазах восхищение и радость, но даже когда Настя раз за разом целовала его, чувствовал он себя отвратительно. Или слегка отвратительно. Он ей соврал. Или не совсем? Может, чуть-чуть. Скорее, не договорил, а не соврал. Но разве от этого кому-то стало хуже? Настя буквально светилась, хоть постоянно и уходила с головой в собственные мысли. С Марией пока ничего не ясно, но и этот вопрос мы решим. Главное – держать всё под контролем. Он же остановился? Остановился! А мог трахнуть её прямо на своём столе и получить от этого хоть и короткое, но дичайшее удовольствие – формы его секретарши были гораздо крупнее и аппетитнее Настяных. Одной повезло от природы, другая же регулярно посещала тренажёрный зал. Обе были бесподобны, но лишь тонкая грань смогла отделить Рому от того, чтобы наброситься на Марию и взять её ляжки в свои руки. Хотел ли он этого? Конечно! Упал ли он сам на стол и, прижав подчинённую к себе, позволил ей лечь сверху? Да. Это он терпел (наслаждался) до того момента, пока её ладонь не надавила на его окаменевший член. О, будьте уверены.

Но он остановился. Он смог это сделать и по праву гордился этим, так что никакой измены не было. Верность Насте сохранилась, его трусы остались на нём. Мария покинула кабинет в слезах, но чертовски возбуждённая, явно не сухая между ног. Рома понял это по её походке и на мгновение захотел догнать её, прижать к стене и попробовать алые губы на вкус ещё раз. Но сдержался. Потому что у него была Настя, которая могла гордиться им.

Тогда почему он себя так паршиво чувствовал?

17

Вторник решил уйти красивым закатом.

Рома смотрел на него, сидя в парке и выпивая оставшееся в бутылке виски. В любом другом городе, когда стрелки циферблатов показывают десять часов вечера, небо уже давно покрыто ночью, но только не в Питере. Здесь ночи наступают поздно и рано уходят. Иногда закатом можно любоваться и в полночь, пока он любит тебя. Весь мир любит тебя, когда ты побеждаешь. Побеждаешь природу, побеждаешь инстинкты. Ах да, инстинкты. Наш покойный папочка пошёл у них на поводу и не смог пересилить их. Что ж, плата не заставила себя долго ждать. Но Рома, сын человека-изменника, смог победить инстинкты. Плевать, как устроены мужчины. Плевать, как устроены женщины. Он не трахнул

ту, которую хотел, чтобы сохранить верность другой. Этого было достаточно. Сегодняшний поступок вызвал во рту вкус победы, что был лучшим деликатесом на всей Земле.

Рома сидел на скамье под кронами деревьев и, улыбаясь, пил виски.

На этот раз оно не вызвало мигрень.

18

В среду Мария не пришла.

Рома этому скорее обрадовался, нежели огорчился, хотя потеря сотрудника даже на день могла отразиться на счёте компании. Благо, существовали Женя и его сообразительная голова – ещё слегка наивная для взрослого мира, но всему быстро обучаемая, что была чуть ли не самым важным аспектом в бизнесе, наряду с умением думать и «читать» людей. Женя спросил, где Мария. Рома ответил, что она отдыхает и, наверное, не грешил против истины, потому что чем ещё могла заниматься отвергнутая мужчиной женщина.

Точить ножи, подумал он. Точить ножи и продумывать план мести.

Эти мысли развеялись прахом, как только голову заполнил шум офиса, в котором каждый занимался своей работой. Некоторые сотрудники временами бросали взгляд на пустующее у кабинета начальника кресло. Что ж, ребятки, потер-

дите. На одни сутки нас покинула пара сногшибательных грудей, надеемся, это никак не повлияет на вашу сегодняшнюю эффективность.

Рома с Женей зашли в кабинет. Босс сел в обшитое кожей кресло, подчинённый уместился на стуле.

– Марии сегодня не будет, ты это уже понял. Все её обязанности возложены на тебя. А вчера она не до конца обзвонила всех поставщиков. Вот, пожалуйста, – он достал из портфеля и переложил на стол пару листов, соединённых скрепкой. – Галочкой отмечены те, с кем мы сотрудничаем. Вопросиком – те, с кем мы можем сотрудничать. А многоточием... многоточием отмечены упёртые козлы, к которым нужен отдельный подход. Ты же в курсе, что у моей секретарши сексуальный голос? Именно он мог бы превратить эти грёбанные многоточия в галочки, потому что все директора до единого – мужчины. Но, похоже, эту миссию будешь выполнять ты. Можешь попробовать убедить их своим голосом уверенного во всём самца, но лучше сконцентрируйся на убедительности и добавь в речь искренности, будто сам веришь в то, что говоришь. Представь, что мы на Уолл-Стрит!

Рома рассмеялся и в какой уже раз удостоверился в том, что не зря установил здесь кондиционер. Даже в самые жаркие дни (жаркие относительно Петербурга) в его кабинете царила лёгкая прохлада, а воздух бы всегда свеж. Он установил кондиционеры и в общем помещении для своих сотрудников – правда, более дешёвые. Много кто говорит, что день-

ги не приносят счастье. Может, оно и так, но зато деньги максимально приближают к счастью и делают его возможным. В любом случае, безденежье точно не приносит счастье.

– Хорошо, я всё выполню. Роман Алексеевич, можно прежде задать вам вопрос?

– Конечно. О чём речь?

Женя сцепил руки в замок. Роме не понравился этот жест. Жест неуверенного в себе человека. Не таким должен быть один из заместителей главы компании.

– Только ответьте честно. Я пойму, что вы врёте, потому что вы меня сами научили всяким приёмами.

– Я тебя обучил далеко не всему.

– Тем не менее, – он поднял взгляд, – я хочу честный ответ. Скажите, мы поступаем правильно?

Рома с недоумением посмотрел на своего подчинённого, как ученик смотрит на задавший непонятный вопрос учителя. Последние слова прозвучи в голове как-то расплывчато, но смысл их уловить удалось, хоть и не разобрать. Поступаем ли мы правильно? Господи, ну конечно да! Что за действительно глупый вопрос? «*Arfeev Company*» всегда поступает правильно, даже если ошибается. Такие мысли могут возникать у обычных работяг, и то это будет преступлением, но чтоб у Жени...слишком недоверчивы его глаза.

– Что ты имеешь в виду?

– Ну, не делаем ли мы ничего плохого? А если и делаем, то создаём потом нечто прекрасное?

– Жень, что с тобой? Ты уже выпил с утра, что ли? Ну-ка дыхни.

– Я трезв. Мне следовало понять, что этот разговор неизбежен. Настало время вскрыть карты.

Рома напрягся, но внешне остался спокойным. Его карие глаза выражали уверенность и готовность выслушать сидящего перед ним человека.

– Вы не посвящаете меня во все события, в которых участвует компания, но я всё равно изучил кое-что. Кое-что, заставившее меня почувствовать себя полнейшим подонком.

Женя открыл портфель и выложил на стол два файла, купленных, судя по всему, совсем недавно. Может, даже сегодня.

– Помните того весёлого старичка с козлиной бородкой? Мы заключили с ним пять договоров! Я помню, как вы обещали ему прибыль и говорили о том, какая же выгодная эта сделка! Но в итоге выгодной она стала только для нас. Босс, вы обчистили его до последней ниточки, превратив в банкрота. Вам доверился человек, а вы его обманули.

Я никогда не был хорошим парнем, подумал Рома. И что дальше? Будешь угрожать этими бумажками? Да я порву их на твоих глазах, хотя, уверен, ты сделал копии. Я научил тебя всегда делать копии.

– И это не единственный случай. «*Arfeev Company*» занимается легальным бизнесом, платит налоги и всё такое, но... вы же обмываете деньги с «левых» сторон. Закон не одоб-

ряет подобного. Но бог с ним, с законом! Мы наживаемся на чужом горе! Вы, Роман Алексеевич, заманиваете людей в ловушку, а после соскребаєте с них последние деньги. Я хочу лишь спросить: вас не мучает совесть?

Рома молча смотрел на своего подчинённого, задававшего слишком много вопросов. Слишком много *ненужных* вопросов. Внезапно всегда милое, слегка детское лицо Жени показалось отвратительно уродливым, и уродство это захотелось исправить кулаками. Материал стола выдержал бы хоть сотню ударов, но Рома не мог сказать точно так же про череп этого гадёныша. Да и громкие стуки вперемешку с криками разлетятся по всему офису, что было недопустимым.

Рома убивал своим спокойствием. Он напоминал льва, знающего, что жертва сама придёт к нему и падёт замертво, лишь бы не умирать от ужасной смерти под этими клыками. Женя уступал лишь самую малость: его взгляд два раза скользнул по кожаному креслу, но в основном держался ровно и требовал ответа.

Интересно, с каким хрустом сломается его нос?

– Как дела с Аней? Вы помирились?

Женя отпрянул как от удара. Глаза его широко раскрылись, выпустив наружу удивление. К такому вопросу засрапец точно не был готов. Если уж решил поучить учителя, подготовься как следует. Одних бумажек недостаточно.

– С Аней? – Он обдумал вопросы, ища в каждом слове подвох. – С Аней всё хорошо. Мы помирились и снова вме-

сте. Спасибо вам за тот совет, который мне дали. Женщины под «градусом» и вправду более податливые.

Как же осторожно ты говоришь, подумал Рома. Чертовски осторожно. Стараешься не сболтнуть лишнего и внимательно следишь за моим лицом, пытаешься прочесть меня. Надо же! Похоже, я воспитываю конкурента.

Он встал из-за стола, взял ключ и подошёл к двери. Запер её, чувствуя на спине взгляд наглого сотрудника-любимчика. Тот продолжал сидеть на стуле и постукивать пальцами по портфелю. Пальцы выдают волнение, Жень. Пальцы – в них вся беда. Засунь их себе в задницу и найди совесть там.

Рома вернулся к столу, достал из нижнего шкафчика полную бутылку коньяка, поставил перед собой и сел в кресло.

– Тридцать два года этому красавцу. Он старше тебя чуть ли не в два раза! – Рома достал два идеально чистых стакана: один отдал Жене, второй оставил себе. – Думаю, разговор может затянуться, уверен, что в твоём портфеле найдётся кое-что поинтереснее этих дешёвых бумаг, которыми ты меня тут пугаешь. Так что лучше обсудим то, что ты хочешь обсудить, наслаждаясь армянским шедевром. – Рома заполнил оба стакана, еле сдерживаясь, чтобы не проломить бутылкой чей-то череп.

– Спасибо, Роман Алексеевич, но сейчас я на работе. Алкоголь лишь в свободное время.

Сотрудник месяца, мать твою.

Рома лишь ухмыльнулся и сделал первый глоток, ничем

не закусив. Он хотел как можно скорее опьянеть, и плевать на правила! Он здесь босс, а значит, может пить, когда захочет, с кем захочет и сколько захочет. Чёрт, да если бы он трахнул здесь секретаршу, никто бы и слова ему не сказал, даже если б узнали. И причина этому очень проста – страх. Люди боятся силы, а сильные не боятся правил. Всё предельно просто, дорогие коллеги.

– Знаешь, что я думаю, Жень? Может, ты уже успел прочитать это на моём лице, а может, и не успел – мне насрать. За тебя сейчас говорит Аня. Сам ты никогда в жизни бы не начал этот разговор, но вот Аня...она подтолкнула тебя к этому. Взвыла к совести, так?

Женя не нарушал тишину несколько секунд, будто обдумывал, играть следующую партию честно или нет. И, похоже, он принял решение, потому что сказал:

– Да, сюда свою лепту внесла и Аня, но окончательный выбор остался за мной. Я знал про грязные дела компании ещё с давних пор, но о них узнала и Аня. Не знаю как, но узнала. Она верующая и буквально пришла в ужас от осознания того, скольких людей мы обманули, пополняя свой счёт. И я задумался. Знаете, она права. Нельзя так поступать. У нас есть деньги, много денег, но все они пропитаны слезами и пахнут горечью.

– Деньги не пахнут. – Ещё один глоток, и желание сломать этот чёртов нос слегка отступило. – Я рад, что у вас с Аней всё хорошо. Безумно рад. Но ты должен кое-что понимать,

Жень. Ты мужчина, так что не позволяй своей женщине совать нос в мужские дела. Фундамент женских суждений – эмоции и чувства, мужских же – логика и факты. Плевать, откуда пришли деньги. Они есть, – и на этом точка. Вообще не важно, с чего ты их заработал. Куда важнее, на что ты их потратишь. Я трачу деньги на свою семью, и это разве плохо? Я могу купить своей девушке любую вещь в любом магазине и горжусь этим. Выживают лишь сильнейшие и умнейшие. Пойми, с чистой совестью миллиардером не станешь.

– Бред! – От этого слова пальцы Ромы сильнее сжали стакан, оказывая на него всё большее давление. – Сама деятельность компании приносит неплохие деньги, так зачем заниматься обманом людей?! Носила бы ваша Настя шубы, если б знала, на какие деньги они были куплены?!

Ты злишь меня, говнюк. Кто тебе вообще позволил копаться в бухгалтерии?

– Жень, я тебе объясню ещё раз. Если ты имеешь только один источник дохода, ты рано или поздно закроешься. Но...

– Но необязательно же нарушать закон!

– Да все, твою мать, нарушают закон! – Рома с такой силой опустил на стол стакан, что тот лишь чудом не разбился. – Я не понимаю, ты честности ищешь? Тогда тебе точно не в бизнес, мой друг. Ты загнёшься на первой же сделке, потому что буквально каждый желает поиметь тебя и твою компанию со всех сторон. И поимеют, если будешь так жевать сопли. В жизни есть всего два типа людей: хищники и

жертвы. И если хочешь стать хищником, тебе придётся убивать, хочешь того или нет. А если будешь ко всем на свете добреньким, об тебя просто будут вытирать ноги. Но перестанут, как только ты покажешь оскал.

– Всё равно это неправильно. Мне тошно на душе от осознания того, что кто-то из-за нас сейчас залезает в долги и берёт кредиты, хотя мы могли поступить по-другому. Мы шикуем, а они детей прокормить не могут!

– Зато мы можем, – Рома взял Женин стакан и освежил горло. – Насрать на других детей. Моя женщина ни в чём не нуждается, и я этим доволен. Если им не хватило мозгов учуять ложь – их проблемы.

– Вы отвратительны. – Маска Жени дала пару трещин, и теперь сквозь неё можно было увидеть удивление, шок и злость. – Нельзя же так поступать. Все литературные произведения, фильмы да бог ещё знает что учат нас быть добрее к окружающим и поступать правильно. Но сейчас я чувствую, что мы на стороне злодеев.

– Я не злодей, – Рома попытался сказать это спокойно, но кипящая в венах кровь выдала волнение в его голосе. – Я лишь стараюсь ради своей семьи. Ради своего будущего ребёнка. Я не хочу, чтобы мы покапали продукты в магазине исключительно по акции. Я хочу позволить себе вообще скупить хоть весь магазин, если захочу! – Жене удалось вывести его из себя. Чёрт... Следует успокоиться – эта партия его и только его. – Давай я расскажу тебе про одну вещь. Веро-

ятно, она тебя шокирует, раз ты до сих пор веришь во всякие сказки про чистую совесть и упокоение на небесах. Так вот, я тебе рассказываю, что в природе нет добра и зла. Это придумали люди, чтобы поставить себе хоть какие-то рамки, понимаешь? Отец волчьей семьи, к примеру, охотится и убивает зайчонка. Он приносит его домой, и вся семья радуется, сытно обедает. Можно подумать, это проявление доброты к своей семье. Но с другой стороны, мать зайчонка потеряла сына, члена семьи. А вот это уже, казалось бы, зло. Но всё это лишь абстрактные понятия, нематериальные. Их нельзя потрогать или пощупать. Как те же самые акции, пока ты не снимешь деньги. И мы, Жень, хищники. Мы убиваем слабых, чтобы прокормить своих. В этом нет ничего плохого, такова природа. В голове у хищника и мысли возникать не должно, что он делает жертве больно. Хочешь быть добреньким? Иди жуй травку и жди, когда тебя трахнут.

В кабинете вновь повисла тишина. Где-то вдалеке шумели сканеры, раздавались телефонные звонки, о чём-то оживлённо болтали сотрудники. Это моя империя, подумал Рома. Пусть и маленькая, но построил её я, и я же не дам никому пустить даже маленькую трещину.

– Знаете, – голос Жени будто стал чётче, взяв откуда-то силы, – мне кажется, я понимаю, почему вы так хотите лучшего для своей будущей семьи. Потому что ваши родители о вас совсем не заботились. – Женя увидел, как напряглись мышцы лица босса, и без колебаний продолжил: – Вы не хо-

тите, чтобы ваши сын или дочь росли так же. Это похвально, но...

– Закрой рот. – Этот сукин сын задел его за живое, чего никогда себе не позволял. – О моей семье ни слова. Не забывай, кто из нас подчинённый. – И, не сдержавшись, добавил: – Салага.

Женя молчал, всё ещё держа в руках портфель. Интересно, что ещё там припрятано? Отчёты за все года? Копии договоров? Или какая-нибудь подобная хрень? Да пусть там будет хоть РПГ, он ничему не удивится.

– Вы слишком высоко взлетели, Роман Алексеевич. И больно ударитесь, когда упадёте. Мне кажется, этот самый момент настал.

Женя открыл портфель и, вытащив всё необходимое, поставил его на пол. Положил перед собой несколько документов, один из которых развернул к Роме, положив рядом ручку. На самом верху документа красовалось слово *ДОГОВОР*.

– Я предлагаю вам сделку, босс. Вернее будет сказать – бывший босс. Я уже вижу по вашим глазам, что вы понимаете, о чём речь. Аня оказалась права – кто-то должен вас остановить. Скольких людей я уберегу от обмана и сколько сохраню у них денег, остановив вас. Я бы мог переубедить вас, но такие как вы не меняются. Вы слишком сильны для того, чтобы сломаться и собрать себя нового по частям. – Женя нагнулся над столом и произнёс тихим, но твёрдым голосом: – Я сломаю вас. Потому что могу это сделать.

Рома смотрел на него с нарастающим страхом, хоть и успешно скрывал его. Он недооценил своего подчинённого. Считал, что тот ещё слишком мал для больших игр, и позволил ему подойти близко.

Слишком близко.

– Я хочу от вас только одного. Чтобы вы подписали этот договор. После вы покинете компанию, а я стану главой и совершу революцию.

Вот говнюк.

– Ты охренел, что ли? – Рома не верил собственным ушам, будто они обманывали его, как и глаза, показывающие не вечно весёлого помощника-мальчишку, а серьёзного мужчину, вступившего в бой. – Ты хочешь, чтобы я переписал на тебя всю компанию?

Женя лишь самодовольно улыбнулся.

– Да.

Вот так, приехали. Ваша остановка, сэр! Создали компанию с нуля, а теперь выходите, проваливайте отсюда! Это не ваш заместитель слишком наивный. Это вы слишком наивный! Вы доверились ему и позволили быть достаточно близко, чтобы нанести такой подлый удар. Стареете, мистер. Теряете бдительность. Теперь расплачивайтесь за свои ошибки: ученик занёс лезвие над вашим горлом, которое наточили ему именно вы.

– Для чего тебе это? А, Жень? Ну подпишу я, и что дальше? Ты держался на плаву только благодаря мне. Один ты не

справишься.

– Я не один. – Взгляд его глаз пропитался сталью, убрав оттуда всякую мягкость. – У меня есть Аня. У меня есть мать. Любящая своего сына мать. И есть отец.

Рома чувствовал, как грозит вырваться из вен кровь. Он напоминал готовый в любой момент взорваться бойлер, который вот-вот следовало потушить. Но вот тушить было некому. Рядом не было ни Насти, ни Марии (сейчас бы он с удовольствием выпустил в неё гнев, прижавшись всем телом к горячей, чужой, ещё неизведанной коже).

Но рядом был коньяк. Хороший армянский коньяк, послекусие которого ни с чем невозможно спутать. Он приятным теплом разливался по организму и затуманивал голову, особенно без закуски. И хоть он был чертовски приятен, Рома нуждался в трезвой голове, в холодном рассудке. Эмоции могли только помешать, поэтому следовало оставаться хладнокровным.

Он согласился с самим собой, налил стакан и полностью его осушил.

– А теперь послушай меня. – Горечь во рту повысила чувствительность зубов, и, ощущая свои клыки, Рома вновь вспомнил, что является хищником. А значит, должен убивать. – Раз ты решил идти ва-банк, будем играть по-взрослому. Вот эту бумажку, – он ткнул на договор, – ты можешь запихать себе в задницу, а после сожрать её и подавиться. Хрена с два я поставлю здесь свою подпись. Я тоже не один,

Жень. У меня есть Настя. И я знаю, что она поддержит меня в любой ситуации, прав я или нет. Мне есть на кого опереться. И всё, что я делаю, я делаю ради себя, неё, нашей семьи. И я не позволю тебе отобрать у нас хлеб. Тем более, что ты собираешься делать, даже если компания станет твоей? Начнёшь заниматься благотворительностью?

– Я подниму компанию выше и отгоню от грязных дел. Только чистый бизнес, только чистые руки. Вы не верите в богатство без грехов, но результат моих действий станет доказательством обратного. Мы будем поступать по совести и не обманем ни одного человека.

– Так ты у нас добряк, да? – Гнев пытался вырваться наружу и расшатывал сдерживающую его клетку. – Святой всех святых, так ведь? Да ты загнуёшься в первый же месяц со своей добротой. Выживают лишь жёсткие эгоисты, а ты слишком мягкий.

Женя ухмыльнулся и вновь открыл портфель.

– Я догадался, что это предложение вам вряд ли понравится. Поэтому прихватил вот это, – он достал кипу бумаг и с хлопком опустил её на стол. – Думаю, вы догадались, что это. Фиксация поступления всех нечистых денег, даже наличными. Да, я постарался. – Зубы выглянули из-под довольной улыбки, которую так и хотелось расширить ножом. – Это лишь одни из копий. В том случае, если вы, мой многоуважаемый бывший босс, не согласитесь передать компанию мне, я буду вынужден обнародовать все ваши грехи, потому что

вы того заслуживаете. У вас два выбора: либо упереться как баран и отказаться, что приведёт к падению вашего авторитета, либо подписать договор и очистить свою совесть, ведь вы передадите компанию в правильные руки. Решать только вам.

Решать только вам...

Коньяк покрыл голову густым туманом, но внезапная злость рассеяла его и отрезвила рассудок. Рома чувствовал тряску в ногах, хоть та и оставалась под контролем. Чувствовал, как начинают дрожать руки, как на кисти кто-то цепляет крепкие наручники страха. С каждой секундой самообладание покидал его, уходя к Жене. К лицу прилиwała кровь, а удары сердца мощными стуками били по горлу, прогоняя всякое спокойствие. Казалось, кости налились свинцом – и свинцом горячим, обжигающим кожу. Будто пытающимся вырваться наружу.

– Вы волнуетесь, – улыбка стала ещё шире. – Вам не удаётся скрывать это, потому что знаете, что не правы. Правда на моей стороне. Бог на моей стороне. Обманутые вами люди на моей стороне. И все, у кого есть хоть частичка совести, тоже на моей стороне. Добро всегда побеждает зло, потому что добру помогает Бог.

– Знаешь что? – Рома взял бутылку коньяка и начал выливать всё на документы. – Нахер твоего бога! Нахер твою Аню и твои грёбанные амбиции! Иди в церковь со своей добротой и рассказывай сказки там, но не в моём кабинете! – Он с си-

лой опустил бутылку на стол и толкнул кипу бумаг к Жене. – Можешь подавиться этим, но я ничего не подпишу. Я выпускаюсь из любой передрыги. Тем более у меня есть имя, репутация, а твоим сплетням никто не поверит. Так что валяй! Давай! Иди смело трепаться обо мне, пока я буду срать на твоё мнение! Ты был хорошим помощником. Да мать твою, я готовил из тебя приемника! Но ты... – Рома глубоко вдохнул, сжав горящие кулаки. – Ты, подонок, решил захватить трон. Мой трон. И я тебе этого не позволю. Ты даже не представляешь, на что я способен.

– Как раз-таки представляю, мистер Я-Трахаю-Секретарш-На-Работе. – Женя вытащил распечатанные фотографии и положил на стол. – Полюбуйтесь.

Перед Ромой лежали три снимка. Чертовски качественных снимка. На первом был изображён он сам в тот момент, когда к его губам прильнула Мария. На снимке чётко просматривались соединённые в поцелуе губы. На втором Рома схватил Марию за колено, заставив её согнуть ногу перед тем, как упасть на стол. Её бедро сводило с ума даже на фотографии, и только сейчас, смотря на неё, Рома заметил, что уже тогда Мария сжимала его пах. Её кисть выглядела напряжённой, ведь пальцы схватили сквозь ткань брюк нечто очень твёрдое, всё растущее и растущее. На третьем снимке оба они лежали на столе: Рома – на спине, Мария – на четвереньках, склонившись над боссом. Его руки сжимали внушительных размеров ягодицы, пока сама она страстно цело-

вала того, по кому так неровно билось её сердце.

Снимка, на котором Рома всё остановил, не было.

Медленно, очень медленно он поднял взгляд и уставился на Женю, не веря своим глазам.

– Должен сказать, у вас отличная выдержка, хоть вы и дали вначале слабину. Но, думаю, Насте будет плевать на это, когда она увидит фотографии. Мы с Марией давно поняли, что для вас хоть какое-то значение в этом мире имеют три вещи: это, конечно же, вы сами, компания и Настя. А зная то, как часто вы скользите взглядом по груди своей секретарши, было совсем не трудно составить план. Вы в ловушке, Роман Алексеевич. Прямо как зайчонок. Теперь хищник я. Обливайте, не обливайте документы – я вас заставлю их подписать.

Он достал ещё один договор, идентичный предыдущему, и положил на стол.

Рому будто парализовало. Лишь его глаза скользили по кабинету и наткнулись на прислонённый к стене фотоаппарат, стоящий в самом углу на полке. Он настолько гармонично вписывался в интерьер, что казалось, именно там он и должен стоять. Конечно. Хочешь что-то спрятать – поставь на самое видное место.

Женя ухмылялся, нагло и борзо.

Они его обставили. Прижали как маленького ребёнка, пойманного за кражей. Какая любовь? Какая симпатия? Мария просто хотела заполучить трон, и она ловко обманула

короля, заставив его поверить в искренность своих намерений. Он просчитался. Просчитался! Был слишком невнимателен, подпустил помощников слишком близко. Всё, что он построил, всё, во что он верил, сейчас перейдёт этому улыбающемуся подонку, которого не стоило недооценивать. Рома чувствовал себя загнанным в угол щенком. Воздух вокруг стал нагреваться. Кровь кипела, но при этом обжигала холодом. Вены натянулись подобно канатам.

И где-то вдалеке зашептались стены.

Рома расстегнул верхнюю пуговицу рубашки и откинулся на спинку кресла, уже не скрывая нервозность. Он играл с опасным противником, которого сам научил составлять колоду. И сейчас все козыри были именно у него. У этого сообразительного сукиного сына.

– Так значит, вы с Марией заодно.

– Да именно так.

– Именно так... – Рома упёр руки в края стола и склонил голову, закрыв глаза. – На место старого вожака решил прийти новый, хотя первому – всего двадцать один, а второму – семнадцать. Оба юны и полны энергии, да? Но тому, что моложе, помогла одна сука-волчица. – Только сейчас ему в голову пришла мысль, что Женя мог записывать весь разговор на диктофон, потому что мозгов ему для этого хватало. Но наплевать. Он не сможет выйти из кабинета – дверь заперта, а ключи находятся в кармане у всё ещё действующего начальника. И от осознания того, что он хоть как-то может

контролировать ситуацию, Рома чуть успокоился.

Он открыл глаза и посмотрел на Женю.

– Ты хорошо подготовился, супергерой. Тебе удалось меня разозлить, поздравляю. Я помню, как говорил тебе, что успеха добиваются лишь наглые и...

– Не переводите тему. У вас три минуты на принятие решения или я отправляю вашей девушке все фотографии. Она как раз сейчас онлайн, думаю, тут же увидит сообщение. Время пошло.

Будто услышав это, настенные часы в кабинете заработали громче, каждую секунду прерывая тишину. В висках шумной рекой мчалась кровь, буквально бурлящая от неистового жара. Несколько капель пота врезались в воротник, но большинство стекали по спине, пытаясь охладить организм. И хоть Рома никогда в жизни не признался бы в этом даже самому себе, но тогда ему стало страшно. Он испугался человека, сидящего напротив. Перед этой улыбкой хотелось встать на колени и сдаться, ведь она излучала силу, которой он лишился. Он всегда терял силы, но всегда они как-то восполнялись сами собой. Но не сейчас. Сейчас его стержень трескался.

Но Настя... Именно она была источником его сил. Если в Роминой жизни и было что-то хорошее, так это часы, проведённые рядом с Настей. Именно теперь, когда он мог лишиться её из-за сделанного выбора, Рома понял, какой же это прекрасный человек. Впервые за всё время он признал,

что живёт лишь благодаря ей, ведь только она была светлым пятном в его жизни. Потерять её означал потерять то, ради чего стоит существовать, работать, мечтать. Настя сохранила в Роме те положительные качества, что в нём ещё оставались. Настя помогала ему в достижении целей и мудро молчала, когда он хвалился исключительно собственными победами. Настя скрашивала самый хмурый день своими шуточками, пусть и не всегда смешными, но вызывающими у неё смех, а значит, и у него тоже. Он не мог её потерять. Он просто задохнётся не в силах сделать хоть ещё один вдох. Настя была его алтарём, где он мог выплакаться и полностью открыться. И сам Рома чувствовал, что он для неё был подобным алтарём и мужчиной. Их тёплые отношения подкреплял превосходный секс, и спортивная фигура Насти, её эластичность и опыт делали каждый секс волшебным. По крайней мере, для Ромы. Но и он, не без гордости вспоминая эти моменты, не единожды доводил её до настоящего, крышесносного оргазма.

Он грустно улыбнулся и почувствовал, как по правой щеке потекла слеза.

Нет, он не мог её потерять. Не мог её отдать, просто не мог. Это всё равно что оторвать часть собственного сердца и выкинуть, оставшись здесь истекать кровью. Рома зависел от неё. Рома любил её. Рома видел в ней способ стать лучше, видел в ней своего спутника по жизни и не верил, что когда-нибудь найдёт подобного человека.

Нет, он не мог её потерять. Иначе погибнет сам.

Но он не мог потерять и компанию.

Это было его творение, его труд. Настя прошла с ним весь путь, когда стартапы один за другим не удавались и обрушивались прахом. «*Arfeev Company*» – это та мечта, которую Рома лелеял, сидя на уроках и слушая скрытым наушником подкасты о бизнесе, о правильном ведении дел. На алгебре он рассчитывал затраты на открытие фирмы, на геометрии представлял и чертил новые здания на старых улицах Петербурга, а на русском языке и литературе читал книги по психологии, психосоматике и даже клинической психиатрии, прикрываясь учебником литературы за десятый класс. Рома материализовал свою мечту, стал тем, кем хотел быть, проводил ночи с одной из самых красивых девушек школы, а теперь его собираются скинуть с трона бывшие помощники.

Компания и Настя...

Настя и Компания...

Какой же ты всё-таки ублюдок, Жень.

– У вас осталась минута, Роман Алексеевич. Если вы не успеете за это время принять решение, я отправлю фотографии Анастасии. Смею предположить, она будет в восторге.

Я смогу ей всё объяснить, подумал Рома. Я скажу правду, не буду лгать. Да, в начале подался, но это физиология. Так поступил бы любой мужчина, если б его член начала трогать безумно сексуальная секретарша. Да, он прижал её к себе и упал с ней на стол, сжав ягодицы. Да, он отвечал на движе-

ния её губ и сам пускал язык ей в рот, пока женская ладонь давила на пах. Но он остановился – и это правда. Ничто ему не мешало снять этот чёртов свитер, юбку и прямо на столе трахнуть эту суку, у которой в голове была совсем не любовь, и даже не похоть. Он остановился, потому что любил Настю. Взял себя в руки и сжал запястья Марии, остановив её. И, быть может, если Рома расскажет Насте, как всё было на самом деле, то она поверит ему, ведь вспомнит, каким возбуждённым он приехал за ней на машине.

Да, всплывёт то, что он её слегка обманул, сказав, что они с Марией не поцеловались, но главная правда останется правдой – измены не было, любовь продолжала жить.

Но эти снимки... Они останутся в памяти Насти на долгие годы, какие бы оправдания Рома ни говорил. В таком случае трещина в отношениях будет неизбежной как раскат грома после молнии.

– У вас осталось десять секунд, после чего я обрадую вашу любимую. Уже восемь. Часики тикают, босс.

Рома встал из-за стола и направился к комоду, находящемуся у противоположной стены. Пока за спиной отсчитывал счётчик, он взял стоявший на комодe стеклянный кувшин с водой.

– Время кончилось. Вы приняли решение?

– Да, – Рома возвращался к столу не спеша, шагом. – Ты, Женечка, смог обхитрить меня и прижать как мышку. Но в одном ты просчитался, дружище. Это мой кабинет, и ключи

от него только у меня. А это значит, что ты не выберешься отсюда, пока я того не захочу.

Рома подошёл к Жене и навис над стулом, с кувшином в руке.

– Но я могу отправить фотографии по интернету. Никакая дверь мне не помешает. Ничто не помешает.

– А вот здесь ты ошибся.

И со всей силы Рома ударил по его голове кувшином. Раздался звон бьющегося стекла, и тут же осколки градом полетели на пол. Рома продолжал держать в руке оставшуюся целой ручку и видел, как начинает вытекать кровь из светлых волос подчинённого.

– Что... – Женя попытался повернуться, и у него бы получилось, если бы не прилетевший в лицо кулак. Что-то резко хрустнуло, и весь мир разом погрузился во мрак.

19

Рома сидел в кресле и смотрел на тело одного из своих сотрудников.

Одного из своих бывших сотрудников. Рома бы уволил этого подонка, но беда нашего мира заключается в том, что мёртвых не увольняют.

Пульс решил умолкнуть сразу после удара в нос, кость которого вошла прямо в мозг.

Женя развалился на полу, будто решил прилечь и немножечко поспать. Со стороны могло даже показаться, что это действительно так (ничего удивительного, человек просто устал), но если кто-то бы подошёл чуть ближе, то сразу увидел кровавые, ещё блестящие потёки на коже, окутавшие нижнюю половину лица. Роме не пришлось закрывать глаза – они закрылись сами. Рот остался неприкрытым, замершим на полуслове, которое уже никто никогда не узнает. Из-под затылка до сих пор продолжала вытекать вязкой субстанцией кровь, и вытекать она будет ещё долго, ведь люди – это охренеть какие большие мешки с кровью. Порой сам поражаешься, как же её много в тебе умещается.

Рома достал виски и, открыв бутылку, прильнул к горлышку.

Перед ним лежал труп – ещё тёплый и неостывший.

Голову вновь начал покрывать туман. Пускай, не будем ему мешать. Сейчас меньше всего хотелось быть трезвым. Костяшки продолжали ныть, будто просили, чтобы с них смыли кровь. Но Рома оставил её на своей руке как знак победителя. Он хищник. А значит, должен убивать. Бог – свидетель, он не желал такого исхода событий, но Женя просто не оставил выбора. Либо Настя, либо компания. И то, и другое – бесценно. Чертовски бесценно. Без Насти жизнь Ромы потеряла бы смысл, без компании не было бы самой жизни. Этот подонок заслужил то, что получил. Не следовало оскаливаться на вожака. Трон умещает только одну задницу

– самую сильную. Хочешь свергнуть кого-то, будь готов ко всему, даже к удару кувшином по голове. Слишком высокие ставки – слишком большой проигрыш.

Рома отпил виски и облегчённо выдохнул.

Что он чувствовал? Что поступил правильно. Не по-доброму, не по-дружески, а именно правильно. Он защитил свой будущий брак, своих будущих детей от бедности. Лишь один раз его сердце предательски дрогнуло и подалось чувствам. Это случилось тогда, когда в голове возникли непонимающие глаза Ани и вопрос: «А где Женя?».

Виски застряло в горле, но лишь на секунду.

Рома отогнал эти мысли и полностью сосредоточился на ситуации. До конца рабочего дня оставалось ещё три часа – именно столько ему предстояло сидеть в комнате с остывающим трупом своего сотрудника. Рома имел доступ ко всем видеокамерам на своей территории, поэтому мог отключить их когда угодно. Но выйди он на улицу, держа на себе мёртвый мешок с костями, то тут же получит всеобъемлющее внимание прохожих. Поэтому, дамы и господа, дожидаемся темноты, а после сваливаем отсюда под покровом ночи, захватив с собой вот этого красавца, валяющегося на полу.

Я знаю, где тебя упокою, подумал Рома. Ублюдок должен лежать с ублюдком, поэтому полежишь рядом с моим отцом. Думаю, вы подружитесь.

План был предельно прост и не вызывал никаких вопросов. Стоило лишь следовать ему и быть аккуратным.

Но было кое-что ещё. Ещё один человек, который знал слишком много и мог выиграть партию. Рома не хотел делать то, на что навевали его мысли. Бог – свидетель, не хотел. Но он должен был это сделать, раз желал сохранить рядом Настю и компанию одновременно.

Эта сука получит своё.

Виски вновь ударило в голову и разлилось по телу.

20

Слава богу, стёкла были тонированными.

Рома уложил Женю на задние сидения, лицом вниз. Даже если какой-нибудь чересчур любознательный прохожий реши заглянуть в салон автомобиля, то увидит лишь спящего мужчину – судя по всему, уставшего после долгого рабочего дня. На Жене не осталось и капли крови – об этом позаботился Рома, вытерев полотенцем всё тело. Никогда он не думал, что будет так бережно ухаживать за своим сотрудником и очищать его кожу от всякой грязи. Но, как известно всем, жизнь – лучшая сценаристка. Весь день может казаться бредом сумасшедшего, а потом оказывается, что вся эта бессмысленная череда событий вела к чему-то большему, о чём совсем недавно ты даже подумать не мог.

В какой-то момент, едя по дороге, крепко сжимая руль, Рома почувствовал себя героем какой-то книги, автор кото-

рой не понимает, что пишет. События вокруг происходили с невысказанной скоростью, будто осуществляющиеся сцены в сценарии. Рома ощутил приближение тревоги, до этого непонятной ему. Она была иррациональна, без всяких на то причин. Да, позади него лицом вниз лежал труп убитого им же подчинённого, но разве это плохо? То была цена, которую пришлось заплатить во имя святого будущего. Мир менялся, вместо диких лесов и бескрайних полей стали воздвигаться каменные муравейники, напичканные высокоразвитыми технологиями, но всегда неизменным оставалось одно: выживает сильнейший. Тот, кто умеет приспосабливаться к изменениям в окружающей среде, к её новым опасностям и кто способен дать достойный отпор, защищая свою жизнь.

В этой схватке сильнейшим оказался Рома, и именно ему досталась победа. Но он ещё чуял запах опасности, проникающий в самое сердце.

Этот запах вёл к дому Марии, куда и ехал чёрный «мерседес».

21

– Почему все мужики такие козлы?

Сяма не ответила, а лишь продолжила мурчать, устроившись на её коленях. Пальцы с алыми ногтями поглаживали светлую шерсть Сямы, пока та медленно-медленно закрыва-

ла глаза и проваливалась в сон.

Мария задумалась над своим вопросом и попробовала ответить:

– Может, потому, что так было задумано природой? А, Сям? Может, у них у всех такой скверный характер, чтобы они почаще убивали друг друга и делали своих жён вдовами? Ну конечно, не любить же их! Что за бред – любить женщину? Кто это вообще придумал? Вот знаешь, Сям, была б моя воля, я бы тут же половину мужиков...

Кто-то постучал в дверь, а после нажал на кнопку звонка. Несколько секунд Мария неподвижно сидела, вслушиваясь в тишину. Сяма перестала мурчать и так же напряглась, как и хозяйка. Часы показывали ровно полночь.

Стук повторился.

Мария аккуратно убрала Сяму с колен и поднялась, чувствуя, как сильно начало биться сердце. На ней из одежды были лишь простой белый халат, украшенный рисунками различных цветов, и такие же светлые стринги, которые она носила в плохом настроении, от нечего делать. Мария жила одна, а потому дома всегда царил порядок, ведь не было мужчины, который этот порядок бы рушил. Единственным живым существом помимо неё самой была четырёхлетняя кошка Сяма, которую Мария подобрала на улице ещё совсем малышкой. Они жили вместе в трёхкомнатной квартире, не повидавшей в своих стенах ещё ни одного мужчину. Порой тишина в доме слегка напрягала, поэтому практически всё

время на кухне «разговаривал» телевизор, разрушая чувство гнетущего одиночества.

Стук повторился. На этот раз требовательнее.

Мария поспешила к двери, на ходу завязывая халат и скрывая груди. Она прильнула к глазку и увидела широкоплечего мужчину с букетом алых роз в руках. Мужчина сиял улыбкой её начальника, что расплылась прямо под такими знакомыми глазами.

К ней домой пришёл Роман Алексеевич.

– Одну минутку! – Она отскочила от двери как от раскалившегося металла и подбежала к зеркалу.

На неё смотрела красивая молодая девушка с недавно высушенными, стелющимися по плечам чёрными волосами. На лице не были и грамма косметики, но даже так оно оставалось прекрасным, не лишённым естественной женской красоты. В таком домашнем виде она могла свести с ума любого мужчину, но плевать на любого. Ей нужен был только один. Тот, что пришёл с букетом роз в полночь.

Мария улыбнулась и чуть расправила халат, сделав вырез импровизированного декольте глубже. Раз играть, так по-крупному.

Стук повторился, но уже мягче, будто что-то спрашивал.

Она вновь посмотрела в глазок, убедилась, что это точно её босс, и открыла дверь.

На пороге стоял Роман Алексеевич, держащий в руках огромный букет алых роз, и смотрел на хозяйку квартиры

уверенным, слегка самодовольным взглядом.

– Привет. – Он улыбнулся – так, как всегда улыбался, когда на работу приходила Настя. – Мне не давал покоя тот случай, который произошёл вчера. Я...не могу сегодня нормально работать – все мои мысли сводились к тебе. – На миг Мария и вправду что-то почувствовала к нему: то, как он говорил, не могло не влюблять в себя. – Я вспоминал твои слёзы. Вспоминал, какой ты была искренней. Настоящей. И я...да, я тоже сейчас хочу быть таким же – настоящим. Можно я пройду к тебе?

Я действительно сломала его?

– Конечно, Роман Ал...

– Просто Рома, – он улыбнулся и поцеловал её в щёчку, отдав букет роз. Прошёл в квартиру, слегка коснувшись локтём спрятанной под халатом груди.

Мария закрыла дверь и вспомнила слова Жени, сказанные ей в тот вечер за столиком одного из ресторанов: «Самое главное – будь робкой, но смелой. Делай первые шаги, но и позволяй ему идти тебе навстречу, как бы поощряя его поведение. Твоя задача – заставить этого самовлюблённого полубога захотеть тебя и забыть о своей...Насте. Используй всё, что знаешь и умеешь. Сведи его с ума. Прости, конечно, что приходится идти на такое, но ты же понимаешь, каким это будет мощным козырем в наших руках».

Наших...

Он говорил так, будто мы с ним были одной командой.

Будто это Жене предстояло соблазнить своего босса и раздвинуть перед ним ноги, имитируя страсть и нежность. Почему мужчины думают, что женщине легко затащить кого-угодно в постель? У представителей слабого пола – вот секрет! – тоже есть честь, совесть и нежелание трахаться с кем попало. Им не так легко достичь оргазма, как это получается у мужчин. Господи, да это целый праздник, если постель действительно стала мокрой! Женщины тоже хотят хорошего секса, но мужчин, достойных предоставить это, можно пересчитать по влажным пальцам.

И Женя – этот самодовольный выскочка, бесящий Марию – считал, что ей ничего не стоит трахнуться с начальником в его же кабинете. Она – вот ведь тоже дура! – кивнула и согласилась на предложение, ведь возможность владения половиной акций компании звучала заманчиво. Но... как же ей пришлось пересилить себя, чтобы пойти на это. И как же она была счастлива, когда Роман Алексеевич остановил её (член под его брюками действительно удивлял размером) и выгнал из кабинета. Признаться, она восхитилась им и заужала ещё больше. Насте чертовски повезло. Её парень остался верен даже тогда, когда легко мог заняться любовью со своей секретаршей.

И... когда Мария приставала к нему, она и вправду хотела секса.

Жесткого и грязного, после которого она удалила бы запись с камеры и рассказала совершенно всё о плане Жени,

о завтрашнем визите, о договоре и собранных компроматах. Да, она рассказала бы всё, но только после того, как его сперма оказалась б на её теле.

Но он сдержался, поэтому ничего не узнал.

Дело было вот ещё в чём: ей нравился Рома. Нравился как мужчина. Когда она разыгрывала спектакль в его кабинете, то говорила в основном правду, играла роль самой себя. Он казался таким мужественным, уверенным, перспективным и... сексуальным в этой белой рубашке. В большей степени она согласилась на предложение Жени не из-за отведённой ей половины акций, а из-за возможности осуществить скрытую мечту – слиться с боссом в танце двух голых горячих тел. Хотя бы раз. Один чёртов раз.

Но этого не произошло, потому что Рома остался верен Насте.

Мария могла бы рассказать ему о камере, но поспешила как можно скорее выйти из кабинета, ненавидя себя. Чёрт, всё вышло так нелепо! Так абсурдно! Она была готова подставить человека и украсть у него половину заслуг, хотя про себя говорила, что он ей нравится! Не лицемерие ли это? О, дорогая, поверь! Ты не просто чуть не совратила мужчину, но и поставила под угрозу его отношения с девушкой. Такой тебя воспитывала мать? Такой?!

Целые сутки мысли о произошедшем в том кабинете (как же умело он целуется...) не отпускали её, хоть она и старалась закопать их глубоко в самые тёмные недра памяти. Что

было, того не возвратишь, поэтому оставалось лишь ждать звонка от Жени и приготавливаться к новой жизни – жизни владельца развивающейся строительной компании.

Но вот Рома здесь, улыбающийся, слегка уставший и принёсший букет. Она больше не хотела участвовать в этих грязных играх и подставлять людей. Она хотела быть честной и искренне верила, что её честность хоть как-нибудь да окупится.

Мария повернулась к Роме, всё ещё прижимая к груди букет. Он смотрел на неё глазами влюблённого – в этом не было никаких сомнений. Так мужчина смотрит на женщину в конце первого свидания, когда надо, вроде как, попрощаться, но сердце подсказывает сделать что-то ещё. Обрадовалась ли она этому взгляду? На это могут ответить поднятые уголки её губ.

– Ром... – Она замолчала, пробуя его имя на вкус. Чувство вины вновь стало накатывать растущими волнами. – Сними верхнюю одежду и пройди до кухни. Мы поговорим там.

– Как скажешь, – он тепло улыбнулся, пробив оставшееся в Марии хладнокровие. Только сейчас она заметила, что ей начальник не был трезвым, хоть и достойно держался на ногах.

Он сам, без чьей-либо помощи снял пиджак и остался в белой рубашке, отлично подчёркивающей рельефные мышцы хозяина. Две верхние пуговицы были расстёгнуты. Мария с трудом удержала себя от того, чтобы расстегнуть осталь-

ные, выбросив к чёрту этот букет. Цветы – это, конечно, прекрасно, но страстный секс куда лучше.

– Проведи меня, пожалуйста, до кухни. Боюсь, сам я не справлюсь.

Они вместе пошли по коридору как влюблённая парочка, прогуливающаяся по парку. В какой-то момент Рома положил руку на её талию и нежно прижал к себе, отчего у Марии перехватило дыхание. Чёрт, она подавилась воздухом! Он застрял в горле мёртвым комом, когда мужская ладонь соскользнула к её бедру.

К её готовому взорваться бедру.

Тем не менее, она опустила его руку и продолжила идти как ни в чём не бывало, на каждом шагу убеждая себя, что так оно и есть. Когда же они подошли к кухне, из гостиной показалась Сяма – как всегда прекрасная и элегантная. На четырёх лапах она добралась до незваного гостя и села перед ним, перегородив проход на кухню. Светлые глаза неприкрыто уставились в карие, будто ждали ответа на давно заданный, но безумно интересующий вопрос.

– Что это за чудо? – Рома наклонился и провёл пальцами по гладкой шёрстке.

– Её зовут Сяма. Она очень спокойная и рассудительная.

– Прямо как хозяйка, – снова эта улыбка, от которой растаяла бы даже Антарктида. Он ещё пару секунд помассировал Сяме шейку, потом выпрямился, повернулся к Марии и сделал то, отчего мир содрогнулся.

Накрыл женские плечи ладонями и тихо шепнул на ухо:
– Можешь закрыть её в любой другой комнате, кроме кухни и спальни?

22

Она прислонилась к двери и, закрыв глаза, глубоко вдохнула.

Он здесь, у неё дома, пьяный и искренний. Неужели это так? Господи, боже, да она о таком и не мечтала! Она... При одной только мысли, что сегодняшней ночью кровать с ней разделит кто-то ещё, руки Марии дико затряслись – пришлось вцепиться ими в халат, чтобы хоть как-то унять дрожь.

Сяма была заперта в гостиной, Рома (теперь Рома, Господи!) разливал на кухне вино, хранившееся до этого на балконе, а сама она спряталась в спальне, не веря, что всё происходит на самом деле. Но аромат его парфюма был настоящим. Его бархатный шёпот действительно щекотал ухо, пока губы парили так близко к коже! Говорят, когда у мужчины член наливается кровью, мог тут же отключается, отдавая управление рычагами его величеству Пенису. Это, конечно же, правда, но почему никто не вспоминает, что и у женщин есть подобные сдвиги, когда возбуждение переходит все границы, а влаги становится так много, что можно дважды зато-

пить «Титаник»? Знаете ли, в этом случае мозг тоже уезжает на Бали, оставляя за главного инстинкты.

Мария подошла к зеркалу в полный рост и оглядела себя перед тем, как пойти на кухню.

На неё ясными глазами смотрела высокая красавица, крутые формы которой виднелись даже через халат. Груды частично выглядывали наружу, как бы дразня того, кто на них смотрел. Затянутый пояс подчеркнул тонкую талию и переход от неё к внушительным бёдрам, которые не раз подвергались пыткам голодными мужскими взглядами. Длинные ноги ничто не скрывало, так что их стройность выставили на вид. Зачем прятать собственную красоту? Какой дурак сказал быть скромной, когда дело доходит до секса? Берите своего мужчину и дайте ему трахнуть вас, если вы оба этого желаете.

– Если он устоит и сейчас, – она оттянула халат вниз, пододвинув края выреза к самым соскам, – я подумаю, что он импотент, хоть знаю, что это не так.

Девушка в зеркале игриво улыбнулась и подмигнула.

23

– Уже всё готово?

Рома как раз наполнял свой бокал, когда сзади к нему кто-то прислонился и положил маленькие ладони на грудь.

Тёплое дыхание чуть щекотало шею. Чьи-то руки скользнули вниз, прошлись по прессу и преодолели ремень, когда Рома заметил, что вино выливается через края.

– Ой! – Он вырвался из объятий Марии, поставил бутылку и тут же взял тряпку, чтобы вытереть налитое. – Пардон, я прошу прощения, не уследил.

Он не увидел озадаченного взгляда Марии и то, как она молча села за стол, сразу отпив со своего бокала. Но как только во рту растёкся до боли знакомый вкус, на её лице засияла улыбка. Женская улыбка с неподдельной искренностью в поднятых уголках губ. Что может быть лучше?

Когда Рома прибрался, сразу же сел на своё место, прямо напротив девушки в халате. По его скользящим вверх-вниз глазам Мария поняла, что он гадает, а есть ли что-нибудь ещё под этим халатом? Или там всё то, что даровано природой?

Ничего, дорогой. Совсем скоро сам всё узнаешь.

– А мы без еды? – В его голосе не было интереса – небольшая формальность, вот и всё.

– А зачем нам еда? – Мария взяла наполненный для неё бокал и подняла. – Давай выпьем за нас.

– За нас?

– Да, за нас: тебя и меня. За Рому и Машу!

Они чокнулись, улыбаясь друг другу. Глаза каждого из них смеялись, находя своё отражение в других. Губы обоих прильнули к стеклу и впустили внутрь сладкий напиток. И вместе с его растекающимся по телу теплом грудь Марии за-

полнила уверенность. Уверенность в том, что эта ночь будет одной из лучших и пройдёт без сна. Ох, детки, сегодня о сне вы можете забыть.

– Так зачем ты пришёл?

Ну что за глупый вопрос? Зачем ещё мужчина придёт ночью к девушке, с букетом роз в руках? Поговорить о жизни? Или, быть может, посмотреть фильм? Оба сидели за этим столом, притворяясь друг перед дружкой недотрогами, которых надо заслужить. Но на деле же это маски, скрывающие безумную похоть и страсть, которые всё равно скоро раскроются. Мария понимала это, но хотела чуть растянуть предвкушение. Кто из женщин не любит прелюдия?

– Маш... – Он выдержал небольшую паузу, глядя ей прямо в глаза. – Ты же не против, если я буду называть тебя Машей?

Её пальцы вновь сомкнулись на бокале и поднесли его к губам. Через несколько секунд она заговорила мягким голосом, произнося слова медленно, будто пробовала каждое на вкус:

– Знаешь, Рома, иногда я мечтала, чтобы ты меня так называл. Так что, думаю, да, я не против. Буду для тебя просто Машей, а не секретаршей. – Сердце со всей силы било по груди, желая поскорее вырваться наружу из-под этого чёртового халата.

Только сейчас Маша поняла, что ей безумно жарко.

– Вчера ты мне кое в чём призналась.

– В том, что люблю тебя.

– Да, – его взгляд скользнул с её бокала на бутылку и вновь на бокал. После карие глаза поднялись. – Должен сказать, это был очень смелый поступок. Не каждый на такое способен. Но вместе с тем это был и очень глупый поступок. Ты же понимаешь? Работа – не лучшее место для секса.

– Но там же никого не было.

– В любой момент могла зайти Настя.

Он серьёзно посмотрел на неё. Скулы заполнила краска, а ключицы ещё чётче подчеркнули переход к груди. Как же жарко в этом грёбанном халате! Как хочется снять его и отдать тепло другому телу, одновременно впервые познав его!

Маша не заметила, как закусил нижнюю губу и издала слабый, еле слышный стон.

– Весь день я вспоминал наш поцелуй.

– Я тоже. – Чёрт, почему у неё дрожат ноги?

– Я не мог сосредоточиться на работе и всё время возвращался к тебе. К твоей смелости. К твоему голосу. Я подумал, если б ангелы выпускали песни, они бы пели твоим голосом.

Ловко, подумала она. Хороший комплимент.

– Мы сейчас у тебя дома, на часах уже полночь. Каждый из нас уже взрослый человек, способный сам принимать решения. И знаешь, я уверен, что...

Маша смотрела на него вцепившимся взглядом, но не слушала. Зачем так усложнять, когда всё предельно просто? И почему люди вообще имеют привычку всегда всё усложнять?

Если вы вдвоём хотите секса – можно сказать, встретились ради этого, – к чему эти притворства и откладывание на потом? Зачем разыгрывать какой-то спектакль, если всем уже известна концовка? Два сердца жаждут как можно скорее приблизиться друг к другу, но их хозяева-дураки решают поплясать вокруг да около.

К чёрту ваши пляски. Если мы хотим – берём.

Маша поднялась из-за стола, подошла к Роме, перекинула через него ногу и села на пах. Мгновенно почувствовала под собой движение. Обвила руками шею и, прежде чем Рома попытался встать, прижала его лицо к груди, выдохнув горячий воздух. Чужие губы коснулись ложбинки меж грудей, но скорее случайно, чем специально. Руки легли на талию и вроде бы попытались отодвинуть её, но скоро сдались и просто легли на бёдра.

– Ты этого хотел? – Она двинула бёдрами вперёд и медленно-медленно откатила назад, чувствуя снизу колоссальное давление. – Этого хотел, дорогой?

Маша подняла его голову и вцепилась в губы, пустив внутрь язык. Он прошёлся по нёбу и вскоре получил ответное касание. Белые стринги намокли, потеплели. Пояс развязался, и халат тут же слез с плеч, упав на пол. Бёдра задвигались быстрее, пока женские и мужские стоны разносились по затихшей квартире. Чужие ладони накрыли грудь и мягко сжали её, отчего Маша пронзительно застонала и выпрямила спину.

– Трахни меня, – её дыхание полностью сбилось, ведь дышала она страстью, повисшей в воздухе.

– Я трахну тебя, – Рома провёл пальцами у самых сосков, вызвав ещё один стон. – Но сначала сделай приятно мне.

В поцелуе её губы разошлись в улыбке. Она начала медленно сползать вниз, смакуя его слюну у себя во рту. Наконец встала на колени, взялась за ремень, расстегнула его.

И в тот момент, когда она потянулась к ширинке, Рома взял бутылку и разбил об её голову.

24

Он чуть не сорвался.

Вашу мать, он чуть не сорвался! Как близок был тот момент, когда его воля дала бы слабину и позволила войти в это потрясающее тело, наслаждаясь каждым его изгибом? Ещё бы пара секунд, и он бы точно познал её язык не только своим языком. То, как она сидела на нём... двигалась... дышала прямо в ухо... чёрт, это был бы лучший секс за всю историю человечества. Но как только женское тело с грохотом ударилось об пол, к Роме вернулись ясность ума и трезвость рассудка. Хотя трезвым его сейчас вряд ли можно было назвать.

Он с трудом поднялся со стула и чуть не наступил на лицо Марии. Или Маши? В голове всё смешалось одной кашей, и лишь одно слово чётко выделялось на фоне всего этого:

«ДОКУМЕНТЫ».

Она хранит оригиналы у себя дома. Значит, в каком-то из шкафчиков должна быть кипа бумаг, содержащая компроматы и прочее дерьмо, которым совсем недавно пугал Женя. И, вероятнее всего, только в кабинете могло найтись что-то подобное.

А в кабинете была Сяма. Кошка, чьи когти запросто выцарапают глаза нежеланного гостя.

Рома проглотил слюну и дал себе пощёчину. Шлепок громом разразился по всей комнате и эхом вернулся обратно, будто раздался в пещере. Ноги слегка подогнулись, но тут же выпрямились. Стол, вроде как, захотел уплыть, и Рома не стал ему мешать – пусть плывёт. Сам он нагнулся, поднял халат и укрыл им тело своей секретарши (какая же у неё грудь!).

Когда он увидел её влажные белые трусики, в голове проскочила мысль: *«А может, всё-таки трахнуть её? Пока она без сознания. Никто не узнает. Где ты ещё найдёшь такие бёдра? Только посмотри...»*

– Заткнись! – Пустая комната не ответила на крик и продолжала молчать. – Мы пришли за документами, а не за сексом. У тебя есть Настя. – Последнее слово он процедил сквозь зубы и повторил: – Настя! Не забывай об этом!

Рома спрятал под халатом все обнажённые места Маши и поднялся, как ему показалось, со дна Марианской впадины. Стена напротив захотела упасть, но резко передумала и

осталась на месте. Где-то вдали мяукала кошка, и, долго не думая, Рома пошёл на этот звук, выставив перед собой руки. Когда наткнулся на дверь, открыл её и увидел, как мимо пробежал комок светлой шерсти. Он приблизился к выглядывающим из-под халата ногам и, свернувшись, лёг возле них.

Рома отвернулся и вошёл в кабинет.

Время потеряло своё значение. Оно превратилось во что-то непонятное, недоступное сознанию. Луна перемещалась по небу, но она могла и обманывать, ведь так? Все могли обманывать. Весь чёртов мир мог обманывать. Правду говорили лишь документы. Документы... Грёбанные документы. Чёрт, да где же они?!

Рома вытаскивал ящики стола один за другим, очищал полки шкафчиков и яростно кричал на тишину, когда находил лишь сплошные квитанции. Господи, ну что за бред? Почему он здесь? Где Настя? Почему так болит правый глаз? Что? Как? Какой халат?

Боже...

Почему они говорят? Где грёбанные документы? Где грёбанная медуза?! Медуза? Медуза... лежала на столе. Да вот же она! Она? Нет, это Настя. Да, Настя. Настя? Что ты здесь делаешь? Я лишь по делам пришёл, мне нужно решить вопрос. Да, я всегда решаю вопросы, милая. Тебе плохо? Выглядишь плохо, я могу помочь? Конечно, я рядом, не переживай. Просто я... я... очень хочу спать. Рядом с тобой, дорогая. Всё ради тебя, ты знаешь это. Я живу ради тебя, На-

стюш, так что, пожалуйста, не будь медузой.

Я боюсь медуз.

Я боюсь всего.

Рома достал три зелёных папки и спустя пару минут разрыдался, ведь нашёл эти грёбанные документы. Достал все листы и кинул в раковину, пустив на них поток воды, после чего уселся в угол перевернутой вверх дном комнаты.

Он обхватил пальцами нижнюю губу и захотел её оторвать. Потянул со всей силы, но эта сука осталась на месте! Пришлось вцепиться в неё зубами, чтобы сделать ей больно. Почти сразу же на поверхность выступила кровь, как всегда сопровождаемая привкусом меди. Теперь зубы вцепились в кожу на ладони и чуть ли не оторвали целый кусок. Это был неправильный мир. Какой-то неправильный мир. Неправильный день.

Где моя Настя?

Рома еле встал на ноги и дошёл до раковины. Закрыв кран и порвал, истязал все бумаги, не оставив от них ничего, кроме жалких мелких комков. Кровь медленно, будто крадясь, ползла к подбородку, выходя из искусанной губы. Кто-то крепко обнимал правый глаз и явно собирался в скором времени трахнуть его. Конечно! В этом мире все желают трахнуть твои глаза! Трахнуть их обманом и заставить тебя поверить в то, что видишь, хоть это чёртова ложь!

Рома добрался до лежащего тела и упал рядом с ним на колени. Сбросил халат и дал себе мощную пощёчину, когда

руки потянулись к промежности. Он отвернулся и поднял Марию, прижав руками к себе и пыхтя при каждом движении. Весила она не меньше тонны. Пока Рома тащил её до выхода из квартиры, стены вокруг водили хоровод и пытались плясать, но у них это плохо получалось, потому что кого-то из них постоянно шатало. Кто-то упал. Кто-то шептался и хихикал. А кто-то и вовсе превратился в потолок и пол одновременно.

Как во сне Рома одну за другой перебирал ступеньки, неся на себе мешок с титаном. Он спускался с четвёртого этажа около десяти лет, когда, наконец, добрался до дверцы парадной и вышел на улицу. Свежий воздух ударил в голову, но не смог расплавить залитый в руки свинец. Рома не помнил, как открыл машину и бросил тело на заднее сидение. Последним фрагментом памяти той ночью стало то, как он уселся за руль и, прошептав «*Настя*», заснул.

25

Когда мир появился, первым показался значок «*Мерседеса*».

Затем где-то чирикнула птичка, а за ней ещё одна. Рома увидел свои руки, положенные на руль, и пошевелил пальцами, убедившись, что это его тело. Голова неприятно гудела, правый глаз ныл слабой болью, но в целом самочувствие бы-

ло неплохим. Особенно после такого количества алкоголя.

Всё тело будто пронзила тысяча мелких иголок, которые при любом движении впивались всё глубже и глубже. Рома размял затёкшую шею, несколько раз ударил себя по прессу и, вроде как, проснулся.

Часы показывали десять утра, и ясное в небе солнце лишь подтверждало это. Прохожие мчались по своим делам, не обращая внимания ни на что вокруг. Надо же, как легко можно пропустить мимо себя машину, на заднем сидении которой мешками лежат два человеческих тела. Люди проходили мимо, лишь изредка бросая взгляд на чёрный «мерседес». Солнечные лучи нагрели приборную панель и начали поджаривать вокруг воздух, превращая салон автомобиля в печку. И перед тем, как открыть окно для проветривания, Рома решил осмотреть пассажиров и повернулся.

На заднем сидении был только Женя.

26

Дверь оказалась незапертой, и он тут же вошёл внутрь.

Ничего в квартире с его прошлого визита не изменилось: те же следы от обуви, те же выпотрошенные шкафы и тот же бардак кругом, что он оставил после себя. Прихожую и комнаты освещал лишь проникающий внутрь солнечный свет – такой ласковый, какой бывает только с утра. Он ложился на

разбросанные по полу документы и отскакивал от зеркал, отражающих медленно бредущего по квартире мужчину. Осторожные шаги пытались пробить плотную тишину, но удавалось это лишь чирикающим птичкам. Телевизор не разговаривал сам с собой, не шумел утюг, и даже плита, эта утренняя домохозяйка, окунулась в полнейшее молчание – всё вокруг затихло, будто узнало, что в квартире есть кто-то ещё.

Рома прошёл прихожую и двигался по коридору, вспоминая, как тащил по нему обнажённое тело Марии. Вроде бы, один раз он случайно ударил его об косяк двери, но это могли быть происки воображения, так что доверять им не стоило. Совсем не стоило. Вдруг он оставил её здесь, а воспоминания – всего лишь выдумка? Где та грань между реальностью и сном? Что настоящее, а что – нет? Была ли тут медуза, щекочущая горло своими щупальцами, или это серо-голубое сияние исходило из его головы?

Рома остановился у зеркала и взгляделся в того незнакомца, чьи глаза казались глазами сумасшедшего. Под нижней губой к подбородку тянулись тёмные ручейки запёкшейся крови. Они напоминали мазки неумелого художника, только познающего, что такое краски. Концы ремня всё так же свободно свисали вниз, как и прошлым вечером, когда чужие ладони спускались ниже и ниже.

Рома затянул ремень, застегнул пуговицы рубашки все до одной (кроме, естественно, самой верхней) и вытер кровь с лица, постоянно смачивая ладонь слюной. Когда он закон-

чил, то двинулся дальше по коридору.

– Маш? – Звук собственного голоса долетел откуда-то издалека и в то же время слишком громко раздался в голове. – Маш, ты здесь? Вчера... вышла неловкая ситуация, мы можем её обсудить. Только давай, пожалуйста, без прятков, хорошо?

Ему ответила тишина, разбавляемая лишь мерным жужжанием холодильника. В квартире гулял прохладный ветерок – окно на кухне открыли нараспашку. Двери во все комнаты были закрыты, чего точно не было раньше. Рома ясно помнил, как выпустил кошку из кабинета, как он возвращался за телом на кухню и как носился по всей квартире в поисках документов, пока не нашёл их. Нет, двери не могли быть закрыты. Даже богатое воображение не запутает здесь мозг. Единственным местом, куда Рома не заходил, была ванная.

И именно дверь туда чуть приоткрыли.

Утренние лучи освещали кафель, по которому ступали туфли, но боялись заглянуть в покрытую тьмой ванную, в эту узкую чёрную щель между стеной и дверью. Эта мгла дышала. Она что-то скрывала в себе, и казалось, ещё чуть-чуть – на ручку тут же лягут еле видимые пальцы и аккуратно закроют дверь.

Рома ждал, пока что-то выйдет из темноты. Ждал, когда там засияет что-то нереальное (*медуза*) или выдаст себя случайным звуком (*кит*). Но молчание продолжалось минуту, две, только кровь в висках разговаривала с миром, вдруг ре-

шившим заткнуться. Даже шум проезжающих под окном машин стих до минимума, будто пытался затаиться. Только одна темнота, эта узкая щель в ванную комнату, пыталась что-то сказать, но давилась собственной немотой, ведь мгла не может разговаривать.

До какого-то времени.

Рома начал медленно открывать дверь и шагнул внутрь сразу же, как лучи солнца скользнули в комнату.

То, что он увидел, сжало сердце.

В наполненной кровью ванне лежала Мария. Её рука, окрашенная в тёмные реки венозной крови, свисала вниз. С кончиков пальцев всю ночь капала кровь, и теперь на белом кафеле образовалась огромная лужа, кажущаяся чёрной в обрамлении тьмы. Мария легла боком и положила голову на край ванной, уставившись на неприкрытую дверь. Веки были опущены, а губы расслабились в лёгкой, судя по всему, счастливой улыбке. Тёмные волосы облепили лицо, и даже так оно оставалось красивым – создавалось впечатление, что девушка просто заснула в наполненной водой ванне. Но правду говорили кровавые потёки, оставленные везде, до чего только могли добраться. Обнажённое бедро выглядывало из-за воды, и внезапно Рома понял, что теперь никто не сможет провести рукой по этой груди, кроме патологоанатома. Больше ни чьи губы не смогут пройти по этой тоненькой шее, заставив её обладательницу судорожно вздохнуть. Этим телом будет наслаждаться лишь холодная земля, пока его не

съедают червяки, оставив одни кости и, быть может, украшения.

Рома почувствовал, как его начинает шатать из стороны в сторону, и уже собрался выйти в коридор, когда заметил два прячущихся в темноте глаза.

Они были живыми. Зрачки следили за ним, не упускали из виду. Радужки переливались мутно-зелёным, болотным цветом. Чёрный круг медленно сузился до узкой щёлочки, и вместе с тем раздалось тихое, но звонкое урчание. Оно разносилось по молчаливым стенам и отражалось от них, эхом проникая в самую голову. Казалось, где-то далеко завёлся двигатель его «мерседеса» и за рулём сидел тот, кто хотел задавить хозяина этой чёртовой машины.

Пальцы нащупали выключатель и с силой нажали на него.

Свет превратил чёрную воду в разбавленную красную, а ручьи потёкшей туши – в ручьи потёкшей крови. Два глаза обрели вокруг себя тело, мирно сидящее у головы Марии. Светлая шерсть касалась тёмных волос, хвост лёг на затылок, как бы укрывая его. Сяма, свернувшись клубком, сидела у головы своей хозяйки и тихо урчала, смотря на забредшего гостя. Она не нападала, её шерсть не поднялась дыбом – она просто скорбела, по-своему, по-кошачьи.

Рома оторвал взгляд от мутно-зелёных глаз и посмотрел на стену, до этого скрываемую темнотой. На чистом белом холсте Мария нарисовала солнце. Совсем как ребёнок – один

кружок и растущие из него палочки. В самом центре широкой дугой сияла улыбка, растянутая прямо под глазами-точками. И рисунок мог бы показаться очень милым, если бы не был написан кровью.

Солнце улыбалось над телом мёртвой женщины, и только тонкие подтёки у самых краёв рта портили счастливую улыбку.

Рома вжался в стену, но под его спиной ничего не оказалось, поэтому он упал, пытаясь поймать ртом воздух. Ноги медленно отползли от ванной комнаты, пока горло продолжало пульсировать. Застрявшее там сердце не позволяло нормально дышать. Рома пытался вдохнуть, но вместо этого лишь выдавливал стон, пока его не отпускали глаза-точечки. Тихое урчание становилось громче. Оно угрожало. Оно предупреждало. Всё вокруг предупреждало и говорило о том, что лучше уйти отсюда, оставить всё как есть. Иначе эти стены сожрут его, даже не подавившись.

Рома вскочил и рванул на кухню, после чего нагнулся над раковиной. Желудок опустел за пару секунд, чуть ли не выйдя из горла. Организм пытался выдавить что-то ещё, но добился лишь стонов и свисающих слюней. Рома вытер их дрожащими руками и только сейчас заметил, какие холодные у него пальцы.

– Твою мать, – голос дрожал не меньше. Он скакал как у испуганного мальчишки, находящегося на грани истерики. – Твою мать, твою мать, твою мать...

Он кое-как добрался до ванной, стараясь не смотреть на кровавое солнце – последнее послание умирающей жизни. Сяма всё так же сидела у головы хозяйки, но теперь перестала урчать и лишь молча наблюдала за гостем. На полу, слегка заляпанный кровью, лежал розовый вибратор. Его отбросили как можно дальше, явно намереваясь разбить, потому что прямо над ним, на стене, проглядывала еле видимая вмятина.

Слишком ужасная картина, подумал Рома. Самоубийство с вибратором. Насколько же она была несчастной?

Он оглядел комнату, сам не зная, что ищет. Вокруг лежало столько вещей, напоминающих, что этот человек действительно существовал: фен, которым она сушила волосы, расчёски, которым она их причёсывала, тюбики, шампуни, гели для умывания и молочко для тела. Они потеряли свою владелицу и вскоре будут доживать последние деньки на помойке, ведь кому они теперь нужны? Мёртвые на заботятся о красоте.

Взгляд Ромы наткнулся на незакрытый блокнот, оставленный на стиральной машинке. Страницы заполнили чернила, вылитые на бумагу аккуратным, таким кругленьким женским почерком. Кое-где буквы расплылись из-за влаги солёных слёз, кое-где – из-за крови. Рома аккуратно взял блокнот в руки и, еле сдерживая трясущиеся губы, начал читать то, что посвящалось ему.

Тебе, мой дорогой обманщик

Раз ты читаешь это письмо, значит, уже успел испугаться, не обнаружив меня в машине. Знаешь, Рома, я вылезла из ванны только ради того, чтобы сказать тебе, что ты мудака. Писать я много не буду, потому что засыпаю. Оказывается, самое больное – лишь порез, представляешь? Но если стиснуть зубы, то и это можно стерпеть. Вот я стерпела.

Я надеюсь, твоя компания рухнет. Ты потерял двух заместителей. Я надеюсь, Настя узнает, кто ты такой на самом деле. Я к этому руку прикладывать не буду. Зачем оно мне нужно? Время всё расставит по своим местам.

Я ухожу из жизни и не хочу ни перед кем оправдываться, почему я так решила. Просто хочу. Мне никогда не везло с мужчинами, а жить в мире, где правят они, я больше не могу. Пошёл в жопу ты, Ромочка, и весь мужско род. Будьте вы прокляты.

Я не хочу никого винить в своей смерти, но немного подумав, решила, что ты заслужил угрызений совести. Желаю тебе поскорее сдохнуть.

Когда попадёшь в ад, попробуй найти там хоть одну женщину.

Они все в раю.

А вы, мужчины, продолжайте убивать друг друга и трахать чужих жён.

Вы мне противны.

Рома провёл пальцем по серым пятнам на белой бумаге, которые ещё совсем недавно были влажными. Последнее предложение Мария подчеркнула кровавой линией и поставила рядом восклицательный знак, вытекший из её вены. С каждым словом почерк становился хуже, будто пишущая рука теряла силы и медленно умирала.

Медленно умирала...

Три. На моём счету три жизни.

Рома положил блокнот обратно, стараясь не выронить его из дрожащих рук. Закрыл. Выдохнул. Посмотрел на солнце. Попытался улыбнуться в ответ, но лишь почувствовал, как по щеке заскользила слеза.

Он смотрел на солнце несколько минут, окутанный полной тишиной, пока не развернулся и не вышел из ванной. Лишь в дверном проёме он почувствовал, как что-то коснулось его ноги и тут же отпрянуло. Рядом пробежало светлое пятно, и только когда оно добралось до кухни, Рома понял, что это Сяма. Он рванул к ней, но та уже успела забраться на подоконник. Через секунду все четыре лапы оказались в воздухе, без всякой опоры. Через две секунды послышался глухой шлепок.

Рома выглянул из окна и увидел небольшое тело кошки, под которым расплывалась увеличивающаяся лужа крови. Прохожие в ужасе подбегали к ней, но уже скоро понимали, что здесь ничем не помочь.

Четыре.

Часть 3

Хрупкие цепи

1

Он воткнул лопату в землю и привалился к дереву.

Пот струился по его шее, пытаясь охладить горячее тело. Воздух обжигал лёгкие, и большая влажность лишь сильнее давила на них, заставляя вдыхать как можно глубже. Где-то над головой чирикали птички; видимо, обсуждали прибывшего в лес незнакомца с лопатой на спине и тащившим мёртвый мешок с костями. Теперь он покоился под двумя метрами земли, пока не утрамбованной, а лишь поваленной друг на друга. По небу плыли редкие облака, которые становились ниже и ниже, будто хотели поцеловать деревья. Что ж, пусть пытаются, всё равно выйдетдохлый номер.

Рома провёл по лицу ладонью и почувствовал, как она скользит. Волосы обмазали маслом, и касание их вызывало сейчас лишь отторжение. Казалось, сердце должно успокоиться, ведь вся работа позади, но оно продолжало бить по рёбрам. Колотить по ним. Ещё чуть-чуть, и грудная клетка взорвёт кровавым фонтаном.

Рома не помнил, как покинула квартиру. В его памяти отложился лишь тот фрагмент, как в руках горели вырванные из блокнота страницы. Бумага чернела и съёживалась, пока кругленькие буквы исчезали в разгорающемся пламени. Стены вокруг обсуждали произошедшее и, вроде как, делились друг с другом секретами хозяйки. Они сказали, что Маша и вправду восхищалась своим начальником и очень сожалела о совершённом поступке, таком бесстыдном и подлом. Потолок проболтался о том, что она боялась завести отношения с мужчиной из-за случая в школьном лагере. Кто-то невидимый спросил, что за случай, но ему не ответили, так как в ванную вновь зашёл виновник торжества. Он упал на колени и аккуратно положил ладонь на лицо той девушки, которая не заслужила такой участи. Большой палец медленно поглаживал щёчку, пока остальные четыре лежали на шее. Рома склонил голову и нежно поцеловал Марию в губы, замерев при соприкосновении. Они уже остывали. Чёрт, они остывали...

Поцелуй длился не больше десяти секунд, но эти десять секунд растянулись на вечность. Её чуть приоткрытые губы не сопротивлялись его движениям и не мешали горячему воздуху проникать внутрь мёртвого тела. Когда Рома отпрянул, он тихо, с нескрываемой дрожью в голосе произнёс:

– Прости меня, – одна слеза упала ей в рот и растворилась во мраке. – Ты не должна была так закончить. Я... – Он подавился всхлипом и положил руку на её выглядывающее из

воды бедро. – Я не могу сказать, что люблю тебя, но... Надеюсь, ты попадёшь в рай. И обретёшь там счастье. Когда попаду в ад, то позвоню тебе. – Их губы снова сомкнулись и на этот раз не разъединялись минуту – дольше, чем вечность.

Дальше всё окутал туман. Рома помнил лишь то, как вышел из подъезда и сел за руль, но разум его остался в квартире – плавать в наполненной кровью ванне. Чёрный «мерседес» не нарушил ни одного правила, пока катил по дорогам города, но как только выехал за пределы Санкт-Петербурга, стрелка на спидометре резко подскочила к отметке **120**, а когда приблизился лес, миновала и **150**.

Теперь четырёхколёсный монстр отдыхал, греясь на солнышке, как и его хозяин. Роме показалось, что каждый его сустав сосуд и даже кости залиты свинцом, поедающим организм изнутри. Капли пота перестали ощущаться на коже – они текли и текли, будто скатывались на лыжах с курортных гор. Солнце не жарило, не улыбалось, а лишь слегка припекало, но этого было достаточно, чтобы мозги начали превращаться в кипучую кашу. Петербург по праву мог радоваться такой погоде, хотя бы немного разбавившей будничную серость этого города.

Рома облизал солёные губы и медленно встал.

Следующие полчаса он утрамбовывал землю, делая закопаный им участок похожим на окружение. Работа отлично справлялась с тем, чтобы не давать всяким мыслям пробраться в голову. Рома ни о чём не думал, просто выполнял

работу подобно машине: чуть вскопай, перекинь, утрамбуй – и так по кругу. Несколько раз он падал на почву, не в силах подняться. Перед глазами мелькали фейерверки, которые сменял танец чёрный точек. Но, тем не менее, руки снова сжимали лопату и продолжали копать.

Как же это бывает приятно – отключить мозг и позволить телу работать дальше.

Рома закончил, когда солнце сместилось чуть левее. Оно незаметно плыло по небу, плюя на мировые часы и циферблаты – пока оно не скроется за горизонтом, ночь не наступит. Поэтому яркий жёлтый диск продолжал висеть высоковерху и тогда, когда Рома приложил колени к тому месту, что совсем недавно был неглубокой ямой в человеческий рост.

– Прости, Женя. Покойся с миром, друг. Не так всё должно было закончиться, но ты посягнул на святое – на мою компанию и на мою женщину. Одновременно. Видит бог, я не хотел твоей смерти.

После этих слов он поднялся и поплёлся к машине, с большим трудом переставляя ноги. Лопата в руках внезапно потяжелела и рвалась вниз, к земле, будто тоже хотела спрятаться где-то очень глубоко. Над головой пели птицы, перелетая с одной ветки на другую, и пение их слышалось даже тогда, когда громко захлопнулась дверца машины.

Рома включил кондиционер и откинулся на спинку кресла, позволив своим глазам закрыться.

– Через пару минут я поеду.

Через пару минут он заснул.

2

Кто-то стучал в дверь.

Рома открыл глаза и поднял голову, пытаясь хоть что-то разглядеть перед собой. Он лежал на полу в небольшой серой комнате, почти окунувшейся во мрак – темноту разбавляла лишь висящая на потолке одинокая лампочка. Она покачивалась из стороны в сторону, разбрасывая вокруг тени.

Стук повторился.

Рома встал на ноги и подошёл к двери, когда сзади кто-то шепнул:

– Убийца.

Он резко развернулся, но увидел одни стены, которые, конечно же, не могли говорить. Стены же не разговаривают, правда? Правда ведь?

– Это всегда было правдой.

Кто-то шелохнулся во мгле и скользнул по полу, совсем как призрак. Окутавшая комнату тишина попыталась скрыть шаги, но всё равно сквозь неё просачивалось чужое дыхание.

– Убийца...

Рома вцепился в ручку двери и дёрнул вниз, но так и остался запертым в комнате. Он со всей силы ударил по двери плечом и ничего не добился. Стены засмеялись. Потолок

засмеялся. Пол залился хохотом, и даже сама тишина еле сдерживала рвущийся наружу смех.

С той стороны кто-то вновь постучал.

Рома прижался к двери и закричал во всё горло:

– ОТКРОЙ МНЕ! ОТКРОЙ, ПОЖАЛУЙСТА, ТЫ ЖЕ МОЖЕШЬ! ОТКРОЙ! ЗДЕСЬ СТЕНЫ! ЗДЕСЬ ЧЁРТОВЫ СТЕНЫ!

Он отступил на шаг и ударил ногой по двери. Стук стих, но вот смех за спиной нарастал. Толпа зрителей укатывалась с хохоту, и хохот этот превращался в единый глас, скандировавший: «УБИЙЦА! УБИЙЦА! УБИЙЦА!» Чьи-то тонкие пальцы коснулись шеи и радостно прошлись по коже. Ногти почесали волосы. Ещё одни ладони проникли под рубашку, сползая к ягодицам. Влажный язык коснулся загривка, на который тут же хлынул поток горячего воздуха.

Рома закричал и вжался в дверь, не смотря за спину. Он судорожно зарыдал, его кулаки пытались пробить дверь, сломать её, но вместо хруста кистей до ушей донёсся шёпот:

– Вы мне нравитесь, босс.

Язык лизнул щёку.

– Вы мне нравитесь как мужчина.

Ладони прошлись по спине.

– Трахни меня.

Я трахну тебя.

– Трахни сейчас, перед тем, как я умру.

Смех становился громче, и шёл он, казалось, из груди.

– А зачем нам еда? Давай выпьем за нас! Выпьем нашей общей грешной крови!

Заткнись.

– Буду для тебя просто Машей. Так и подпиши меня над могилой. Ты же похоронил меня? Похоронил?

Заткнись, пожалуйста. Заткнись, заткнись, заткнись!

– Я заткнулась сегодня ночью. Благодаря тебе, милый. И когда я умирала, стены смеялись надо мной. Надеюсь, тебя они сожрут.

Рома заколотил по двери кулаками и начал бить головой, стараясь размозжить череп быстрее, чем тонкие пальцы доберутся до лица. Десятки ладоней ласкали его тело, пытались раздеть и перешёптывались друг с другом. В один момент они могли впить в тело все свои острые ногти и раскрасить его кровавыми дорожками, пока общий смех будет разноситься во мгле. Лампочка разбилась. Свет исчез. Рома не видел кровь, идущую из головы, но чувствовал её, а потому продолжал раскалывать череп. Замер он лишь тогда, когда чей-то склизкий язык пробрался в ухо, после чего раздался женский шёпот:

– Горите вы все, мужчины, в аду!

Ногти впились в глаза, из которых тут же прыснула кровь. Холодные руки схватили разошедшийся в крике рот и начали оттягивать уголки губ друг от друга, разрывая нижнюю половину лица. Рома попытался схватить ручку двери, но нащупал лишь тело мёртвой кошки, внезапно ожившей от это-

го касания. Она прыгнула на пах и тут же вцепилась зубами в кожу. Кровь хлынула фонтаном. Она текла по ногам, накапливалась в туфлях. Вскоре начала вытекать и оттуда. Сены веселились, тьма хохотала, все вокруг были счастливы! Комната, наконец, наполнялась кровью.

Ноги подогнулись, и Рома, сдавшись, упал на песок.

Он смог открыть глаза лишь после нескольких секунд тишины, которую внезапно разбавили морские волны. Нет, волны океана. Он был на пляже огромного океана, который человечество ещё не открыло. Исчезли тонкие пальцы, исчезли женские ладони. Были только песок и океан. И затянутое облаками серое небо. Так-то лучше.

Рома поднялся и поплёлся к воде, не обратив внимания на то, что вся кровь исчезла. Он хотел просто окунуться в воду и забыться, позволить течению унести себя и даже утопить, если так будет нужно. Тонуть будет приятно, ведь никто не спасёт.

Берег тянулся в бесконечную даль, покрывал своим серым ковром весь мир, уступив лишь тёмно-синему, беспокойному океану. Голые ступни оставляли на песке следы, которые ту же затягивались и пропадали. Потом они стали появляться под ногами за миг до того, как они опустятся. И чем ближе становился шум волн, тем больше следы опережали Рома. Теперь уже он тянулся за ними, а потом побежал. Ступни попадали в собственные контуры, ветер проходил по волосам. Вокруг не было ни одной стены – одно огромное

пространство, которое не могло на тебя упасть. Ноги неслись вперёд и остановились только тогда когда врезались в края ванны.

Рома попытался отойти, но не смог – наполненная кровью ванна приковала его взгляд.

Она слегка рябила, будто кто-то маленький бегал по дну и старался выбраться, но лишь, захлёбываясь, умирал. Кровь становилась ярче, насыщеннее, впивалась в глаза и источала тепло. Жар. На поверхности появился один пузырьёк, за ним всплыл и второй. Над ванной поплыл густой туман, когда кровь начали кипятить. Рома захотел убежать, рвануть с места и скрыться в океане, но вместо этого нагнулся над ванной, поставив под пар лицо.

На глубине что-то слабо сияло, пульсировало. Свет становился ярче, и только когда он добрался до самой поверхности, Рома увидел в нём серо-голубые блики.

Из кипящей крови выпрыгнула медуза и вцепилась в лицо, обвив голову щупальцами. Они обтянули череп и начали его сжимать, оставляя на коже глубокие порезы. Раскрывшийся рот наполнился слизью, и вскоре она начала вытекать из ноздрей, потому что в лёгких уже не было места. Рома поднял руки, но их тут же сцепили тугими верёвками и привязали к телу. Медуза убивала, растягивая удовольствие.

Она наслаждалась этой болью.

Рома почувствовал ногами края ванны и мгновенно принял решение. Он опустил голову в бурлящую кровь и закрыл

чал, когда медуза в ужасе отцепилась. Горячая жидкость заливалась в раны и сжигала кожу в жажде добраться до самых костей.

На затылок легла чья-то рука.

Она опускала голову на самое дно, заставляя смотреть на беспредел красного. Пузыри били по лицу, пока оно опускалось всё ниже и ниже, метр за метром. И только когда лоб ударился об дно, всё закончилось.

Подул приятный ветерок, рука исчезла.

Рома вновь поплёлся к воде, не зная, чего хочет. Серый песок, серое небо, серое море – всё, что нужно, чтобы сойти с ума. И холодные губы... С холодными губами получается совсем странный поцелуй.

Внезапно земля задрезжала, а в воздухе зазвенела вибрация.

Вода стала менять цвет. Из серой она превратилась в бордовую, а потом и вовсе прекратила быть водой – теперь берег омывала кровь. Океан крови. Его пенистые волны ласкали песок и ноги Ромы, приятно щекоча лодыжки.

Вибрация усилилась.

Песок задрезжал, а облака начали тянуться к земле. Рома посмотрел на горизонт и с ужасом заметил, как там рождается огромная, разинувшая свою пасть кровавая волна. Она стремительно приближалась к берегу, почти касаясь тёмных облаков. Шум нарастал, пока весь мир накрывала тень грядущей катастрофы.

– Нет. – Ступни нехотя отлипали от песка, отходя назад. – Нет, нет, господи, нет... Это же ужасно! Оно... Оно поглотит меня.

Ярким светом вспыхнуло солнце размером со всё небо. Оно добавило волне красного и будто подбодрило её, засияв ещё сильнее. И улыбалось. Чёртово солнце улыбалось. Лучи его пропитались кровью, контуры были обмазаны ей, буквально нарисованы. И эта улыбка... она сжимала горло уголками своих губ.

Рома развернулся и побежал со всех ног от берега, пытаюсь вдохнуть через всхлипы. Но только берег не заканчивался – серый ковёр стелился по всей планете, которую заливала кровь, вытекшая из ванной. Шум за спиной приближался, солнце превратило серый песок в белый. Небо грозило упасть, придавить облаками. Но упал Рома, не в силах бежать дальше. Тяжело дыша, он оглянулся через плечо, и в этот момент его подбросило вверх и разорвало на куски.

3

Он проснулся и выплюнул воздух.

Мокрые волосы прилипли ко лбу, а рубашка плотно облегла торс. Кисти сжимали обод руля, руки дрожали подобно натянутым струнам, а воздух не просто обжигал всё внутри – он пожирал лёгкие и оставлял за собой пожар. Слюна цара-

пала горло, и казалось, после каждого глотка по его стенкам течёт кровь – горячая, прямо как в той ванне.

Рома посмотрел на часы. День близился к вечеру, то есть к завершению рабочего дня. Отлично. Его даже не было на работе, как и секретаря, как и заместителя. Что ж, у обоих имелась уважительная причина – они были мертвы. А как известно, мёртвые на работу не ходят.

Сотрудники могли идти домой через два часа, за которые чёрный «мерседес» не успеет проехать и половины пути до офиса. Конечно, завтра у многих возникнут вопросы, на которые Роме на захочется отвечать, но эта игра в манипулятора была хороша ему знакома, так что запудрить всем мозги не составит труда.

Всё-таки он бизнесмен.

Двигатель взвыл при повороте ключа, и уже через несколько секунд колёса поползли по земле, медленно разгоняясь.

4

При выезде на дорогу сон начал возвращаться.

Кто-то легонько стукнул по голове и провёл пальцем по шее, на миг вернув в маленькую серую комнатку. Рома сконцентрировался на дороге и попытался отключить мозг, позволить телу и интуиции работать в паре, но на этот раз

не прокатило. Перед глазами появились две серых полосы, символизовавших небо и песок, а между ними, увеличиваясь в размерах, захватывая с собой облака, приближалась волна. И освещало её улыбающееся солнце.

Рома переключил передачу и вдавил педаль газа в пол.

Они шептались. Они говорили, что он убийца. Тыкали в него этим словом! Но это же неправда. Это же неправда? Она сама приняла такое решение, сама провела лезвием по своим венам, сделала это осознанно. Разве не так всё было? Это не его вина, не он виновен в её смерти, нет. Он не несёт ответственности за её слабый характер, ни в коем случае.

Но ведь ты бы убил её.

Руль дёрнулся, а пальцы на миг онемели. Внутри Ромы всё похолодело от того голоса, который прозвучал глубоко в голове. В его нотках не было ни капли сомнений, и именно это пугало больше всего.

Она поступила правильно, иначе погибла бы от ТВОИХ рук. И не пытайся это отрицать – ты всё прекрасно знаешь.

– Нет, – костяшки его пальцев побелели. – Я не собирался её убивать. Я просто хотел отоспаться и поговорить с ней!

После того, как чуть не пробил ей голову?

– Да! – Он с силой ударил по рулю, вызвав оглушающий гудок. – Да, мать твою, да! Но послушай меня сейчас, умник. Заткнись в моей голове. Закрой своё грёбаный рот! Я не убил её! Это факт! Факт, сука, а не мнение, так что не пы-

тайся давить на мою совесть, паскуда.

А она у тебя есть?

Кто-то небрежно хихикнул за спиной, но когда Рома посмотрел в зеркало, увидел лишь пустые задние сидения, на которых совсем недавно лежали уже два мёртвых человека. Голос внутри, насмехающийся и будто говорящий с лёгкой улыбкой, даже не думал стихать, а наоборот – его шёпот только усилился.

– Раз ты так любишь факты, дорогой, я с тобой ими поделюсь, – теперь стало ясно, что это женщина. Она перекрывала шум двигателя и все посторонние звуки. – У тебя есть девушка, которую ты, конечно же, бесконечно любишь. – Уши пронзил пропитанный сарказмом смех и нежно поцеловал в мозг. – Как же, дорогой, как же. При этом ты с букетом роз пришёл к другой женщине признаться в искренней, такой чистой любви!

– Заткнись. – Он процедил это слово сквозь стиснутые зубы, но понял, что оно не долетело до адресата.

– Ты лапал чужую грудь, целовал чужие губы, твой член трогала чужая рука, и чужие бёдра тёрлись об него. И при всём этом ты говоришь, что сохранил верность?

– Я НЕ ИЗМЕНЯЛ! – Гнев выплеснулся наружу и залил весь мир красным, окунув его в огонь. – Я НЕ ИЗМЕНЯЛ, ТУПАЯ ТЫ СУКА! Я ДВА РАЗА ОСТАНОВИЛСЯ, ХОТЯ МОГ ТРАХНУТЬ ЕЁ! И ТРАХНУТЬ ГРЯЗНО! НО Я ЭТОГО НЕ СДЕЛАЛ! НЕ СДЕЛАЛ, МАТЬ ТВОЮ! ПОТОМУ

ЧТО Я ЛЮБЛЮ НАСТЮ!

– Ты любишь Настю? – Женский смех разлился по салону автомобиля, отражаясь эхом от стен. – Господи, ну себе-то хоть не ври. Ты просто используешь её, чтобы хоть с кем-то чувствовать себя счастливым. Ты всегда всех используешь, дорогой. Ты не любишь Настю. Просто она не даёт тебе загнить, что тебе нравится. Но открою один секретик, – горячее дыхание прошлось по уху, – она тоже человек. И сможет уйти тогда, когда захочет. И здесь тебе уже никто не поможет. Ты сожрёшь себя сам.

Чёрный «мерседес» влетел в пробку, так что Рома позволил себе развернуться и ухватить за горло эту болтливую суку, но рука поймала лишь воздух.

– Как забавно! Наш эмоциональный мальчик думает решить вопрос привычным ему способом – просто заткнуть собеседника физической силой. Но признай, милый, – губы коснулись шеи, – ты слаб.

– НЕТ! – Он ударил по рулю, и на весь участок дороги раздался автомобильный гудок. – Заткнись, сука, ты вообще не знаешь, о чём говоришь! Я это всё делаю ради Насти, потому что люблю её! ЛЮБЛЮ! И не изменил, никакого секса не было!

– А только ли секс считается изменой? Раз ты так уверен, что сохранил верность своей любимой, расскажи ей правду. Ты же поступил правильно, так ведь? Не изменил. Не вошёл в чужое тело. Уверена, Настя простит тебе поцелуй с чужими

губами и ласку чужой груди. Конечно, женщины же так легко это прощают! Расскажи ей, раз не изменял. Может, она тебя даже похвалит.

Рома тяжело дышал, кулаки его горели, пылали, были готовы взорваться. Он бы одним движением заткнул этот голос, но его обладатель был невидим, неосязаем. Ярость бурлила глубоко в груди, и казалось, кипящая от злости кровь вот-вот прорвёт кожу и зальёт всё вокруг, чтобы хоть как-то заглушить этот ужасный голос. Он выводил из себя, но и пугал, пробирал до самых костей.

– Чего молчишь? Понимаешь, что твоей девочке не понравится правда? О, пусечка, так оно и будет. Она ещё не знает, какого монстра называет своим мужчиной.

Голову пронзили два безумно громких автомобильных гудка, и это стало последней каплей терпения. Рома вышел из машины – вырвался из неё – и направился к серой «тойоте», вставшей прямо за ним. Водитель, крупный мужчина средних лет с трёхдневной щетиной, увидев, как к его автомобилю приближается молодой парень, начал опускать стекло.

Когда парень подошёл, мужчина спросил:

– Что-то случилось, молодой человек?

– Да, – Рома еле держал себя в руках. – Что-то случилось, ты прав, дружок. У тебя, оказывается, отличный, сука, гудок. – Он резко взял мужчину за затылок и ударил головой об руль, выплеснув на его поверхность тёмные капли крови.

Мужчина лишь коротко ахнул и тут же вскинул руки к лицу. Глаза чуть ли не выкатывались наружу, пока между пальцами сочилась текущая из носа кровь. Из рта попыталось вырваться какое-то слово, но следующий удар выбил пальцы из кисти, вытащив кости наружу. Мужчина заверещал, кровь хлынула по травмированной руке и начала заливать одежду красным цветом. – Ещё раз бибикнешь, я сломаю тебе все остальные пальцы и заставлю сожрать, понял? А теперь поезжай домой и подумай о своём поведении.

Прежде чем к кричащему от боли мужчине стали подходить люди, Рома успел вернуться в свой «мерседес» и вдавить педаль газа в пол, уехав от воплей и криков.

Какое-то время он слышал лишь собственное тяжёлое дыхание, но вскоре в салоне автомобиля задышал кто-то ещё и через пару секунд тихо усмехнулся женскими губами.

– Понравилось?

– Замолчи, пожалуйста, прошу тебя. – Его голос дрожал как у ребёнка, находящегося на грани плача; как у ребёнка, которому родители рассказывали ужасную правду. – Если ты не заткнёшься сейчас, то я в кого-нибудь врежусь и убью других людей!

– Ой, да ладно! Ему не безразличны судьбы других людей! Скажи честно, – тёплый ветерок защекотал шею, – ты получил удовольствие, выбив тому бедняги пальцы? Ты же только так привык побеждать, хищник. Хищник... использующий всех вокруг. И даже ту, кого якобы любит.

– Я её люблю, паршивая ты сука! Люблю больше жизни, и ты знаешь это! Я всё, всё делаю ради неё, потому что...

– ...боишься, что сгниешь без неё. Ты заботишься только о своих чувствах, тебя никогда не волновали её желания по-настоящему. Ты просто пользуешься ей, а когда надоест, выбросишь на помойку, а может, закопаешь в могилу.

Роме так и хотелось сжать горло этой стерве и пробить её головой стекло, сажая и сажая на осколки стекла. Он бы выбил ей все зубы и выдавил глаза за то, что они слишком много видят, и вырвал язык за то, что слишком много говорит. Этот голос заслужил того, чтобы его навечно заткнули и утопили в крови, но его обладательница была невидима, так что оставалось лишь сжимать обод руля и пытаться контролировать свою ярость.

Свою необузданную, первобытную ярость.

– Я докажу тебе. Докажу, что люблю её, а не использую. И вот тогда ты заткнёшься. Засунешь язык глубоко в задницу, потому что я окажусь прав. Просто наблюдай.

Он достал из бардачка визитную карточку, извещающую о встрече с актрисой Анной Белой в известной кофейне Петербурга – «Флирт», – и посмотрел на время начала мероприятия. Семь часов вечера.

– Отлично. – Руки расслабились, пальцы отцепились от руля и теперь спокойно держали его. Чёрный «мерседес» ехал к дому своего хозяина, пока тот улыбался самому себе. – Просто наблюдай, детка. Сегодня я докажу свою лю-

Он стоял перед зеркалом, как совсем недавно Мария стояла перед своим.

Рома надел на себя любимый костюм-тройку: чёрный пиджак, чёрные брюки и более тёмный по тону жилет. Такого же цвета галстук был завязан на шее, и, спускаясь к груди, он скрывался за жилетом. Дорогие, переливающиеся бликами света часы выглядывали из-под рукава, мгновенно обозначая статус владельца. На циферблате красовались всем известные пять букв.

Рома взял парфюм и пару раз прыснул им себе на шею, после чего растёр ладонью. Воздух тут же наполнился ароматом кофе, таким родным и приятным... Все голоса стихли, и это не могло не радовать. Как только в руках появилась визитка, оставленная (специально или случайно) Анной на заднем сидении, стены перестали шушукаться, и даже этот противный голос в автомобиле наконец-то смолк. Значит, он принял верное решение. Они не хотят, чтобы он доказал свою любовь к Насте.

А он докажет. В первую очередь этим голосам и только потом уже себе.

Рома посмотрел в зеркало и улыбнулся. Пережитое никак не отразилось на его улыбке – она всё так же могла вскры-

жить голову и заставить проникнуться теплотой, ведь как можно не влюбиться в эти ямочки? Как можно не довериться этим уверенным и в то же время добрым карим глазам? И как можно не почувствовать силу, исходящую от широко расправленных плеч и прямой спины? В отражении зеркала стоял молодой мужчина, не обделённый природой красотой и способный одним взглядом заставить испугаться, либо же растаять подобно снежинке.

– Этот вечер будет моим. И всё, что я сделаю, я сделаю ради тебя, Настя. Ты веришь в нашу любовь, как и я.

Он выключил в комнате свет и направился к прихожей, где начал обувать уже начищенные туфли. Закончив, кинул последний взгляд на квартиру и открыл дверь.

На пороге стояла Настя.

Она мигом подняла голову, оторвавшись от раскрытой сумки. Серо-голубые глаза широко раскрылись, как только пересеклись с карими. Несколько секунд оба молчали, после чего Настя нелепо улыбнулась. Даже чуть виновато.

– Привет, – уголки её губ поднялись ещё выше. – Прости, что не предупредила, хотела сделать сюрприз, но, как видишь, не вышло. Я как раз искала ключи, когда передо мной появился красавчик.

Внезапно Рома осознал, что видит перед собой чужого человека. Чувство это промелькнуло за одно мгновение, но его хватило, чтобы навсегда запечатлеться в памяти. Может, тот голос был прав? Хотя бы отчасти? Может, любовь была лишь

маскировкой для чего-то более...

Рома приказал себе заткнуться и не думать об этом. Сейчас рядом с ним его женщина, которую он бесконечно любит и которая не уступает ему в том же. У него была компания, хоть и без двух уже бывших сотрудников. Была квартира и море денег, в котором можно было купаться до скончания времён. Так что всё в Роминой жизни было прекрасно, а дальше станет только лучше. Почему?

Да потому что.

Он поцеловал Настю и почувствовал знакомые движения губ, выученные наизусть многолетней практикой. Их языки не соприкоснулись как при страстном поцелуе – это был спокойный, нежный и умиротворённый, какой бывает у молодых пар, сидящих на крышах города и наблюдающих уход солнца за горизонт. Рома чуть-чуть, слегка отпрянул от Насти, чувствуя её дыхание на лице.

– Рад тебя видеть, дорогая.

Они зашли в квартиру, и когда Рома закрывал дверь на замок, его взгляд зацепился за циферблат часов. Губы нервно поджались. У него было двадцать свободных минут, которые он мог посвятить Насте, прежде чем пойдёт делать то, что посвятит Насте.

Стук каблуков переместился на кухню и стих, как бы приглашая разбавить повисшую тишину. Мужские туфли вскоре сделали это и остановились рядом с женщиной, одетой в простые светлые джинсы, кроссовки и простую серую фут-

болку, по центру которой была нарисована танцующая танго пара. Волосы, созданные вселенной будто из молочного шоколада, свободно падали на плечи и легонько касались грудей, выступающих из-под ткани футболки. Длинные ресницы хлопали при каждом моргании, и только их одних хватало для того, чтобы сойти с ума и влюбиться. Слабые, еле видимые морщинки у глаз говорили о том, что на этом красивом лице часто сияла улыбка. Она сияла и сейчас, заливая кухню солнечным, таким приятным светом.

– Ты уже давно не отвечаешь на мои звонки, вот я и подумала: может, что случилось? Но, похоже, наш красавчик в порядке, да? Ты куда, кстати, так вырядился?

– Мне нужно идти на встречу с партнёром, будем обсуждать контракт.

– Контракт? – Она стряхнула с его плеч невидимые пылинки. – С каких это пор ты стал так одеваться на обсуждения контракта? И кто застройщик, если не секрет?

Её глаза вопросительно смотрели на него, выжидая ответа. О, этот женский взгляд... он буквально шепчет тебе, что ты идёшь по лезвию ножа и каждый следующий шаг должен быть аккуратным.

– Насть, я недавно купил этот костюм и хочу его разносить.

– Так разноси на нашем свидании.

– На нашем свидании я его сниму. Ну, или ты мне в этом поможешь.

Настя не ответила. Она прильнула к его шее и вдохнула окружающий их аромат, отчего улыбка её тут же поблекла. Скулы прорезались, губы напряглись. Лёгкие наполнил чертовски знакомый и от этого пугающий запах.

– Кофе с щепоткой перца и апельсиновой коркой на пустой улице, рядом с которой пролетают нотки дымящейся сигареты. Мой любимый парфюм... – Настя взяла лицо Ромы в ладони и спросила: – Куда ты идёшь? Ради кого ты использовал ту туалетную воду, которую достаёшь только на наши свидания? Кто она?

Дрожь всё-таки проскочила в её голосе, и вместе с тем Рома понял, что она хотела задать этот вопрос очень давно. Скорее всего, она и приехала из-за страха, что её мужчиной может пользоваться кто-то другой. Сколько же было предположений к этому вопросу? Сколько вопросительных взглядов Рома пропустил мимо себя, оставив без ответа? Как долго Настя собирала мужество, чтобы задать этот вопрос, прежде чем сделал это?

И сейчас, когда он наконец прозвучал, серо-голубые глаза заблестели в свете кухонных ламп. Казалось, они стали голубыми.

– Кто она? Ответь мне, пожалуйста. И не ври о встрече, тебя сегодня даже на работе не было.

– Настя, у меня действительно скоро встреча с женщиной, она представляет интересы двух новых частных компаний-близнецов, которые хотят с нами сотрудничать. И если

я хочу выбить максимально выгодную сделку, мне следует произвести на неё хорошее впечатление как на женщину. То есть, быть обаятельным и располагающим к себе.

Настя лишь пропустила краткий смешок и отвернулась.

Плохой жест.

– Опять ты врёшь. Знаешь, Ром, – она поймала его глаза, хоть для неё мир и начал расплываться, – если бы мы не были с тобой так хорошо знакомы, я бы, может, и поверила в твои сказки, но...я слишком хорошо тебя знаю. Я чувствую, как от тебя несёт враньём.

В голосе промелькнула злость. Или обида? Или всё вместе? Как бы то ни было, грудь Насти начала тяжело подниматься и опускаться, а дыхание стало неровным, сбитым.

– Зачем ты меня обманываешь? – Её руки дрожали, но она не пыталась этого скрыть. Точно так же не спрятала дрожащие губы и сорвавшиеся краешков глаз слёзы, которые теперь медленно текли по щекам. – Мужчина врёт женщине только в одном случае – если он чего-то боится. Так чего ты боишься, Ром?

– Я ничего не боюсь, ты же знаешь.

– Тогда зачем обманываешь меня?

Вид Насти заставил грудь сжаться во что-то маленькое, не давал лёгким нормально дышать. Когда Рома видел её в таком состоянии, он тут же бежал её успокаивать и горел желанием проучить того, кто стал причиной появления слёз в Настиных глазах. И сейчас кулаки тоже начали потихоньку

загораться, искриться, но один лишь мозг понимал, кого в этот раз следовало проучить.

– Настя. – Рома посмотрел на часы, и уголок его губ еле заметно дёрнулся. – Я от тебя ничего не скрываю. Я просто хочу произвести впечатление на женщину, потому что это выгодно моему бизнесу. А он, между прочим, приносит нам, нашей семье деньги. Я иду сейчас на встречу ради тебя, Настюш.

– Ну... – По ней было видно, что она и хочет поверить, но даётся ей это с непосильным трудом. После минуты молчания, за которую каждый из двоих успел почувствовать бие-ние своего сердца, Настя вдохнула и произнесла: – А работа? Почему тебя сегодня весь день не было на работе? И Марии тоже? Ты, случайно, не знаешь причину её отсутствия?

Перед глазами тут же появилась нарисованная кровью улыбка, озаряющая лицо сияющего над ванной солнца. На миг Настю заменила Мария, и в ту же секунду в голову ударили невероятно чёткие воспоминания сегодняшнего дня: ужас от взгляда двух глаз-точек на стене, странное спокойствие при поцелуе мертвеца и гнев... гнев, полный необузданной ярости, который вызвала та, чьим именем многие называют совесть. И сейчас эти отголоски недавно прошедшей злости возвращались обратно. Рома не заметил, как сжал кулаки. Не заметил, как глубоко в груди что-то полыхнуло и начало заливать всё вокруг красным – цветом дикой ярости.

И цветом платья Анны.

Рома приказал себе успокоиться. Что бы ни говорила Настя, он сейчас действительно шёл на встречу ради неё – чтобы исполнить её мечту стать актрисой и чтобы доказать всем неверующим, что он действительно любит её. И такой сюрприз (Настя! Тебя вызывают на пробы на новую роль! Давай, собирайся скорей, зайчонок!) точно станет лучшим подарком для его Рапунцель. Договариваться он умел как нельзя хорошо, и сегодня этот талант поможет не только его обладателю, но и подарит миру ещё одну актрису, чьи глаза будут сиять на экранах всех кинотеатров мира.

Но Настя задерживает эту встречу, не зная того, что сама порти своё будущее. Почему именно сейчас её упрямство решило сыграть на полную?

– Не отвечаешь... Она... Как давно у вас с неё всё началось?

– Насть, ты с ума сошла? Марии не было из-за простуды, которую она где-то подхватила. Я весь день таскался по нотариусам и оформлял документы, чтобы потом всё было чистенько, гладенько. Сейчас я собираюсь на встречу с застройщиком, женщиной, я уже говорил. Так в чём проблема, Рапунцель?

– Проблема в том, что ты нагло врёшь. И! – Она подняла руку вверх, не позволяя себя перебить. – Не смей называть меня Рапунцелью, пока я не пойму, в чём дело. Мой парень – лжец, и меня от этого тошнит.

– Я не лжец! – Крик вырвался из его груди, которая те-

перь не просто горела – *пылала*. – Не называй меня так! Я с тобой максимально честен, дорогая! Не знаю, какие тараканы завелись в твоей голове, но не хочу на это тратить время. Мне нужно идти. Не жди, буду поздно.

Он уже развернулся и направился к двери, когда сзади слышался голос:

– Только пришли видео. Мне просто интересно: её ты трахаешь так же, как и меня, или у вас свой особый стиль? Может, она любит пожестче? Уверена, тебя достал нежный секс. Мужчины всегда хотят погрязнее.

Внутри всё похолодело и тут же вспыхнуло ярким пламенем, выплеснув в кровь море адреналина. Тело Ромы разом напряглось, будто готовилось к атаке. Он резко повернулся к Насте и заметил, как та сделала шаг назад, увидев призрака безумия в отражении карих глаз.

– Слушай, ты чего добиваешься? – Он подошёл ближе, чувствуя в воздухе аромат страха, перемешанный с запахами искренней обиды и злости. – Ты хочешь взбесить меня или что? Я же тебе сказал, что иду на грёбанную встречу с грёбанным застройщиком! Почему ты мне не веришь?!

– Не кричи на меня! – Её голос ударил по ушам и прозвенел в молчаливой кухне. На щеках блестело уже несколько ручейков, и с каждым последующим словом, срывающимся с трясущихся губ, новые слёзы скатывались с голубых глаз. – Перестань кричать на меня! Я... Я просто хочу... знать, почему ты мне врешь. Я... – Всхлип застрял в горле и не смог

вырваться наружу. – Чем я тебя не устраиваю?

Рома почувствовал, как к лицу приливает кровь, и разозлился ещё больше. Время продолжало идти. Ему было плевать на какие-то разборки или обсуждения. Стрелки на часах перемещались по циферблату, и совсем скоро в одной из кофеинь города должна начаться встреча поклонников со своим кумиром – голливудской актрисой Анной Белой, которая может стать ключом от двери, ведущей в светлое будущее Насти.

Но сейчас она изо всех сил старалась выкинуть этот ключ и успешно с этим справлялась, потому что Рома еле удерживал себя от того, чтобы наброситься на Настю и заклеить её рот скотчем, привязав руки к батарее.

– О чём думаешь? – Она попыталась улыбнуться, но из улыбки вышла жалкая гримаса боли. – Наверное, о ляжках Машки, да? Я же видела, как ты смотришь на неё на работе. Видела, как ОНА смотрит на тебя. Я знаю этот взгляд. Когда-то и я так смотрела тебе вслед. Но...бог с ним, со взглядом. Мне очень обидно оттого, что ты пытаешься меня обмануть. Просто...скажи всё честно, если любишь меня.

– Настя, я опаздываю на встречу. Если я её пропущу, мы потеряем большие деньги. В холодильнике есть вино. Будешь ждать, хоть выпей и разберись сама в себе. В моих словах нет ни капли лжи.

Он вновь развернулся и с твёрдым намерением решил выйти из квартиры, когда Настя резко дёрнула его за пиджак

и вернула к себе.

– Я тебя никуда не отпущу. Ты мой, подонок. И только попробуй выйти отсюда, пока мы не разберёмся друг с другом. Твоя встреча подождёт, ты умеешь делать деньги, но вот я ждать не буду. Я просто соберу вещи и уйду.

– Так проваливай! – Звонкий колокольчик звякнул в голове Ромы и забил тревогу, но поток слов уже было не остановить. – Давай, раз ты не веришь мне! Ты же такая умная, постоянно знаешь, вру я или нет, хотя сама сейчас ни хрена определить не можешь!

– Не кричи на меня! Не смей повышать на меня...

– Заткнись сейчас же! – Она резко замолчала и широко раскрытыми глазами уставилась на Рому. – Если тебе не хватает мозгов понять, что я это всё делаю ради нас с тобой, тогда я объясню: я это всё делаю ради тебя, себя и наших будущих детей. Я не трахал свою секретаршу... и не трахаю сейчас. Я верен лишь тебе, а ты сейчас только и делаешь, что выбешиваешь меня! Если тебе так хочется попилить кому-нибудь мозги, выйди на улицу и...

Настя замахнулась и ударила его со всей силы, зарядив мощную пощёчину. Звонкий шлепок пронёсся по всей квартире. Голова Ромы чуть откинулась в сторону, а лицо почти сразу же заиграло огнём. В повисшей тишине раздавалось лишь тяжёлое женское дыхание, которое пыталось быть осторожным, но не боялось показаться громким.

– Ты что сделала? – Пальцы прошлись по горячей коже,

и от этого пожар внутри только усилился. – Ты что, сука, сделала?

– Не называй меня с...

Он схватил её за запястья и с силой сжал их, услышав сдавленный стон.

– Сейчас говорю я и только я. Ты, похоже, совсем забылась. Потерялась в собственных заблуждениях. Ты правда не можешь понять, что я работаю?! Я работаю, пока ты учишься в своём университете, и получаю деньги!

– Ну молодец, и что? Мне встать перед тобой на колени? Прости, что я не так хороша как ты. У меня нет своего бизнеса. И вообще-то, – её глаза сверкнули через упавшие на лицо волосы, – ты мне делаешь больно. Отпусти меня.

Рома нехотя разжал пальцы и на миг пожалел о том, что не сломал её кисти. Он почти избавился от этого чувства, но оно вспыхнуло вновь, когда Настя произнесла:

– Ты грязный лжец. И к тому же словоблуд.

Эти слова эхом отозвались в голове и ударили по сердцу. Оно больно сжалось, будто пропало, будто чья-то рука с ненавистью сжала его, разбрызгав по рёбрам. Рома почувствовал самый мощный удар в своей жизни, и нанесён он был словами, вышедшими из-под женских губ.

Несколько секунд царило молчание, после чего Рома тихо спросил:

– Почему ты считаешь, что я лгу?

– Потому что. – Настя достала из кармана джинсов теле-

фон, разблокировала его и за пару движений нашла то, что искала. Включив видео, она развернула экран к Роме.

Перед ним предстал его же кабинет, в котором у самого стола целовались мужчина и женщина. Рука мужчины взяла ногу женщины и подтянула её вверх, после чего оба повалились на стол. Камера видела лишь скрытые юбкой ягодички и свисающие мужские ноги, но зато она отлично запечатлела тот момент, когда Рома сжал чужую попу, да так, что пискнула бы любая женщина.

Но больше всего его поразило то, что было перед тем, как два тела упали на стол. Рома не помнил того, чтобы Мария наминала его член, но на экране Настинного телефона именно это она и делала. Её ладонь сжимала, поглаживала пенис сквозь ткань брюк, чувствуя, как он с каждой секундой твердеет всё больше.

Видео заканчивалось тем моментом, когда Рома попытался встать, но со стороны это выглядело так, будто он прильнул лицом к нависшим грудям и так завис, потому что запись окончилась.

А продолжение, конечно же, додумайте у себя в голове, дамы и господа. Всё-таки кувшин не решил все проблемы.

– Женя...

– Да, Женя. – Настя убрала телефон и всхлипнула, попытавшись сдержать плач поджатыми губами. – Теперь что ты скажешь? Тоже к застройщику идёшь?

Пожар сменился затишьем. Огонь побледнел, воцарилась

пустота. Рома непонимающе смотрел на Настю, прокручивая в голове тот момент, когда Женя грозился отправить фотографии Насте. Значит, он тогда их уже отправил? Зная, что босс откажется от договора? Рома не совсем понимал правила игры, по которым играл его подчинённый. Но как бы то ни было, тот находился под метрами земли и теперь уже точно никому ничего не отошлёт.

Рома посмотрел в блестящие от слёз глаза и принял решение – рассказать правду.

– Насть, – он положил руки на её плечи, но она тут же отпрянула, да так резко, что аж врезалась в стол.

– Не трогай меня! Ты самая лживая скотина из всех, что я видела.

– Прошу, послушай меня. Пожалуйста... – Внезапно кухня начала расплываться перед глазами. – Я... хочу сказать тебе правду. – Он ожидал услышать что-нибудь в ответ, но Настя молчала, скрестив руки под грудью и борясь со всхлипами.

Рома вытер первую скатившуюся по щеке слезу и глубоко вдохнул. Как только воздух насытил лёгкие, он заговорил:

– То, что на видео, произошло на самом деле. Это не подделка. Я правда целовался с Маш... Марией и действительно трогал её там, где хотел.

– Она лапала твой член. Как ты это объяснишь?

– Никак. Она просто хотела секса, поэтому и лапала мой

член. Ты заметила, что видео останавливается на том моменте, где я пытаюсь встать? – Настя молча слушала, подвергая сомнению каждое слово. – Она влюблена в меня, поэтому и накинулась. Да, прости, я дал слабину, пошёл на поводу, но, клянусь тебе, я с ней не спал. Я вспомнил про тебя и тут же выгнал её из кабинета. Я говорю честно. Между нами ничего не было.

– А поцелуй за измену не считается? Думаешь, мне приятно осознавать, что мой – хотя я уже сомневаюсь, что мой – мужчина ласкал чужое тело и после этого наслаждался моим, держа свой рот на замке? Думаешь, мне приятно? Я уже не знаю, верить тебе или нет. Ты искусный лжец, но вот видео не врёт: ты целовался со своей секретаршей, и вы оба лежали на столе.

– Но я же сказал тебе...

– Недавно ты обещал мне, что будешь честным со мной. Утром, на этой самой кухне. Ты дал слово и опять солгал. Я не могу довериться мужчине, который постоянно врёт. Мне больно это говорить, но... – Она зажмурила глаза и неровно выдохнула, выпустив горячий воздух из лёгких. – Между нами всё кончено. Разберись в себе, пожалуйста, пока твоя ложь не погубила тебя.

Настя направилась к выходу, но остановилась перед Ромой, перегородившим проход. Она взглянула в его карие глаза и впервые заметила, чтобы они так блестели. Крупные капли слёз будто пытались не сорваться вниз, но всё равно

текли по разгорячённым щекам, залитым краской.

Настя решила протиснуться в дверной проём, но Рома встал прямо перед ней, чуть ли не прижавшись вплотную. Дыхание обоих обжигало каждого, глаза обоих отсвечивали блики кухонных ламп.

– Дай мне пройти.

– Не уходи от меня. – Он взял её руки в свои, но те сразу же вырвались и сжались в кулаки. – Я рассказал тебе правду.

– Ты не заставишь человека любить, если он того не хочет. Ты просрал свой шанс, Рома, и потерял моё доверие.

И вот здесь злость стала набирать обороты. Он сказал ей правду, не соврал, и после этого она ещё и обвиняет его в измене?! Он рассказал ей всё как было! А она не верит! Неужели Рома действительно так часто пользовался её доверием и не оправдывал его, что даже от произнесённой им правды Настю терзали сомнения? Да какая, мать её, разница?! Он работал, он зарабатывал, и именно на нём держалась экономика их отношений, так что он мог позволить себе немного вранья, когда уставал! И что с того? Если бы он говорил Насте только правду, то они расстались бы на первой неделе, потому что ложи была неким механизмом, скрепляющим их вместе. Но сейчас – сейчас! – Рома говорил чистую правду, но Настя настолько обнаглела, что перестала принимать даже её. Она смотрела на него как на изменника, хотя он таким не являлся. Чёрт, он остановил Марию, когда мог позволить ей завершить начатое, – и ради чего? Ради этих недо-

вольных, осуждающих глаз?!

– Дай мне пройти. Я хочу домой.

– То есть, ты вот так возьмёшь и уйдёшь, да? – Теперь обида просачивалась и в его голосе, как бы он ни пытался её скрыть. – Ну молодец, отличный ход! Воспользовалась мной как портовой проституткой. Ты, наверное, уже забыла, кто тебе помог поступить в университет и как ты туда попала. Напомнить? Это был я, и все последующие походы в кино, рестораны, развлечения и подарки оплачивал тоже я. А ты, подоив корову сколько нужно, решила уйти. Ты не чувствуешь себя сукой, дорогая?

– Я чувствую себя дурой, потому что втюрилась в самолюблённого нарцисса. Мне не нужны твои деньги! Понял? Засунь их себе в задницу, раз ты их любишь больше всех на свете!

– Не смей так со мной разг...

– А то что? Ударишь меня? Ну давай, ковбой, покажи всю свою силу на женщине! Может, ты умеешь не только врать, но и...

Рома ударил Настю под дых и услышал, как та резко выдохнула. Тело мгновенно согнулось пополам, а скрытый упавшими волосами рот пытался втянуть хоть немного воздуха. Ноги поплелись к столу, подальше от человека, нанесшего такой удар. Когда Настя вновь смогла дышать, она грустно рассмеялась, смотря на Рому.

– Какой же я была дурой! Ты так хорошо притворялся!

Теперь я понимаю, кто ты. Ты запутавшийся сам в себе человек. Я не хочу иметь с тобой ничего общего и уж тем более детей. Поезжай к своей Марии и трахайтесь хоть до рассвета!

– Да мертва она! – Рома оскалился, хоть сам того не заметил. – Я убил её! Не я...то есть... Я... – Он скрыл лицо в ладонях, после чего коротко всхлипнул.

Настя содрогнулась. Более ужасного всхлипа она никогда не слышала.

– Ты...убил Марию?

– ДА! – Его крик отразился от стен кухни, которая будто бы подслушивала их разговор.

И тихо обсуждала.

– Я убил её! Как и их всех! Убил каждого, кто стоял у меня на пути! Потому что я хищник! – На последнем слове его голос дрогнул, а сам он зарыдал, уже не в силах что-либо скрывать. – У меня не было другого выбора! Я не хотел! Я...

– Ты убил нескольких людей?

– Да, но ради нас! Настя, я всё это делал ради нас, чтобы у нас было светлое будущее!

– Ты монстр... – Она отступила на шаг, и глаза её говорили о том, что она ни капли не сомневается в истинности сказанных слов. – Это не ради нас, Ром. Ты просто жаждал крови, вот и всё. Ты просто жаждал крови...

– Ты простишь меня?

– Нет. После всего, что ты сделал, тебе должно быть приготовлено место в аду.

– Я делал это ради нас с тобой! – Он схватил её за горло и прижал к стене, ударив об неё головой. – Я не убийца, а кормилец семьи! У меня пытались отобрать компанию, и я отстоял её, чтобы мы не жили от зарплаты до зарплаты!

– Но какими методами? – Его пальцы всё сильнее давили на кожу, но Настя продолжала говорить: – Ты не умеешь решать вопросы словами. Твой единственный путь – физическая сила. Ты сильный, да, но так и остаёшься подонком, раз забираешь у людей членов их семей.

– Это ради нашей семьи! Как ты не можешь понять?!

– Оно того не стоит. Я не хочу строить счастье на чужом горе, как ты построил свою компанию. Я знаю, откуда берутся деньги. Ты подонки во всех отношениях.

Он ударил её в живот и повалил на пол, полностью сорвавшись с цепей. В мгновение ока его руки вновь сомкнулись на шее. Настя попыталась вырваться, но так и осталась в этой крепкой хватке. Она почти схватила края пиджака, но тут же получила удар по лицу, и из носа мигом брызнула кровь. Она начала заливать рот и горло, так что Настя, чтобы не захлебнуться на полу той кухни, на которой совсем недавно готовила завтрак любимому мужчине, собрала всю кровь во рту и выплюнула её Роме в лицо. Он зарычал подобно дикому зверю. Его рык вырвался из груди, и этого момента хватило, чтобы Настя впилась ногтями ему в шею, у самого кадыка. Она вырвалась из захвата, взялась за ножку стола и подтянула себя. Волосы заскользили по лицу, пытались скрыть

мир, но звуки не вдали: агрессивное дыхание чуть удалилось и возвысилось – Рома поднимался.

Настя рванула вверх и побежала к выходу. Сильные руки вцепились в неё и прижали к стене, не дав шанса вырваться наружу. Рома тяжело дышал и не позволял это сделать Насте, вновь сомкнув пальцы на шее. Стены вокруг шептались, говорили об убийстве, и им так хотелось довериться! Так сладок был их зов, их общий глас! Он перекрывал тяжёлое дыхание Насти, которое становилось всё тише и тише. Её веки опускались, скрывали голубые огни, но полностью не закрывались. Слабые стоны вырывались из открытого рта, ногти царапали кожу, кровь текла по его лицу, и всё в этом мире сводилось лишь к одному – удушью грязной суки, которая не ценила то, что для неё делают.

– Я не хочу тебя убивать. – Он душил её, давясь собственными слезами. – Но тебя следует проучить, мерзавка. Я посвятил тебе жизнь, делал всё, чтобы ты была счастлива, а ты называешь меня подонком! И плюешь мне в лицо!

– И я плюну ещё. – Настя врезала Роме между ног и глубоко вдохнула, когда в грудь волной ворвался воздух.

Она побежала по коридору и ускорила, когда услышала за спиной шаги, перемешанные с криками. В темноте она наткнулась на дверь, нащупала пальцами замки и начала поворачивать их, но тут кто-то дёрнул её за волосы и оттащил от двери, после чего поволол в гостиную.

– Я не убил её. – Комнату освещал лишь свет выглядыва-

ющей луны. – Она всё сделала сама, я хотел только поговорить.

– Отпусти меня!

– Но я не желал её смерти, нет, не желал! У неё были эти документы, она хотела подставить меня! Я всё сделал правильно, так почему ты называешь меня ПОДОНКОМ?!

– Потому что ты избиваешь меня, урод! Отпусти мои волосы!

Он так и поступил, швырнув её на диван. Тело глухо ударилось об обшивку, волосы мотнуло из стороны в сторону, кровь брызнула на подушки дивана. Настя подогнула ноги и быстро перекатилась на другую сторону, ближе к кофейному столику. На нём стоял выключенный ноутбук, по которому ещё совсем недавно они с Ромой выбирали, на какой же фильм им пойти на выходных.

Решившись сразу, Настя схватила ноутбук и ударила им Рому по лицу, услышав хруст то ли костей, то ли каких-то частиц. Не обращая внимания на крик, она освободила руки и побежала к двери. Пальцы не слушались, замки получилось открыть только через несколько секунд, но их хватило, чтобы Рома успел догнать её и, взяв за плечи, развернуть к себе.

Настя посмотрела на его сочащееся кровью лицо и замерла, потому что безумие в этих карих глазах было неподдельным.

– Ты никуда отсюда не уйдёшь. Я люблю тебя.

– Посмотри на себя, Ром! В кого ты превратился?! Что с тобой стало?! Всё, чего ты касаешься, начинает рушиться! Ты как прокажённый, только хуже. Я не знаю, что на тебя так повлияло, но я знаю, что вижу сейчас перед собой монстра. Монстра, неспособного любить! Можешь убить меня, как ты это сделал с остальными, и продолжать говорить про любовь, но...ты так и останешься монстром. В погоне за властью и деньгами ты убил в себе всё хорошее.

– Нет, – в темноте его глаза ещё больше заблестели, отражая свет, исходящий из кухни. – Нет, нет, я не такой. Ты врешь. Я всё делал ради нас.

– Это отговорка. Ты просто не хотел видеть другие пути решения ситуаций, – вот и всё. Но я этого терпеть не буду. Разберись в себе, Ром, но без меня. Ты слишком опасен.

– Я?

– Да, ты. А теперь отпусти меня и позволь уйти, если веришь, что внутри тебя ещё осталось что-то светлое. Я хочу жить. Прошу, дай мне прожить счастливую жизнь, но без тебя. Мне хочется иметь любимого мужчину, а не хищника с деньгами. Мужчину, который не изменяет.

Кровь, его собственная и сплёванная Настей, текла по лицу Ромы, пока сам он тяжело дышал и обдумывал услышанные слова. Внезапно его ладони отпустили плечи Насти и медленно опустились...как бы сдаваясь. Она немного постояла, в ожидании того, что будет дальше. Но ничего не происходило. Рома лишь пустыми глазами уставился в какую-то

точку и молчал, выдыхая из груди обжигающий воздух.

Настя открыла дверь и аккуратно вышла на лестничную площадку. Перед тем, как окончательно уйти, она посмотрела на мужчину, которого несколько лет считала своим защитником, и сказал одно-единственное слово:

– Прощай.

После чего дверь захлопнулась, и настала тишина.

Рома, с покрытым кровью лицом, тяжело дышал и смотрел в никуда, пока вокруг шептались стены.

Они смеялись и подшучивали, заливаясь хохотом.

6

Ты подонок во всех проявлениях.

Так она сказала, смотря ему прямо в глаза. И не боялась ведь, хоть он и прижимал её в этот момент к стене.

Ты грязный лжец. И к тому же словоблуд.

Рома горько усмехнулся и взглянул в зеркало над раковиной, перед которой стоял. На него смотрел обезумевший маньяк, только что прикончивший одну из своих жертв. Большая часть лица спряталась под кровью, над правым глазом виднелись неглубокие царапины, оставленные корпусом ноутбука, на белой рубашке осталась пара красных пятен, на пиджаке – тёмно-бордовых. Карие глаза не выражали абсолютно ничего, казались уставшими, но одновременно и пол-

ными энергии. Незнакомец в зеркале выглядел спокойным, но изнутри его тело поедало что-то отвратительное. Оно чавкало, питаясь им. Оно порождало агрессию, забираясь в мозг. Оно смеялось при каждом убийстве и получало от этого такое удовольствие, с которым не сравнится даже оргазм.

Да что там – Рома сам получал удовольствие от убийства.

От самого процесса: это так завораживающе – наблюдать, как из другого человека вытекает жизнь.

В кого ты превратился?

Он не знал. Не знал этого и незнакомец в зеркале. Оба смотрели друг на друга непонимающим взглядом, пока один из них не произнёс:

– Мы в жопе.

Второй улыбнулся и пропустил краткий смешок. Ещё один. И ещё один. Вскоре Рома и его новый друг смеялись вместе – громко, уморительно, не в силах остановиться. Через какое-то время заболел живот, из глаз брызнули слёзы, и Рома, еле справляясь с удушающим смехом, спросил пустую комнату:

– Со мной всё в порядке?

Стены не ответили и продолжили молчать.

– Она назвала меня подонком. Подонком... чёртовым подонком. – Перед глазами возник тот момент, когда его кулак врезался в лицо Насти и выпустил наружу кровь. – Может, я им и являюсь? Я убил двух мужчин своими руками и ещё одну женщину, пусть и косвенно. И кошку. Ещё и бедную

кошку. – Внутри всё было пусто. Чувства поблекли, остался лишь холод. – Я не смогу управлять компанией. Не смогу, нет, не смогу. За мной рано или поздно придёт полиция. А зачем? Чтобы арестовать ублюдка, избившего свою женщину. Да и в квартире Марии полно отпечатков моих пальцев.

Лампа согласно моргнула, на миг окунув ванную в темноту. Холодный свет превращал кровавые дорожки в чёрные ручьи. Бесконечные, бесконечные ручьи... Как же сильно может измениться жизнь меньше, чем за неделю. Ещё вчерашним утром Рома чувствовал себя счастливым, не подозревая, что грядёт на повестке дня. Он лишился девушки, и не просто девушки, а любви всей его жизни – того островка, которые не позволял ему утонуть в океане зверья. Он лишился секретарши и своего заместителя – двух самых главных людей в компании, стоящих после него. Лишился отца, хотя мог дать ему шанс вернуться в семью. Он потерял контроль над собой и теперь всё чаще срывался с цепей. Может, я действительно заслуживаю отдельное место в аду, подумал Рома. Может, за моей спиной слишком много грехов для счастливой жизни. Сможем ли мы помириться с Настей после того, что произошло? Или всё действительно кончилось?

– Ты ещё спрашиваешь?

– Заткнись, пожалуйста. Ты сейчас вообще ни к чему.

– Она сказала тебе правду, хотя могла умереть. Храбрости у этой девчонки отбавляй и отбавляй! Но знаешь, что ты так и не уяснил из её слов?

Рома молчал, ожидая ответа.

– Того, что ты любил только словами. Твоя любовь не подкреплялась поступками.

– Но я же работал! Зарабатывал деньги! Решал вопросы!

– Нет, миленький, это не то. Продвигая компанию вверх и зарабатывая деньги, ты лишь кормил своё ненасытное эго. Даже на прослушиваниях ты не дал Насте возможность показать себя, а снова начал «решать вопрос» и сам видишь, к чему это привело. Ромочка, ты никогда не задумывался, чего хочет Настя. Ты думал лишь о себе и о том, какой же ты молодец. Но на чувства других людей тебе всегда было наплевать, и именно поэтому ты пришёл к власти. Но вот страхи, глубокая неуверенность в себе никуда не делись. Они пожирают тебя и разрушают жизнь. Прими тот факт, что ты ничего не сделал ради Насти. Абсолютно ничего. Ты лишь пользовался ей, пока была возможность.

Рома сжал края раковины. Его тело затрясло как при лихорадке, а кожа покрылась потом, скатывающимся вниз крупными каплями. Всё вокруг замолчало, не смея перебивать женский голос. Он доносился отовсюду и в то же время их ниоткуда, но при этом каждое произнесённое им слово ударяло по голове и вспыхивало ярким пламенем, так что не замечать его было невозможно.

– Ладно, может, ты права. – Руки сильнее сжали раковину. – Я пользовался ей. Но ты сказала, что я не совершил ни одного поступка ради неё. – Рома достал из кармана брюк

визитку и провёл по ней пальцем. – Попробуй скоро сказать то же самое.

7

Двигатель зарычал, как только ключ повернулся в замке зажигания. Рома взялся за руль и медленно выдохнул, собрав всю волю в кулак.

Стрелки на циферблате показывали десять часов вечера. Около сорока минут Рома смывал с себя всю кровь, стоя под горячим душем и пытаясь разобраться в собственных мыслях. Позже он надел новый костюм-тройку, ничем не отличающийся от предыдущего – хочешь спокойно жить, держи в шкафу больше одного костюма. Через какое-то время дверца чёрного «мерседеса» открылась, впуская внутрь хозяина.

Над головой, на тёмном полотне неба, сияли молчаливые звёзды. В некоторых из них можно было угадать созвездия, а в некоторых – увидеть жизнь. Одна из звёзд превратилась в блик света на голубых глазах Насти, говорящей Роме, что он лжец. Люди говорят таким тоном только тогда, когда хотят высказать всё окончательно, и обычно этот разговор становится последним. Он вытаскивает наружу все грехи, обливая их горьким соусом вины и посыпая жгучим стыдом. Он показывает двум партнёрам, кем они являются на самом деле, и те в ужасе разбегаются друг от друга.

Ну конечно, любовь так часто затмевает разум...

Но сейчас он работал на полную мощность, перебирая в голове сотни и сотни вариантов развития событий. Но Рома уже давно выбрал один, самый правильный. Если встреча с Анной началась в восемь часов, скорее всего, с минуты на минуту она подойдёт к концу. Значит, нельзя терять время. Слишком многое уже потеряно в финале игры.

Фары «мерседеса» зажглись и прорезали ночной воздух.

8

Люди выходили из кафе один за другим, что-то страстно обсуждая с неистовым огнём в глазах. Увидев их, Рома улыбнулся, потому что узнал этот огонь – то было пламя, загорающееся внутри при сильном вдохновении, когда ты сам полон мотивации, а желание действовать распирает каждую секунду. Видимо, встреча со своим кумиром и вправду пошла на пользу начинающим актёрам. Неудивительно – это же была Анна Белая, Анна Уайт, уроженка Петербурга, покорившая Голливуд!

Но вот только Рома помнил их разговор по пути в кофейню и смог разглядеть в ней человека. Настоящего человека.

Припарковавшись, он вышел на улицу и пошёл против толпы, которая его и не замечала, но всё равно уступала дорогу. Входные двери были сделаны из прочного стекла, так

что в глаза сразу бросилось красное платье с, несомненно, глубоким декольте. Вскоре оно скрылось за стеной и пропало из виду.

Рома вошёл в полупустой зал и направился туда, где только что видел красное платье. Из маленького коридора можно былой выйти через служебный вход, но в нём также находились ещё две двери: одна с надписью «**УБОРНАЯ**», на другой висела табличка «**КОМНАТА ОТДЫХА ПЕРСОНАЛА**».

Рома взялся за ручку служебного входа, но остановился. Пальцы разжались, и, противясь логике, он открыл дверь уборной, где и нашёл Анну.

Она сидела на складном стуле в конце небольшой комнатки, наполовину заставленной швабрами и вёдрами. Положив ногу на ногу, ссутулившись, держа сигарету дрожащими пальцами. Ничего эстетичного в этой позе не было. Даже вся женственность куда-то пропала. Но как только зелёные глаза встретились с карими, Анна выпрямила спину, и взгляд её стал более уверенным, не таким пустым. Вокруг неё витал дым от сигареты, потому что комнатка была без окон, лишь с одной слабенькой вентиляцией, но сквозь этот дым светились два ярких зелёных огонька.

Они вопросительно блеснули, после чего раздался уставший женский голос:

– Зачем вы сюда пришли?

Рома слепо шагнул в дым и взял из дрожащих пальцев си-

гарету. Прильнул к ней губами, глубоко вдохнул. Кашель попытался вырваться наружу, но так и остался взаперти. Дым вышел через ноздри, а после и из открытого рта.

– Я Роман Арфеев. Может, вы помните, как недавно я подвозил вас в эту кофейню. На чёрном «мерседесе».

– Да, помню. – Она взяла сигарету у него из рук и через несколько секунд так же прильнула к ней губами. – Вы хотите со мной поговорить?

– Да.

Дым окутал их обоих, спрятав от всего мира.

– Вас не было на встрече, Роман.

– Я приехал только сейчас, но меня не интересовала общественная встреча. Я хочу поговорить с вами лично, наедине.

– Что-то важное?

– Невероятно важное. И нам стоит это обсудить. Я приглашаю вас на ужин. К себе домой.

Анна замерла, уставившись на него широко раскрытыми глазами. Её тёмно-каштановые волосы вновь были завязаны косичками, закреплённым на голове, и от этого – от странного сочетания такого юного лица и такой взрослой причёски – Рома почувствовал себя в неправильном месте, в неправильное время, с неправильным человеком. Но отступить было уже поздно, слишком много стояло на кону.

– Вы хотите, чтобы я поехала к вам домой?

Он нагнулся, вновь взял сигарету и, смотр в глаза Анны, мягко произнёс:

– Я бы пригласил вас на ужин в любом ресторане, но зная уровень вашей популярности, не думаю, что завтра в интернете не будут гулять наши фотографии под заголовком «ГОЛЛИВУДСКАЯ ПРИНЦЕССА НАШЛА СВОЕГО ПРИНЦА В СЕВЕРНОЙ СТОЛИЦЕ РОССИИ!» Сомневаюсь, что вам будет приятно такое внимание. Но я хочу поговорить с вами, а потому приглашаю к себе домой. Там я могу гарантировать полную безопасность и конфиденциальность.

Рома вставил сигарету между губ Анны и улыбнулся. Она глубоко затянулась, не отрывая взгляд от карих глаз. Дым заполнил лёгкие, вышел через рот. Губы вновь сомкнулись на фильтре, коснувшись подушечек пальцев. Анна вдохнула полной грудью и выдохнула в лицо Роме, заставив его закрыть глаза. Когда он их открыл, она уже вставала, оттягивая платье.

– Дайте мне свой адрес, я приеду сама.

– У меня есть машина, мы можем доехать на ней.

– Нет, – её рука поднялась, отрицая все возражения. – Я сказала, что приеду сама. Мне нужно вернуться домой. Просто дайте адрес, и я приеду, раз вы так хотите со мной поговорить. Заодно приберётесь в своей холостяцкой берлоге.

– С чего вы взяли, что я холостяк?

– Потому что только холостяк будет так держать сигарету у дамских губ.

На это он ничего ответить не смог. В голове возникло число 37, засветилось ярко-розовым. За ним появились две

цифры: 2 и 1, тёмно-синие. Когда 37 и 21 слились воедино, на их месте всплыло другое число, молчаливо-серое.

Шестнадцать.

Рома прошёлся взглядом по талии, скрытой за алой тканью, и почувствовал лёгкое жжение в паху. Это было то же платье, в котором Анна села в его машину, и, похоже, она понимала, что все достоинства её тела подчёркиваются именно в этом платье, раз надела его и на встречу с поклонниками. Оно будто обводило контуры её форм, восхваляло их, но при этом не выставляло напоказ и всё равно безумно притягивало взгляд. Глаза скользили по телу, перешли к шее и наткнулись на зелёные огни, ожидающие ответа.

Рома прочистил горло и спросил:

– У вас есть ручка с бумагой?

– Подойдите к седьмому столику, там лежат листочки для автографов, которым всё равно никто не пользуется – рядом с ними я оставила ручку. Подожду вас на улице, но если задержитесь дольше, чем на три минуты, я просто уйду. Договорились?

– Договорились, – улыбка осветила его лицо, хоть уголки губ и пытались сопротивляться.

Шёл двенадцатый час ночи, а он оттирал с пола Настину

кровь.

Решение Анны приехать самой лишь сыграло ему на руку. Выходя из квартиры, Рома не заметил, какой бардак оставил за собой: подушки на диване были забрызганы пятнами крови, поломанный ноутбук валялся на полу, вся ванная комната чуть ли не залилась лужей, потому что Рома мылся без задёрнутой занавески, напрочь забыв о ней. Пока он дожидался приезда Анны, то успел привести квартиру в порядок и проветрить её от запаха пота, возникшего в результате борьбы двух влюблённых.

Где-то на улице гавкнула собака, послышался звон бьющегося стекла, после чего собака замолчала. Рома оставил окно открытым, подошёл к дивану, с которого убрал подушки, и сел на него, тут же закрыв глаза. С тяжёлым выдохом из груди вышел прожитый день, все переживания. Наконец-то этот день заканчивался. Этот бесконечный, кошмарный день... Через несколько минут начнётся новый, люди передвинут на своих календарях красную рамку, и ещё одни 24 часа останутся позади.

Мысль об этом грела душу, но было ещё кое-что, что следовало сделать. Пока Рома не заснул, для него продолжался этот день, и будет продолжаться недолго, если всё пойдёт по плану. Но Анна согласилась на разговор, согласилась на приезд к нему домой, а потому всё шло хорошо.

Всё шло просто замечательно.

Рома выдохнул стресс в темноту и вдохнул спокойствие,

полностью отдавшись тишине.

10

Домофон зазвонил после полуночи, когда Рома уже почти заснул.

Он подошёл к двери, снял трубку и спросил:

– Кто?

– Знаменитая на весь мир актриса. Пришла в гости к незнакомцу, который её позвал.

На его лице расплылась улыбка, хоть её и пыталась скрыть темнота. Палец нажал на кнопку, в динамиках что-то коротко пискнуло, после чего в трубке раздался звук открываемой двери. Через минуту или чуть больше в квартиру войдёт неписаная красавица, и Рома растает, ведь его уже ничто не удерживает от того, чтобы влюбиться в кого-то без памяти. Если он кому-то подарит свою любовь, никто не обвинит его в измене или неверности. Он был свободен. Теперь да, свободен. Но почему тогда он чувствовал себя так, будто за ним следят чьи-то глаза?

Потому что у меня есть дело, подумал Рома. Я дал себе слово и на этот раз сдержу его. Сдержу, во что бы то ни стало.

Он зашёл в гостиную, включил свет и встал перед зеркалом во весь рост.

И увидел высокого, стройного красавца. На нём были надеты белая рубашка, выправленная наружу и закатанная в рукавах; чёрные брюки и такого же цвета кожаные туфли,

которые так и подмывало снять, дав ступням свободу. Вены на руках выпирали. Рома приподнял рубашку и увидел ещё одну, тянущуюся к самой промежности подобно бледно-голубой змее, спрятавшейся под песком. Волосы на голове были аккуратно уложены в классическом стиле, расстёгнутые верхние пуговицы слегка приоткрывали грудь, мышцы которой хорошо проглядывали через белую ткань. Свет ламп очертил фигуру Ромы, его торс – широкий в плечах, узкий в бёдрах – и отразился от поверхности карих глаз, пропитанных спокойствием.

В дверь постучали. Два раза. Робко, по-женски.

Он подошёл к ней, открыл замки и опустил ручку вниз.

На том же пороге, на котором ещё сегодня стояла Настя, курила сигарету Анна, не изменяя своей манере держать руки скрещёнными под грудью. Она не сняла своё шикарное платье. Казалось, теперь оно ещё больше облегалo тело, прижалось к нему, почти что срослось. Единственное, что отличало её от привычного образа, так это покрашенные ярко-алым губы, притягательность которых не мог скрыть даже табачный дым.

И было ещё кое-что, заставившее Рому обомлеть, не в силах выдавить из себя хоть слово – волосы Анны, обычно заплетённые в косы, свободно свисали вниз, ластились по шее, плечам, грудям и ползли по спине. Их тёмный каштановый цвет мог бы соблазнительно переливаться на солнце, но под обычной лампочкой подъезда он не был столь прекрасен, ка-

ким мог бы быть в утренних лучах. Тоненькая, по-настоящему женская шея переходила в чётко выраженные ключицы, под которым за глубоким декольте был не особо сильно припрятано то, что уже не одно тысячелетие сводило мужчин с ума.

Дым растворился в тишине, повисшей между двумя парами глаз.

– У вас на первом этаже кого-то вырвало. Этот подъезд умеет встречать гостей.

Меж её пальцев вспыхнул огонёк, замер в воздухе, затем вновь побледнел.

– Проводите даму в свои хоромы?

– Провожу, только я должен кое-что спросить.

Анна приблизилась к нему и вставила сигарету в его полуоткрытый рот.

– Поменьше болтовни, договорились? Я люблю длинный язык, но только не в подобном ключе.

Она прошла в квартиру, оставив Рому стоять с сигаретой меж губ. Он вынул её, кинул на пол и придавил ногой, слушая, как за спиной удаляются шаги в сторону кухни. Той кухни, в которой несколько часов назад они с Настей боролись, выпуская кровь друг друга наружу. Именно там их любовь покончила с собой, под тяжёлое дыхание обоих. Именно там закончились их поцелуи, объятия и ласковые улыбки по утрам, излучающие теплоту.

И именно там она назвала его подонком.

Подонком во всех отношениях.

Рома закрыл дверь и направился к кухне. На одном из стульев уже сидела Анна, с интересом разглядывая всё вокруг. Её яркие зелёные глаза цвета поздней весны были широко раскрыты как у маленькой девочки и изучали интерьер комнаты, скользя взглядом абсолютно по всему.

– Знаете, Рома, у вас довольно уютно. В русских кухнях есть какая-то особая атмосфера. Вот эти столы, эти клеёнки... Ни в Европе, ни в Америке нету такого. Я как будто снова у бабушки.

– Может быть. – Только сейчас он заметил, какой же у неё уставший голос. – Но приготовить что-нибудь как ваша бабушка не сумею. Единственное, что я могу сделать на кухне, так это её взорвать.

– Поэтому вам готовит девушка. – Анна взглянула на плиту и на аккуратно сложенные столовые приборы. – Здесь чувствуется женская рука. Мужчины по природе своей небрежны. Исключением являются их дорогие сердцу автомобили. Вот там-то да... Они поддерживают чистоту!

Рома открыл холодильник, достал вино и после того, как открыл, начал разливать его по бокалам. Когда он закончил, его руку накрыла чужая ладонь, и в лёгкие вновь ворвался аромат сладкой клубники.

– Присядьте.

Её голос волной пробежал по телу и вызвал искру ниже живота. Красные ногти легонько царапнули кожу. Где-то да-

леко распевали песню пьяные подростки, но их голоса стали настолько тихими, что их ну улавливали уши. Мир окутала тишина, мир окутал туман. И посреди пугающей пустоты сверкнули зелёные огоньки подобно маяку в штормовую ночь.

Рома сел напротив Анны, взглянул в её уставшие, наполовину закрытые глаза и улыбнулся. Попытался улыбнуться. Но вместо облегчения он почувствовал, как по правой щеке скатывается слеза.

– С вами всё в порядке?

– Не знаю. – Сил, чтобы врать, не осталось. На поверхность из глубоких ран теперь могла вытекать только правда. – Это, наверное, со мной что-то не так. Вы не обращайте внимания, я не об этом хотел с вами поговорить.

– А о чём же?

Подушечки пальцев вспомнили, какими влажными были Настины губы после каждого секса, и от этого воспоминания защемило сердце. К горлу подкатил комок – такой огромный и неприступный, что заставил дышать полной грудью, чтобы втянуть хоть немного воздуха.

– Мне нужна ваша помощь. Но сначала, – Рома взял свой бокал, – выпьем за...

– ...хороший секс, – Анна чокнулась и залпом выпила всё налитое ей вино. Улыбаясь тающему во рту послевкусию, она заговорила: – Давай сразу без прелюдий, Ромочка, и без лишних ванильных слов. Мне тридцать семь лет, я не держала

в руках член уже больше четырёх лет, и если я в своём возрасте согласилась встретиться с мужчиной, то только с одной целью. Я прекрасно понимаю, зачем ты позвал меня сюда. Не буду скрывать – я хочу того же. Ты крепкий молодой парень, во многом обгоняешь моих сверстников с ипотеками, разводами и детьми. К тому же и полон энергии! Так что давай не будем играть в детишек, а сразу дадим друг другу желаемое. Говори, что нужно от меня.

Рома молчал, не отрывая взгляда от глаз Анны – таких выразительных и прекрасных, что было бы грехом не показывать их в кинотеатрах. Её скулы, всегда агрессивно выпирающие, сейчас чуть сгладились и будто бы спрятались. И эта естественность... эта естественность в её распущенных волосах... Этой красотой можно наслаждаться бесконечно, если рёбра не треснут от бешеных ударов сердца. Рома почувствовал, как накатывают усталость и вместе с тем желание обнять Анну, просто заснуть рядом с ней. Просто заснуть, позабыв обо всём мире.

Но он вспомнил, как блестели голубые, именно голубые глаза в свете кухонных ламп, когда Настя произнесла: «*Ты подонок во всех отношениях*». Вспомнил, с какой горечью она выплюнула эти слова и как засмеялась после того, как получила удар под дых.

Рома собрался с мыслями и заговорил:

– Когда вы сказали о...

– Можем перейти на «ты», дорогой, раз собираемся за-

няться «любовью».

Улыбка осветила её лицо, но усталости в ней было не меньше, чем в глазах. Чертовски красивых глазах...

– Когда ты сказала, что к этой кухне приложена женская руки, то не ошиблась. Эта девушка, Анастасия, с детства мечтает стать актрисой. И эта мечта с ней до сих пор, никуда не исчезла. Настя...недавно ходила на прослушивание, которое не прошла.

– И ты хочешь, чтобы я познакомила её с именитыми режиссёрами?

– Я хочу, чтобы ты помогла. И я знаю, что ты можешь это сделать. Просто дай ей шанс показать себя на крупной площадке. Уверен, если её подтолкнуть, дальше она сама наберёт разгон, и потом эту девчонку не остановишь. Её стоит только выпустить в мир кино. Настя всегда добивалась, чего хотела – такой у неё характер. Я лишь прошу тебя помочь ей, не продвигать.

– То есть, у тебя есть девушка?

Рома отпил вина и налил себе ещё. Увидев пустой бокал Анны, он заполнил и его.

– Я не буду отвечать на этот вопрос.

– Значит, поссорились. Ну хорошо, я тебя поняла. Устрою твоей девочке праздник жизни. Что насчёт твоего подарка? Мы же не будем всю ночь здесь вино пить?

– Ты хочешь секса?

– Да.

Рома стучал пальцами по столу и смотрел на дверной проём, прямо за обнажённое женское плечо. Совсем недавно так он прижимал Настю к стене, смыкая на её шее свои пальцы. Хотел ли он убить её? Нет, конечно нет! Он хотел придушить её. И сделал бы это, если б не получил удар между ног. Скорее всего, сейчас Настя уже дома, смыла с себя кровь и плачет в комнате съёмной квартиры, прижимая подушку к лицу. Теперь никогда они не лягут в одну кровать, не поцелуют друг друга перед сном и больше не будут смеяться во время просмотра семейных комедий, кидая попкорн друг другу в рот. Их отношениям, их любви настал конец. Оспаривать это было глупо – доказательство тому красовалось у Насти на лице. И все слова, которые они хотели сказать, они вылили друг на друга вот здесь, на этой кухне, после самого тяжёлого дня в жизни.

– Долго думаешь, учитывая то, как ты раздевал меня глазами. Платье расстёгивается легко, не переживай.

– Почему... почему ты так легко пошла со мной на контакт? Ты же известная личность и не можешь позволять себе такого.

– Разве я не могу потрахаться с молодым красавчиком? Тем более, – она прошла взглядом по его выпирающим венам на руках и облизнула губы, – не думаю, что ты кому-нибудь проболтаешься. С Настей своей ты поссорился и, похоже, навсегда. Достаточно посмотреть на вот эти царапины и ссадины на твоём лице. – Она коснулась их пальцами, и ко-

гда это произошло, зелёные глаза упали в карие. – Подари мне хороший секс, доведи меня до оргазма, и твоя Настя будет сниматься в кино. Это я гарантирую.

– Сними с себя платье.

– Я планировала, ты его снимешь с меня.

– Мне нужно убедиться, что у тебя нет с собой записывающего устройства. Я не хочу «сесть» за изнасилование знаменитой голливудской актрисы.

– Господи, в нашем мире не верят даже женской похоти! Ну так уж и быть, разденусь. Надеюсь, застёжку на спине растегнёшь?

Анна поднялась из-за стола, Рома подошёл к ней и нашёл еле видимую молнию. Потянул вниз «собачку» и пустил ладони в открывшийся проём, опуская платье тыльными сторонами ладоней и проходя подушечками пальцев по нежной коже. К нему присоединились женские руки, помогали ему поскорее избавиться тело от лишней одежды. Когда Рома еле коснулся поверхности ягодиц, пах взорвался, запылал огнём, который перешёл на всё тело. И он перешёл бы на чужое, если бы рядом не упало что-то мелкое.

На полу лежал небольшой пакетик, наполненный белым порошком.

Рома поднял его – почти пустой, изрядно использованный.

Анна повернулась и взяла то, что принадлежало ей. Пальцами она открыла пакетик и высыпала на стол небольшую

горку, слегка размазав её пальцем.

– Это «снежок». – Она улыбнулась Роме, как бы говоря, что всё в порядке. – Почти что оргазм, но нет, не дотягивает. Зато энергия прёт из всех щелей! Будешь?

Рома не услышал вопроса. Он смотрел на тело, с которого только что снял алое платье. Анна надела на себя чулки с поясом, так плотно облегающие её ноги, что их и не хотелось снимать. Чёрный бюстгальтер, слегка прозрачный у самых грудей, с цветочным узором над кожей, подманивал к себе, флиртовал с глазами и заставлял гадать, какие прелести скрыты под ним. Даже так Рома видел, что трусики уже были мокрыми и уже представил влагу на своих пальцах, пылающих огнём. Воздух вокруг нагрелся, дыхание участилось, а в штанах с каждой секундой становилось всё меньше и меньше места.

Анна убрала с лица волосы и нагнулась над столом.

– Если будешь, я оставлю. – Она закрыла одну ноздрю и втянула в себя половину высыпанной горки. Слабый стон вырвался из её груди, спина резко выпрямилась, а глаза широко раскрылись, блеснув зелёными огнями. – Я хороша! Я чертовски хороша! А теперь возьми меня! Возьми и трахни, ведь я так долго этого ждала!

Она прильнула к его губам и прижала к стене, начав тереться об него телом. Ладони жадно схватили лицо, перешли к шее и сорвали пуговицы на рубашке, после чего трепетно заскользили по торсу. Рома нащупал пальцами застёж-

ки бюстгальтера, расстегнул их со второй попытки, снял и позволил ему упасть на пол. Языки встретились друг с другом, впервые соприкоснулись, позже их уже невозможно было остановить. И когда Анна сжала в своей руке набухающий член, Рома резко отпрянул и спросил:

– Ты точно поможешь Насте попасть в кино?

Её рука двинулась к основанию ствола и вернулась обратно.

– Дорогой, если я кончу, она будет сниматься в Голливуде. Рома сделал так, чтобы она кончила.

11

Анна ушла в половину седьмого утра, не сказав ничего, лишь закрыв дверь.

За эту ночь Рома кончил три раза, но больше работал пальцами, чем любой другой частью тела, потому что Анна хотела ещё, ещё и ещё. Она перемещались по всей квартире, занимались сексом там, где Рома с Настей не отважились попробовать, и стонали, кричали, наслаждаясь телами друг друга. Их движения были уверенными, каждый из них приносил удовольствие партнёру, получая его сам.

В какой-то момент Анна окунула лицо в горст кокаина и втянула его в себя, после чего громко крикнула и набросилась на Рому. Он жадно прильнул к её губам и почувствовал

во рту некую сладость, какую не пробовал раньше.

Этой ночью никого из них нельзя было назвать человеком. Они превратились в диких зверей, утоляющих свои измененные потребности, инстинкты. Любовью здесь и не пахло – воняло спермой, смазкой, похотью и развратом. Рома душил её, Анна царапала его спину, руки, ягодицы. Это был грязный секс, длящийся несколько часов. В перерывах они о чём-то разговаривали, но Рому уже не помнил о чём. Перед новым подходом каждый выпивал бокал вина, Анна проходила носом по дорожке кокаина и заводилась ещё сильнее, когда ближе к утру Рома просто хотел спать. И он бы скоро заснул, если б не её формы. При взгляде на них встанет даже у импотента, а возраст Анны был главным её достоинством – она делала то, что не смогла бы провернуть ни одна двадцатилетняя девушка.

Но всему приходит конец, и он наступил вместе со звуком захлопнутой двери, разбудившим Рому.

Момент, когда он провалился в сон, скрылся от него. Анна ушла не попрощавшись. Лишь на прикроватной тумбочке лежала записка, на которой было начерчено несколько слов:

Спасибо за прекрасную ночь

Настю ждёт Голливуд

Настю ждёт Голливуд...

Рома оставил Анне её номер и дал некоторые аккаунты в соцсетях, чтобы было, что показать режиссёрам. Конечно, им требовался и талант от актрисы, но улыбка Анны Белой

расставит всё по своим местам и убедит всех, что, выбрав эту девочку, они не совершат ошибку. Значит, он сделал то, что намеревался сделать. Помог Насте осуществить мечту.

Но какой ценой? Ты изменил ей.

– Заткнись. – Рома снова лёг на кровать, закрыл глаза и подумал, что не сможет заснуть, а вместо этого будет бороться с голосом, всё время донимающим его.

Но через несколько минут он уже спал и улыбался, потому что ему ничего не снилось.

12

Его разбудил телефонный звонок.

Рома открыл глаза, кое-как встал с кровати и двинулся в сторону звонка. По всему телу, казалось, проехал не один десяток машин: ноги ломало, руки потяжелели, а голову и вовсе окутал густой туман. Но он сразу рассеялся, когда глаза наткнулись на одно-единственное слово, означающее целую жизнь. Прекрасную, уже прошедшую жизнь.

Рома принял вызов и приложил телефон к уху. Голос, который он слышал, заставил его грудь сжаться, а сердце затрепетать, как это бывает при первой влюблённости.

– Привет.

Во рту всё пересохло, поэтому ответное «привет» превратилось в хрип, сорвавшийся с губ. Рома вошёл на кухню, уви-

дел недопитое в бутылке вино и тут же осушил её, после чего поставил на размазанный по столу кокаин.

– Привет, – он вернулся в спальню и лёг на кровать, на которой меньше часа назад Анна сжимала бёдра так, будто у не было никаких четырёх лет. – Как дела?

– У меня всё хорошо...относительно. На пары ходить не смогу, буду сидеть дома, потому что на шее следы от пальцев, а на лице синяк.

– Прости.

Повисла небольшая пауза, которую с неохотой нарушила Настя:

– Мне только что позвонила Эльвира Рафаэлевна. Думаю, ты её помнишь. Она сказала, что на роль, на которую я пробовалась, меня не возьмут, но...она предложила мне пройти пробы на другую. И та, кто победит, поедет работать с целой командой в Голливуд! – радость всё-таки смогла прорваться в её хладнокровном тоне, но тут же исчезла со следующим словом. – Ром...скажи честно: это твоих рук дело?

Ты всегда была сообразительной, Рапунцель.

– Да, милая, без меня тут не обошлось. Считай, это мой прощальный подарок. Он, наверное, не окупит все мои грехи, но хоть даст тебе возможность исполнить мечту.

Вновь тишина, но на этот раз только она, без шёпота стен. Рома вслушивался в неё, пытаясь уловить дыхание той девушки, рядом с которой он больше всего чувствовал себя счастливым. И, кажется, уловил – оно было беспокойным,

тяжёлым, совсем как у него.

– Спасибо. – От этого слова по телу пробежали тёплые мурашки, а уголки губ поднялись вверх, образовав на щеках ямочки. – Спасибо, что помог. Но надеюсь, ты не рассчитываешь на продолжение?

– Нет...но это не значит, что я его не хочу.

– Рома, я хочу лишь поблагодарить тебя за все те хорошие вещи, которые ты для меня сделал. И за плохие тоже, ведь ты подарил мне ещё и опыт, сделал меня мудрее. В общем, спасибо тебе за всё. На этом наши пути расходятся.

– И тебе спасибо. – Голос не дрогнул, но из щиплющих глаз покатались слёзы. Тихо, беззвучно скользили вниз. – С тобой я был по-настоящему счастлив. Я... Я тебя люблю, Насть.

– Пока, Ром. Всего тебе наилучшего.

Раздался короткий гудок, после которого пропали все звуки. Мир внезапно затих, будто бы понял трагедию, произошедшую по телефонному разговору. Ветер перестал шевелить под окном листву, водители старались не нажимать на клаксон, а птицы общались одними только глазами, потому что боялись сломать эту хрупкую грань сознания, по которой шёл Рома. Он, полностью голый, добрался до кухни, понял по лучам заката, что уже вечер, и нагнулся над столом, чтобы втянуть в себя кокаин. В последний момент передумал, открыл кран, начал набирать ванну с тёплой, даже чуть горячей водой и отправился в свой кабинет. Там, во втором

ящике слева, лежали два канцелярских ножа.

«Снежок» сейчас ни к чему, подумал он. Мне не нужна ясная голова, иначе я не сделаю этого.

Когда ванна наполнилась, Рома перекрыл воду и залез внутрь, положив на стиральную машину нож с уже вытасченным лезвием. Несколько минут он просто сидел, смотря перед собой и ни о чём не думая. Его переполняло спокойствие: не было ни страха, ни тревоги, ни даже какого-либо интереса. Последняя слеза сорвалась при разговоре с Настей, последнее чувство исчезло с коротким гудком. Умиротворённость – вот что царствовало в его душе.

Рома взял канцелярский нож, лёг в ванне и спросил пустую комнату:

– Говоришь, больно только тогда, когда режешь?

Ему не ответили, поэтому он сразу провёл лезвием по вене на левой руке, от самого запястья до сгиба в локте. Тёмная кровь стала выглядывать наружу и на правой руке, после чего Рома выбросил нож и просто расслабился, наслаждаясь тёплой водой.

Он вспомнил, как не так давно они с Настей играли в бадминтон. Вспомнил, как она смеялась, когда случайно попала мячиком ему по голове. Её смех без зазрения совести можно было назвать лучшим смехом в галактике, даже если это было не так. Настя заслуживала хорошей жизни, а рядом с Ромой её быть не могло. Ведь, как известно...

Всё, чего ты касаешься, начинает рушиться!

– Да, это так, – собственный голос придал словам убедительности, хоть они в этом и не нуждались. – Всё, чего я касаюсь, начинает рушиться. И здесь ты права, Рапунцель. Как всегда права...

Перед глазами предстала луна, безумно ярка в ту ночь. Они дурачились, смеялись, ругались и снова смеялись, гуляя по городу перед прослушиваниями. Под той же луной Рома убил своего отца, который, может, и заслужил второй шанс. Убил за измену любимой женщине. Сказал, что сам никогда не изменит, будет верен Насте по гроб жизни. Испытывали он угрызения совести? Нет. Ни тогда, ни сейчас. Осознание плохого поступка пришло ещё до его совершения, но вот чувства так и не появились, лишь уступили место холодной пустоте.

– Может, у меня действительно нет сердца? – Вода уже окрасилась кровью, вытекающей из двух разрезанных вен. Этот процесс завораживал, очаровывал собой. Рома чувствовал, как накатывает усталость и вместе с ней душу заполняет меланхоличное спокойствие. – Простите, что я так ухожу. Это неправильно, но так будет лучше. Всем. Я это делаю ради вас. Ради тебя, Настя. Я же слишком опасен, помнишь? Это правда, Рапунцель, правда...

Где-то в другом мире зазвонил телефон, но звонящий мог не рассчитывать на ответ. Простите, абонент временно недоступен. Он решил отключиться от сети и причём навечно, чтобы не быть таким подонком во всех отношениях. В от-

ношениях с отцом, мамой, своим заместителем, своей секретаршей, любимой женщиной и самим собой. Подонок во всех отношениях... С какой же ненавистью она это сказала.

– Забавно, – Рома обратился к стенам, внезапно закрывшим свои рты и просто наблюдающим за ним, – меня никто не мог победить. Никто. Пытались, но проигрывали. И единственный, кто смог сейчас одержать надо мной победу – это я сам. – Улыбка осветила его лицо, медленно расплывшись под закрывающимися глазами. – Прости меня, пап. Если мама решила простить тебя, следовало дать тебе шанс. Прости, мам, за то, что за последние несколько лет не сказал тебе ни одного тёплого слова. Женя...и ты прости меня. Я просто увидел в тебе сильного конкурента и испугался, – вот и всё. В нашей истории ты был героем, а я – злодеем. И погиб ты героем. Прости...

Рома сжал ладонь в кулак, после чего пошевелил пальцами. Голос ослабевал, но всё ещё держался достойно, а потому стоило продолжать, ведь список тех, у кого следовало попросить прощения, не закончился.

– Настя... Ты единственная всё время поддерживала во мне человека. Но даже ты не смогла сдержать этого зверя. И всё равно спасибо. Спасибо за эти четыре с половиной года, что мы были вместе. Это лучшие годы моей жизни. Прости меня, Рапунцель. Будь счастлива.

Рома чувствовал, что умирает. Веки его наливались свинцом, тело оставалось где-то внизу, будто совсем и не принад-

лежал ему. В спальне вновь зазвонил телефон, но его мелодия казалась такой тихой, что сознание игнорировало её и отбрасывало в сторону.

– Анна... Дорогая Анна. Мы с тобой оба несчастны. Ты скоро умрёшь, милая, если продолжишь так закидываться «снежком». Но ты выполнила мою просьбу, так что спасибо. И спасибо тебе за прекрасную ночь. Мы были дикими, но я уже разучился быть человеком, так что ничего. Я рад, что подарил тебе хороший секс.

Он вспомнил мутно-зелёные глаза, прячущиеся в темноте. Вспомнил, как побежал за светлым пятном шерсти и как смотрел на мёртвое тело, распластавшееся на асфальте в луже собственной крови.

– Сяма... Не знал, что животные так много всего понимают. Я... Прости, что лишил хозяйки, Марии. Маши... Ты не должна была так закончить. Слишком всё как-то... неправильно. Надеюсь, ты отдыхаешь в раю. Без этих чёртовых мужчин.

Рома поднял левую руку, приложив при этом колоссальные усилия, и окунул два пальца в раскрытую вену. Мышцы его лица слегка дёрнулись, но и только. Он чуть выпрямился, развернулся к стене и приложил к ней окрашенные кровью пальцы. Сделал первый мазок, выдохнул. Через несколько минут над его головой уже высилось солнце, лучи которого расходились по всему миру. И в самом центре, ниже глаз-точек, светилась кровавая улыбка, проведённая слева направо

широкой дугой.

Рома сполз по ванне и полностью расслабился, понимая, что мир стремительно бледнеет и в то же время окунается во тьму.

– Я вас всех люблю. – С губ срывался лишь слабый шёпот, который не слышал даже сам Рома. – Я вас всегда любил, просто не умел этого показывать. Пусть для вас светит солнце.

И последними его словами в мире живых стали:

– Всё, что мы можем, так это дышать.

После чего он перестал дышать и умер, прямо под улыбкой сияющего солнца.

13

Настя вытерла слёзы и выдохнула прохладный осенний воздух.

У краешков её серо-голубых глаз прибавилось морщин, как и на лбу, скрываемом чёлкой. Чёрные волосы, покрашенные специально для новой роли, свободно развевались на ветру. Как и пальто, купленное мужем в Милане. Сейчас он находился дома, с ребёнком, и, скорее всего, оба они смотрели мультики, деля на двоих детское питание. Всё-таки семья – это прекрасно. Особенно когда твой мужчина заботливый, чуткий и не пытается убить тебя в жестокой драке.

По щеке Насти пробежала слеза. Она не стала её вытирать, а позволила скользить вниз. На кладбище можно поплакать, если ты живой.

Перед ней ветер играл с упавшими на землю листьями, некоторые из которых бились об небольшое надгробие. На нём чёрными буквами были выбиты три слова: **АРФЕЕВ РОМАН АЛЕКСЕЕВИЧ**. При взгляде на них бросало в дрожь, но в настоящий ужас приводили числа, написанные ниже.

1999 – 2020

– Ты был плохим человеком, – Настя присела и провела пальцами по фотографии молодого симпатичного парня, улыбающегося прямо в объектив. – Но ты старался быть хорошим. Старался, я видела. Об этом говорила та улыбка... на солнце. Ты старался, Рома, но предпочёл умереть хищником. Слишком гордый, дорогой. Ты смог себя перебороть.

Зазвонил телефон, перебив Настю. Она достала его из кармана пальто и ответила на вызов.

– Настя, дорогуша!

– Полина, я сейчас занята. Что нужно?

– Милая моя зайка! Ты можешь смело назвать меня своим лучшим агентом! Приготовься к взрыву мозга через три... две...

– Говори уже.

– Ты номинирована на «Оскар»! На «Оскар», Настюш! За роль молодой принцессы, попавшей в руки маньяку! Ты слышишь? «Оскар»! «Оскар»! Возвращайся поскорее в Лос-Ан-

джелес, и мы отметим это как следует! Хватит сидеть в своём Питере! Тут солнце, пляж, красота! Возвращайся!

– Я приеду. Спасибо за новость.

Она сбросила звонок, оборвав Полину на полуслове. Убрала телефон в карман, и пальцы её в этот момент коснулись сложенного несколько раз листка. Сердце забилося чуть быстрее, грудь заполнилась теплом. Настя вытащила листок, развернула его и с грустной улыбкой посмотрела на написанные восемь лет назад строки.

*Пишу это ночью, 9 июля, после нашей ссоры
Прости, я дурачок
Но ты ещё порвёшь всех на прослушиваниях
Я верю в тебя, Рапунцель*

Настя коротко всхлипнула и зажмурила глаза, чувствуя, как по лицу бегут крупные капли слёз. Сколько бы раз она ни прочитывала эти слова, они всегда ударяли по самому больному и заставляли плакать. Это был артефакт прошлого, дающий тепло и горечь одновременно. Слишком тяжело отпустить, слишком больно принять.

Дальше Рома написал стих, который Настя старалась читать как можно реже. Но здесь, на кладбище, перед его могилой, она позволила этим корявым буквам залезть в душу и вытащить наружу воспоминания.

*Её красота сияет в глазах.
Прекрасны они в свете луны.
Рядышком с ней пропадает мой страх,
Рядышком с ней нет чувства вины.
Объятья её меня согревают,
Встать помогают под шквальным огнём.
Плечи ладони теплом покрывают,
В шуме войны поют соловьём.
Она – мой рассвет, она – мой закат.
Мы связаны вместе навеки веков.
В рай превратим мы хоть даже ад!
Наш путь прекрасен, наш путь таков:
Мы будем сиять, пылать в темноте!
Летать в облаках под солнцем вдвоём!
Друг друга любить, тонуть в красоте!
Гнёздышко наше мы вместе совьём!*

*Моей любимой Насте,
с которой мы всегда будем вместе*

Всегда будем вместе...

Настя достала зажигалку, принесённую специально для самого больного. Она последний раз прошлась взглядом по четверостишиям, поднесла кончик пламени к бумаге, и та тут же соприкоснулась с огнём.

– Я не хочу этого делать, Ром. Но даже в стихе ты наврал.

Мы не вместе, мы не вьём одно гнёздышко. Это всё враньё.
Оставайся в прошлом. Я благодарна тебе за Голливуд.

Она бросила обугливающийся стих на могилу и ушла, вытирая с лица последние слёзы.

9 июля – 5 сентября 2020 года